ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 46-й

№ 13 (4507)

26 марта 1975 г. СРЕДА

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ ПЯТИЛЕТКИ

НАСЛЕДНИКИ РАТНОЙ СЛАВЫ

Трудовые победы строителей, монтажников и горняков Курской магнитной аномалии достойно продолжают ратный подвиг народа, свершенный здесь в годы Великой Отечественной войны. На местах былых сражений создан мощный промышленный комплекс, который обеспечит существенный прогресс во всей черной металлургии страны.

Лучшие экскаваторщики Михайловского горно-обогатительного комбината М. Зеленин и его помощник В. Харьков.

Там, где проходит прораб М. Лагутеев, геодезисты Н. Сабылев и Г. Ситникова, поднимутся вскоре жилые дома, школы, магазины молодого города Железногорска.

Михайловский карьер

Фото В. ВИКТОРОВА

Олег СМИРНОВ

ПОД ЗНАМЕНЕМ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

В СВОЕ время мне довелось побывать в будапештском Дворце профсоюзов строителей — днем зал заседаний был пуст и беззвучен. И вот на прошлой неделе благодаря телевидению я как бы снова очутился там. Знакомый зал был полон людей, взволнованных, радостных. Это были делегаты и гости XI съезда Венгерской социалистической рабочей партии. Слушая доклад Яноша Кадара, речи делегатов съезда и глав делегаций братских компартий, отчетливо сознаешь: XI съезд ВСРП — важная веха в жизни венгерских коммунистов, всего венгерского народа, в развитии и укреплении единства стран социализма.

Наши друзья и единомышленники подводят итоги проделанному, намечают дальнейшие задачи. С теплым чувством сопричастности убеждаешься: велики успехи Венгерской Народной Республики в народном хозяйстве, в науке и культуре, во внешней политике. И во всем этом — огромная заслуга партии венгерских коммунистов.

А впереди — новые рубежи, новые высоты. И верится: руководимые своей испытанной партией, трудящиеся Венгрии выполнят то, что наметил партийный форум. А на поддержку и помощь Советского Союза, других социалистических стран можно как всегда, рассчитывать твердо.

XI съезд ВСРП работал накануне 30-летия освобождения Венгрии от фашистского ига. Вместе с венгерским народом эту торжественную дату отметят народы Советского Союза, других братских социалистических государств, все друзья новой Венгрии. Выступая с речью на XI съезде ВСРП, Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев сказал: «В ту весну 1945 года занялась заря новой жизни для многих европейских народов. Победа над фашизмом стала историческим рубежом в судьбах всего человечества. И ее самые глубокие последствия — это сегодняшние успехи мирового социализма, неуклонный рост революционных сил, наши большие достижения в борьбе за прочный мир на земле».

Умные, точные, справедливые слова! Мы воочию видим, что понесенные Советским Союзом жертвы не пропали зря: на освобожденные земли навечно пришла новая, прекрасная жизнь.

Если ехать долиной Дуная и Тисы, то увидишь памятники над могилами солдат и офицеров, наших соотечественников. С трогательной заботливостью ухаживают венгры за этими могилами, украшают их живыми цветами. Но не мертвы они, павшие герои, они с нами, в наших буднях и праздниках...

30 послевоенных лет мы идем вместе. И год от года крепнет наше единство, наши всесторонние связи. Это проявляется во многих областях, в том числе и в сердечной, взаимообогащающей дружбе литератур, венгерской и советской.

Да, мы идем и будем идти вместе. В едином строю. Плечом к плечу.

ПРОДОЛЖАЯ ГОРЬКОВСКИЕ ТРАДИЦИИ

VI ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Открытие совещания. Выступает Георгий Марков.

Фото В. КРОХИНА

Шесть дней продолжалось VI Всесоюзное совещание молодых писателей, в котором приняли участие прозаики, поэты, драматурги, критики и литературоведы, детские писатели и переводчики литератур народов СССР — представители всех республик нашей страны.

С приветственными телеграммами к участникам совещания обратились Михаил Шолохов и Константин Федин.

УЧАСТНИКАМ VI СОВЕЩАНИЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Самые сердечные пожелания успехов, и, разумеется, не только в работе на совещании.

Ваш М. ШОЛОХОВ

■

Дорогие товарищи!

Позвольте мне от души приветствовать Всесоюзное совещание молодых советских писателей.

В этой нашей большой дружеской аудитории, вероятно, присутствует немало литераторов, которым знакомы прежние совещания молодых писателей. Основательное знание истории таких литературных встреч не только богатит формы их проведения, но раскрывает содержание самой писательской жизни.

Связь литературы с читателем — явление бытовое. Но мы — свидетели небывалых перемен, которые происходят в наши революционные годы в привычных, казалось бы, отношениях между писателем и «потребителем книги», как нередко называли читателя.

Стало обычно узнавать через печать, что такой-то завод встретил прибывшую по приглашению коллектива группу писателей, выступившую с чтением своих произведений. Всякого рода общественные празднества по областям, районам, строительствам, школам, библиотекам раскрывают двери перед поэтами, прозаиками, не лишая гостеприимства авторов самых разных жанров.

О том, с какой силой любознательности современный читатель обращается за новой книгой, лучше всего судить по росту книжных тиражей. Факт этот можно бы назвать сказочным, когда бы он не был реальностью для всех, кто в наши дни производит книгу.

Вот атмосфера, в которой существеннейшая роль принадлежит органам, подобным настоящему совещанию молодых писателей. Книга — почти символ наивысшего понятия человеческой культуры. И начало ему положено автором — писателем, поэтом, миссия которого — искусство слова.

С целью борьбы за созревание мастеров художественной литературы открыто наше совещание. Пожелать хорошего успеха ему в лице каждого литератора — наш долг и лестная обязанность.

Константин ФЕДИН

С докладом «Молодые советские писатели — активные помощники Коммунистической партии и комсомола в деле коммунистического воспитания молодежи» выступил секретарь ЦК ВЛКСМ Л. И. Матвеев.

стр. 3

ПОСВЯЩАЕТСЯ 10-летию МАРТОВСКОГО (1965 г.) ПЛЕНУМА ЦК КПСС

Событием огромного значения вошел в историю страны мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС. Воплощение в жизнь его решений позволило добиться коренного перелома в развитии колхозного и совхозного производства. «Подъем сельского хозяйства, — говорил на Пленуме товарищ Л. И. Брежнев, — это то, что нам жизненно необходимо для успешного строительства коммунизма».

Десятилетию исторического мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС посвящена всесоюзная научно-теоретическая конференция «Актуальные проблемы аграрной политики КПСС на современном этапе», созванная Институтом марксизма-ленинизма, Академией общественных наук, Высшей партийной школой при ЦК КПСС, Всесоюзной академией сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Она открылась 24 марта в Москве, в Колонном зале Дома союзов.

В работе конференции принимают участие товарищи Ф. Д. Кулаков, Д. С. Полянский, П. М. Машеров, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС Г. Ф. Сизов, заместитель Председателя Совета Министров СССР З. Н. Нуриев, министры и председатели государственных комитетов СССР, секретари ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, секретари ЦК ВЛКСМ, ученые и специалисты сельского хозяйства, передовики производства, руководящие работники партийных, государственных, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских органов.

Вступительным словом конференцию открыл директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС академик А. Г. Егоров.

Участники конференции заслушали доклады: члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Ф. Д. Кулакова «Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС — основа аграрной политики партии на современном этапе», кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Белоруссии П. М. Машерова «Аграрная политика КПСС и социальный прогресс в деревне», первого секретаря ЦК КП Молдавии И. И. Бодюла «Специализация и концентрация сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и аграрно-промышленной интеграции».

Конференция продолжает свою работу.

30 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Стихи Максима ЛУЖАНИНА, Всеволода РОЖДЕСТВЕНСКОГО, Михаила ЛЬВОВА, Павла БОГДАНОВА, рассказ Константина ЛОРДКИПАНИДЗЕ

стр. 7

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

В связи с 30-летием Великой Победы в Краснодарский край, на места былых сражений, выезжала группа прозаиков и поэтов Российской Федерации.

Корреспондент «ЛГ» В. Помазнева обратилась к руководителю делегации, секретарю правления СП СССР А. Кешокову, писателям Герою Советского Союза И. Арсентьеву и Г. Семенихину с просьбой поделиться впечатлениями от этой поездки.

Алим КЕШОКОВ:

— Встречи писателей-фронтовиков с трудящимися края были незабываемы, по-весеннему сердечны и торжественны. Это и понятно. Участники Дней советской литературы или уходили на фронт отсюда, или принимали участие в битвах за освобождение Кубани.

...Память возвращает меня на тридцать с лишним лет назад. Нас еще не считали действующей армией, но мы были готовы к боевым действиям. День и ночь следили за морским горизонтом — не появятся ли вражеские корабли. Когда гитлеровцы прорвались в Крым, подоспела и новая техника.

Я думал тогда, что мое боевое крещение состоится на черноморском берегу. Но не угадал. Нас сменили другие войска, а мы отправились в дорогу — через кубанские просторы, навстречу войне. По зенитным пулеметам, установленным на крышах вагонов, колхозницы еще издали узнавали о нас, бежали к железнодорожному полотну и бросали в открытые двери теплушек арбузы. Нередко сочные плоды разбивались о стенки вагонов, а солдаты наперебой корректировали: «недолет!», «перелет!», а кто-то в шутку кричал девушкам: «Изучайте баллистику!»

Никому не верилось тогда, что и на эти бахчи и привольные пшеничные поля придет война, что придется насмерть биться с оккупантами, крушить пресловутую «голубую линию», упиравшуюся одним концом в ощетинившийся штыками Новороссийск.

Память о суровом и великом времени живет не только в сердцах людей, монументах, мемориальных стелах, но и в замечательных делах тружеников кубанской земли. В красном уголке одного из цехов Майкопской мебельно-деревообрабатывающей фирмы «Дружба» установлен бюст бывшего мастера цеха, Героя Советского Союза Лаврентия Степановича Журавлева, погибшего в сорок пятом на западном берегу Одера. Рабочие четвертого цеха навечно зачислили его в свою бригаду, выполняют его производственную норму, а его зарплату перечисляют в Фонд Мира.

Десятилетия, прошедшие со дня Великой Победы советского народа, неузнаваемо изменили облик края. Один штрих — огромные лиманы и бесконечные плавни, обозначенные на старых картах голубой краской, ныне превратились в рисовые поля. Пройдет четыре-пять лет — и от приазовских плавней останется лишь воспоминание: двенадцать механизированных бригад наступают на плавни, осушают, расчищают, разравнивают землю, строят гидротехнические сооружения, дороги. Подача и сброс воды на рисовых полях механизированы. Применение современной агротехники позволяет добиться рекордных урожаев. В этом трудно превзойти рисоводческий совхоз, руководимый Героем Социалистического Труда Алексеем Исаавичем Майстренко.

■ ОКОНЧАНИЕ НА 2-й СТР.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕРИДИАНЫ

ПРАЗДНИК В ДЕРЖАВЕ ЮНЫХ

Как всегда, в первый весенний месяц ко всем ребятам страны приходит Всесоюзная неделя детской и юношеской книги. На этот раз ее торжественное открытие состоялось в Тбилиси. Туда прибыли писатели — представители всех наших союзных республик — прозаики, поэты, драматурги, критики, литературоведы, переводчики детских книг. Приехала и большая делегация юных читателей.

В программе литературного праздника, который начался на земле Грузии, — встречи с ребятами в школах, библиотеках, дворцах пионеров, выступления на предприятиях, в колхозах и совхозах. Многие литературные конференции будут посвящены 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

А московская «Книжкина неделя» открылась по традиции в Колонном зале Дома союзов под председательством Л. Прилежаевой. Здесь была развернута большая выставка детских и юношеских книг. Многотысячные аудитории школьников соберут, как обычно, литературные утренники Дворца спорта в Лужниках.

По радио и телевидению в эти дни выступают авторы любимых ребятами произведений, проходят премьеры радиоинсценировок и телеспектаклей.

30 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

СОВЕТСКАЯ КНИГА ЗА РУБЕЖОМ

У стендов Международной книжной ярмарки в Лейпциге

На днях в Лейпциге закрылась Международная книжная ярмарка. Более 20 стран представили на ее стендах новинки своих издательств.

Одной из наиболее обширных была экспозиция Советского Союза. В беседе с нашим корреспондентом председатель Всесоюзного объединения «Международная книга» Ю. Леонов рассказал:

— Произведения советских авторов экспонируются на многих выставках в разных странах мира. И повсюду они вызывают большой интерес у посетителей. Около 50 тысяч человек были гостями нашего раздела ярмарки, на которую 80 издательств СССР, в том числе такие крупные, как Политиздат, «Советский писатель», «Художественная литература», «Прогресс», «Молодая гвардия», «Наука», «Современник», «Детская литература», представили около двух с половиной тысяч экспонатов. Широко экспонировались труды классиков марксизма-ленинизма, работы Л. И. Брежнева, материалы XXIV съезда КПСС.

В канун празднования 30-летия разгрома гитлеровской Германии особенно велик был интерес к книгам советских писателей — участников Великой Отечественной войны, к произведениям, рассказывающим о героической борьбе нашего народа с фашизмом. В самом большом разделе советской экспозиции, посвященном Великой Победе, были выставлены первые тома «Истории второй мировой войны», мемуары наших прославленных полководцев, художественные произведения, сборники документов, передающие атмосферу незабываемого военного времени.

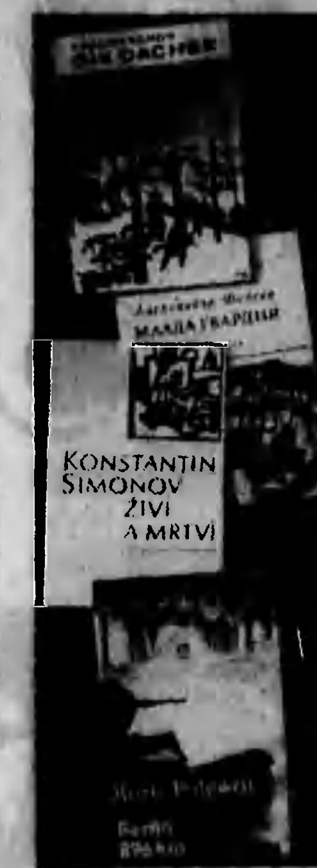
Мы имели возможность еще раз убедиться в том, что книги советских авторов пользуются большим спросом у читателей ГДР. Произведения А. Фадеева и А. Твардовского, М. Шолохова и Л. Леонова, Н. Тихонова, А. Суркова, К. Симонова, Ю. Бондарева, О. Гончара, В. Быкова, И. Мележа и многих других широко известны в республике.

— Я неоднократно бывал в ГДР, — вступает в разговор И. Казенное, директор конторы Всесоюзного объединения «Международная книга», — и в каждый свой приезд я убеждаюсь, что интерес к нашей культуре постоянно растет. Все больше людей, особенно молодежь, читают произведения наших писателей в подлиннике. У стендов с книгами советских авторов на русском языке было ничуть не меньше народа, чем у полок, где были выставлены те же книги, изданные на немецком языке.

Специальный стенд советской экспозиции был отведен книгам писателей союзных республик нашей страны, изданных на языке оригинала.

Необходимо отметить, что произведения советской литературы занимали видное место и на стендах издательств других государств. Многочисленные переводы поэтов и прозаиков нашей страны на болгарский, венгерский, польский, словацкий, чешский, немецкий и другие языки народов братских социалистических стран — еще одно неглядное и убедительное свидетельство авторитета советской литературы у зарубежных читателей. Это подтверждают и теплые записи, сделанные в книге отзывов.

Фото специального корреспондента «Литературной газеты» М. ТРАХМАНА



ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

ГОРИЗОНТЫ ВРЕМЕНИ, ПОЗИЦИЯ ПИСАТЕЛЯ

Л. АРУТЮНОВ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Идейно-эстетические основы социалистического реализма как творческого метода советской литературы остаются неизменными на всем протяжении ее существования. Изображение действительности в закономерностях ее развития, изображение беспрерывно «растущего человека», «творческого человека» (Горький) с позиций партийности, народности и коммунистического идеала сегодня, как и вчера, составляет краеугольные основы социалистического искусства.

Но поскольку этапы исторического развития социализма имеют свои особенности, воплощение новой действительности в литературе влечет за собой и поступательное развитие художественной системы социалистического реализма. В этом смысле советская литература предстает как исторически развивающееся единое целое, а социалистический реализм — емким художественным методом, способным охватить и предвидеть наиболее существенные явления и проблемы жизни в ее движении и развитии.

Сегодня советская многонациональная литература представляет собой многоплановую художественную структуру. Все большее значение приобретает многообразие художественных форм и стилей, своеобразие творческой индивидуальности и художественного мира писателя. Огромное влияние на современную литературу оказывают духовная жизнь и общественная практика развитого социализма, которые вбирают в себя в значительной степени и проблематику научно-технической революции.

В этих условиях художественные принципы социалистического реализма наполняются новым содержанием и смыслом. Следует подчеркнуть именно усиление реалистического, аналитического, интеллектуального начала в современной литературе, поскольку развитый социализм в самой своей жизненной практике все более полно осуществляет социалистический идеал.

В период формирования нового общества и новой литературы основной вопрос — с революцией или против нее, — будучи прежде всего вопросом *политическим*, идеологическим, обладал в то же время и художественными прерогативами. Поскольку социалистический реализм есть *идейно-художественная* структура, а не просто формально-стилевое или *идейно-философское* направление искусства, этот вопрос на первых этапах формирования новой литературы и нового метода имел особую актуальность. Такие компоненты нового метода, как социалистический идеал, как реалистическое воспроизведение *жизни*, ее наиболее существенных сторон и тенденций, и именно жизни народной, как многообразие художественных форм и т. д., которые в сформировавшемся искусстве выступают в органическом единстве, в первый период советской литературы *не всегда проявлялись* в гармоническом взаимопроникновении и взаимообусловленности.

В этом смысле глубоко прав И. Бехер: «Со временем наши молодые писатели овладеют жизнью во всем ее многообразии, и если они начинают с того, что выдвигают на первый план политическую сторону, то это правильно, ибо без политики нельзя освоить жизнь во всей ее полноте». Этот тезис можно, пожалуй, применить и к истории становления социалистического реализма в советской литературе.

Если подходить к социалистическому реализму как к живому, развивающемуся во времени явлению, — а к этому обязывает вся история советской литературы, имеющая за плечами более полувека существования, — то первый этап его формирования как раз показателен тем, что его принципы получают в различных произведениях как бы автономное существование, объединенное, однако, единством революционного романтического максимализма. В последующие же *периоды* своего развития социалистический реализм выступает прежде всего как система реалистического искусства, воспитательные — политические, идеологические — функции которого проявляют себя через полноту изображения характеров и конфликтов, реальную полноту социалистического идеала.

Выступая как реализм нового типа, социалистическое искусство утверждает прежде всего историзм художественного мышления, а не «приверженность» заданным формам и способам воспроизведения развивающегося мира. Попытки утверждать, что социалистический реализм связан с энтропией художественных форм, есть «последнее убежище» буржуазной пропаганды, рассчитанное на *неосведомленность* и некую «игру в факты». Ибо действительно социалистическое искусство в целом чуждо тому «многообразию» форм, которое не от хорошей жизни демонстрирует современная буржуазная антикультура. Все дело, однако, в том, что социалистический реализм использует необходимые ему для воспроизведения многосложности человека и мира художественные формы с позиций социального доверия историческому процессу и творящей его и себя личности. Он отвергает некоторые формы не из заданности или консерватизма, а из чувства цели и ответственности, которым он проникнут, наконец, исходя из принципа соответствия художественных форм тому миру, который он не только воспроизводит, но и строит.

С этой точки зрения, конечно, неправомерно преувеличение роли критического реализма в становлении искусства социалистического реализма, чем снижается новаторская сущность нового метода. Здесь важно видеть *национальное* своеобразие русского классического реализма. В силу революционной ситуации, сложившейся в России, он не мог ограничиться только критикой миропорядка. «Шаг вперед в художественном развитии всего человечества», если использовать мысль В. И. Ленина, высказанную им в цикле статей о Л. Толстом, связан именно с постановкой проблемы народа и истории, что революционизировало художественное сознание, в отличие от литературного движения в Европе, где после критического реализма многие писатели пошли по пути позитивизма и идеализма в сознании, натурализма, декадентства и формализма в художественной практике. Все «трагедии индивидуализма», по существу, разыгрывались на этой узкой площадке.

Точно так же несостоятельна и мысль о том, что *в процессе своего ускоренного* развития национальные литературы Советского Союза непременно проходят стадию критического реализма. Для некоторых литератур речь шла об овладении искусством реализма (и здесь можно говорить об аналогиях с формами просветительского реализма). Однако многие молодые литературы, используя опыт всей советской литературы, сразу приходят к новому методу, обогащая его на уровне мировой культуры, в том числе и эпически целостными элементами и формами.

Выравнивание уровней развития национальных литератур есть следствие процесса взаимодействия и взаимовлияния культур, как и исторического опыта построения социализма. Однако социалистический реализм не отменяет и не унифицирует национальную художественную специфичность. Напротив, он принимает ее в себя. Это отчетливо видно на примере молодых национальных литератур.

Социалистический реализм демонстрирует все новые и новые художественные возможности. Причем этот процесс идет по всему фронту советской литературы. Идеологические битвы в романах П. Анджюса и П. Куусберга разворачиваются и происходят в самой недавней истории. Романы Г. Маркова, В. Кожевникова, И. Мележа, А. Нурпеисова во всей полноте воссоздают «поток народной жизни». Конкретный историзм, реальные судьбы человеческие рождают многогранный движущийся образ народа и эпохи, образ человеческого существования в целом.

Наиболее показательно в этом смысле многообразие форм литературы о войне. Романы К. Симонова, внутренне построенные на сдержанно-строгой основе личного опыта, как проявления опыта общего, естественно, продолжаются в форме «дневниковых записей», скорректированных — в комментариях — современным взглядом на себя и своих товарищей по оружию. И эта форма не есть, подобно «сырому материалу», нечто вторичное или «меньшее» по отношению к романистике. Напротив, она не только художественно самостоятельна и целостна, но и рождает сознание необходимости всеобъемлющей документализации войны. Здесь личный опыт каждого становится необходимой частью не только истории, но и современного духовного сознания. Более того, он порождает органический сплав двух способов повествования — документ и творческий вымысел.

Ю. Бондарев и В. Быков решают современные проблемы гуманизма на материале войны. В. Кожевников в одном и том же произведении — в романе «В полдень на солнечной стороне» — рассматривает их, рисуя события и военного, и мирного времени. Ч. Айтматов, В. Шукшин, Ф. Абрамов — на материале мира, но и над ними довлеет духовный и нравственный опыт народного подвига героизма и мужества военных лет.

Развитое социалистическое общество ставит своей целью всестороннее совершенствование человеческой личности, ее творческой активности. Мера нравственного, гуманистического содержания общества и человека становится социально значимой величиной.

Обогащение и развитие личности происходит в условиях научно-технической революции и идеологической борьбы с буржуазным миром и сознанием. Это делает крайне необходимой и интеллектуальную, и нравственную, и идейно-политическую проблематику литературы.

В социализме осуществляется творческая, диалектическая гармония человека, общества, природы. Литература социалистического реализма открывает и утверждает гуманистические стороны социализма. Главной задачей становится воплощение полноты переживаний человека, понимаемой как его личностная и гражданская целостность, глубокое раскрытие единства человека с обществом, *яркий показ идейного, духовного* мира новой личности, его соответствия возросшим политическим, идеологическим, нравственным, эстетическим нормам эпохи развитого социализма.

Историческое и гуманистическое, социальное и национальное соединяются в идее целостного человека как цели коммунизма. Эта идея создает художественное силовое поле, в пределах которого свободно помещается и созидается все многообразие, вся полнота бытия общества, человека, природы. Причем не только в пространстве, но и во времени, не только пластически, но и интеллектуально, духовно.

Расширение возможностей познания мира и человека в современной литературе связано с развитием самого человека, со все более органическим и живым единением его с обществом.

В этой связи уместно остановиться на некоторых особенностях выявления личностного и общественного начал в литературе последних лет. П. Анджюс, например, показывает возможности применения художественных приемов «внутреннего монолога» и широкой панораме народной жизни, где они утрачивают самодовлеющий характер, рискующий подменить идейные принципы социалистического реализма «своеволием» частных индивидуумов.

С другой стороны, идея народного характера и полноты воспроизведения бытия, лишенная активной гражданской задачи, рискует стать, если на этой позиции настаивать, синонимом и апологетом внеобщественного, патриархального бытия.

Утрата своих прежних позиций лирической прозой, романтической «лирической эпопеей», еще недавно процветавшей, или романом внутреннего монолога вовсе не влечет за собой утраты личностного, психологического, нравственного начала литературы, но означает «погружение» этих начал в многоплановую структуру реалистического искусства.

Социалистический реализм — это искусство великого социального доверия, это постоянно развивающаяся эстетическая система, способная к великим художественным открытиям, к полноте воспроизведения мира и человека и к постановке самых кардинальных идейных и моральных проблем в масштабе и интересах всего человечества.

Современная буржуазная культура — и элитарная, и массовая, — по свидетельству самих буржуазных идеологов, не ставит проблемы моральных ценностей. Гуманистическая защита человеческой личности в идеалистических концепциях культуры (экзистенциализм и др.) не опирается на действительно исторические социальные реалии эпохи. Даже «выламывание» из буржуазной культуры без позитивно социальной программы — а ею является в современном мире только марксизм — не приводит к значимым результатам.

Современное буржуазное сознание колеблется между апологетикой и идеализмом, причем бесчисленные формы последнего возникают, как только покидается почва иллюзорных апологетических представлений. В последнее время даже раздаются призывы обратить «энергию не на науку, а на религию и этику», дабы «смягчить» бездуховный функционализм буржуазного общества. Эти идеи повторяют идеи Бердяева 70-летней давности, однако они весьма характерны для современного состояния умов на Западе. Супериндустриальная революция, по мнению буржуазных идеологов, меняет средства и цели экономической деятельности. Целью якобы становится «морально-психологическая удовлетворенность человека», отход от «эгоистического интереса», усиление внетехнических, гуманистических элементов культуры.

С другой стороны, утверждается, что человек не более, чем «функциональная единица» государственно-монополистической машины, что наступает время «массового общества», в котором личность будет обезличена и нивелирована.

Во всех случаях картина вырисовывается безотрадная и даже устрашающая, в то время как истина заключается в том, что буржуазное общество и буржуазное сознание пришли к рубежам, за которыми стоят проблемы, разрешаемые лишь на путях социалистического преобразования мира. Именно социализм в состоянии дать социальный и идейный выход из кризисной ситуации, в состоянии совместить необходимые для человека начала «личного» и «общего», помочь обрести человеку сознание общественной и личной значимости и ценности.

НТР, имея громадное значение для судеб развития культуры в целом, по существу, не меняет основных положений социалистического реализма. НТР в нашей стране органично включается в социалистическую структуру общества, служа ему, но не подменяя его. Идея творческого человека, выдвинутая марксизмом, развитая Горьким, по-прежнему является краеугольным камнем социалистической культуры.

Социалистический реализм на современном этапе отражает органическую целостность мира и человеческого существования, построенного по законам социального гуманизма.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-Й СТР.

Даже ученые определили максимальный урожай риса на этих землях — 50 центнеров с гектара. Но рисоводы обогнали самые смелые предположения и собирают по 60, а лучшее звено — по 72 центнера.

Встреча писателей-фронтовиков с рабочими, учащимися, преподавателями состоялась в великолепном актовом зале музыкальной школы, выстроенной рядом с картинной галереей и музеем совхоза. В огромном культурном росте сегодняшнего села — одно из высших выражений выдающихся успехов совхоза, который все послевоенные годы ведет непрерывную битву, самую мирную битву на земле — за преображение родного края.

Иван АРСЕНТЬЕВ:

— Лето 1943 года. Высота 121,4 вся окутана серой пылью и дымом от разрывов тысяч бомб и снарядов. В и сегодня мысленно вижу наши самолеты, штурмующие главный узел сопротивления гитлеровцев западнее станицы Крымской — «проклятую высоту», как ее называли наши летчики.

В то утро мне повезло дважды: один из вражеских самолетов попал под очередь моих пушек и врезался в западный склон «проклятой высоты», а мне на подбитой машине удалось совершить вынужденную посадку на минное поле и не подорваться. Лейтенант-сапер, посланный на помощь, был весьма удивлен этим обстоятельством. Удивляюсь и я по сей день.

И вот опять встреча с Кубанью, встреча с высотой... Как здесь все изменилось! Некогда мертвая серая земля возле Сопки Героев, как называют теперь бывшую «проклятую высоту», распахана. А на бывшем минном поле раскинулся виноградник. Война осталась только в памяти...

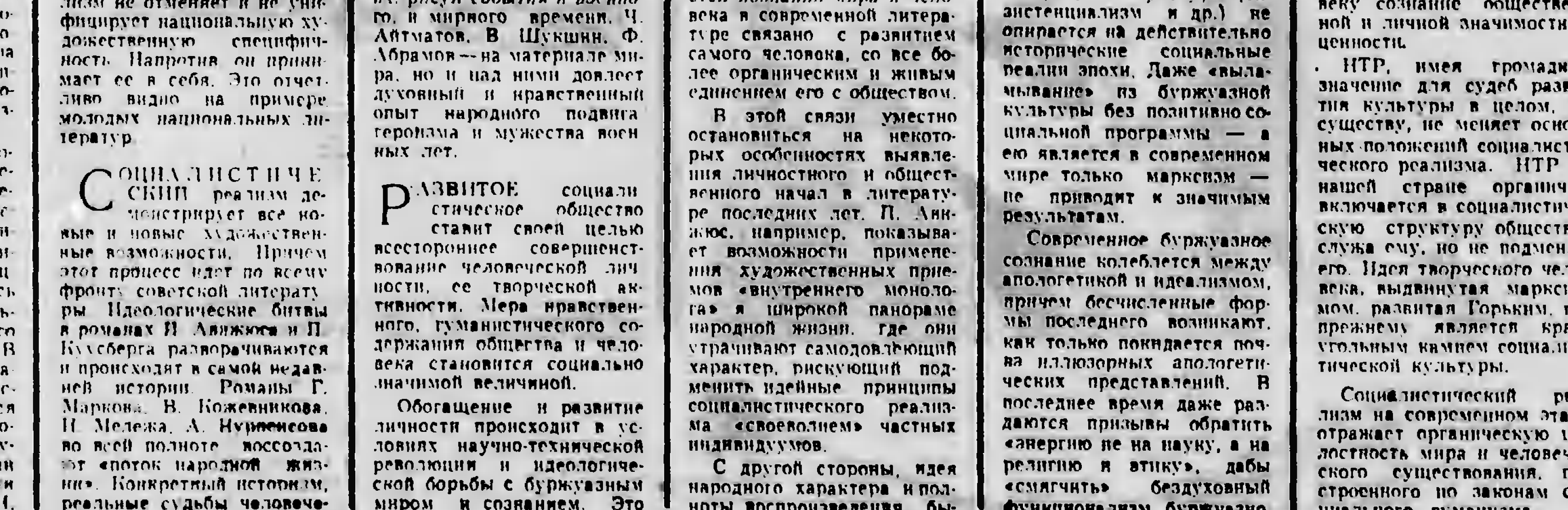
Геннадий СЕМЕНИХИН:

— Километры дружбы привели нас в Адыгею. Первый секретарь Шовгеновского райкома КПСС Р. С. Хуако с волнением рассказывал о тех, кто не вернулся с войны. В числе многих имен он назвал имя Героя Советского Союза поэта Хусена Андрухаева.

В ноябре сурового 1941 года в районе села Дьяково Ворошиловградской области политрук Андрухаев заменил в бою тяжело раненного командира и в течение нескольких часов его рота сдерживала превосходящие силы врага. Когда кончились патроны, Андрухаев подорвал себя и набежавших врагов противотанковыми гранатами.

О том, как берегут память о воинах, «с кровавых не вернувшихся полей», рассказывали нам первый секретарь обкома КПСС И. А. Берзегов, писатели Тембот Керашев, Киримизе Жане.

ХУДОЖНИК И КНИГА



Новые иллюстрации художника Ореста Верейского к «Донским рассказам» Михаила Шолохова

ЗА СТРОКОЮ КНИГИ

...И ТЕМ ОСТРЕЕ МЫСЛИ О МИНУВШЕМ

Конец войны девятнадцатилетний Евгений Винокуров встретил под городом Обар-Глогау — там стояла его артиллерийская часть. Вместе с однополчанами он палил «из автомата в небо, салютуя Великой Победе.

Еще несколько дней назад бойцы проносились на машинах и танках по мостовым старинных готических городов, стараясь разобрать надписи на чужом языке. Где-то далеко, почти за гранью памяти, были Москва, Арбат, газированная вода с сиропом, песчаные дорожки в Парке культуры имени Горького.

Винокуров и его ровесники сформировались на войне — ведь на фронт-то *попали* школьниками.

Из класса, в котором учился Евгений Винокуров, половина не вернулась с фронта. Им, московским ребятам, ушедшим на передовую прямо из школы, посвятил поэт выпущенную Воениздатом книгу «Сережка с Малой Бронной».

— Чувствую, что я в долгу перед своими сверстниками, — говорит Евгений Михайлович, — перед геройски погибшим Александром Волковым, перед Гелием Ковальским, который вернулся с тяжелой раной, перед многими другими одноклассниками... Я хочу рассказать о судьбе моего поколения, о жизни, прожитой нами. Пусть в стихах, которые я пишу, зазвучат голоса моих товарищей.

На фронте я часто повторял про себя строки А. Суркова: «Видно, выписал писарь мне дальний билет, отправляя впервой на войну. На четвертой войне с восемнадцати лет я солдатскую лямку тяну».

Чем дальше, тем острее память о минувшем. Память — это пороховые склады, нужен только запал, нужен огонек, чтобы они взорвались. Мне кажется, что тема войны, тема судеб и путей-дорог нашего поколение неисчерпаема.

Я надеюсь написать вещь прозаическую — повесть ли, роман ли, пока не знаю, — в которую войдет большая часть жизненного материала, наблюдения, факты, подробности фронтового быта, детали, что не вместились в стихи. И не вместятся. Я провел уже, что называется, «разведку боем», написал короткие новеллы о войне. Я хочу назвать эти новеллы «прозой без эпитетов», так как это концентрированные записи всего виденного мною, предельно лаконичные, сопровождаемые раздумьями, стоящие на грани со свободным стихом.

А. МИХАЙЛОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА

ВЕЧЕРА

ХУДОЖНИКУ, УЧЕНОМУ, ГРАЖДАНИНУ...

В Киевской Государственной филармонии состоялся торжественный вечер, посвященный 80-летию со дня рождения М. Рыльского.

Вечер открыл М. Стельмах. Доклад о жизни и творчестве поэта и ученого сделал Л. Новиченко.

На вечере присутствовали заместитель Председателя Совета Министров УССР П. Т. Тронько, заведующий отделом культуры ЦК Компартии Украины Н. Г. Ищенко, министр культуры республики А. К. Романовский.

КИЕВ

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-й СТР.

— Каждое всесоюзное совещание молодых писателей является важным событием в литературной жизни нашей страны, — сказал Л. И. Матвеев.

Прошло шесть лет после предыдущего, V Всесоюзного совещания. Эти годы были насыщены событиями огромного исторического значения, отмечены героическим трудом советского народа, который самоотверженно борется за претворение в жизнь решений XXIV съезда КПСС.

Дальнейшее развитие получили советская литература и искусство.

Сегодня без преувеличения можно сказать, что комсомол не представляет свою работу с молодежью без крепкой дружбы с советскими писателями, без яркого писательского слова.

Закономерно, что, раскрывая перед молодежью красоту и величие коммунистического идеала, наша литература обращается прежде всего к теме рабочего класса, создает яркие образы его лучших представителей.

Отрадно видеть, что на страницах молодежных изданий, литературных журналов все чаще появляются интересные произведения молодых писателей, чье творчество служит магистральной теме современности.

Далее Л. И. Матвеев подверг краткому разбору произведения, посвященные рабочему классу, в частности повести А. Каштанова «Заводской район» и В. Чичкова «Эти непослушные сыновья».

Воспитывать у молодежи уважение и любовь к труду, ясное понимание роли и величия человека труде, исторической миссии рабочего класса, стремление стать в его славные ряды — это важнейшее поручение Коммунистической партии комсомолу, это вопрос, затрагивающий судьбы миллионов молодых людей.

Для лучших произведений нашей «деревенской» прозы характерны партийность, стремление постигать жизнь в ее революционном развитии. Глубокое знание деревенской жизни, непосредственная причастность к ее труду, к нынешним преобразованиям заметно выделяют книги Виктора Потанина, Владимира Ситникова, Юрия Петухова, Леонида Воробьева, Борисе Шустрова, Евгения Лазарева, Владимира Широкова.

Далее Л. И. Матвеев говорил, что нашей молодой литературной смене пока недостает глубинного освоения социальных процессов новой деревни, современного сельскохозяйственного труда, говорил о воплощении темы Великой Отечественной войны в произведениях молодых, о задачах, стоящих перед ними.

Особую роль в нравственном воспитании подрастающего поколения, заметил Л. И. Матвеев, играет литература, адресованная детям.

Сегодня следует еще раз подчеркнуть особую роль нашей литературно - художественной критики в воспитании молодых литераторов, в эстетическом воспитании читателей, рассмотреть некоторые ее проблемы...

В своей речи на XVII съезде комсомола Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев остановился на целом ряде принципиальных проблем литературы и искусства, непосредственно обратился к молодым творческим работникам: «Мы ждем от них новых творений. И это будет их неоценимый вклад в наше общее дело, и прежде всего в дело коммунистического воспитания советской молодежи». Товарищ Л. И. Брежнев призвал комсомол крепить традиционную дружбу и сотрудничество с писателями, художниками, композиторами, работниками театра и кино, еще активнее заниматься воспитанием молодой смены советского искусства и литературы.

Особое место в совместной работе комсомола и Союза писателей занимают всесоюзные совещания молодых литераторов.

В период между V и VI совещаниями проведены зональные совещания в Туле и Владимире, Ульяновске и Куйбышеве, Иркутске, всероссийские семинары молодых критиков в Переделкине и Дубултах, проведены всесоюзные литературные конкурсы имени Александра Фадеева и Николая Островского. Сотни прозаиков и поэтов участвовали в проведении декад советской литературы, направлялись ежегодно Союзом писателей СССР и ЦК ВЛКСМ на ударные комсомольские стройки, важнейшие объекты пятилетки. Вся эта работа являлась необходимой подготовкой к нашему совещанию.

Главная задача нашего совещание состоит прежде всего в том, чтобы глубоко и всесторонне проанализировать состояние молодой советской литературы, способствовать идейному и творческому росту литературной молодежи, нацелить ее на темы, наиболее важные и значительные, связанные с главными задачами современного этапа строительстве коммунистического общества.

Доклад о проблемах современной литературы сделал декан филологического факультета МГУ, профессор, доктор филологических наук Л. Г. Андреев.

Затем выступил директор главного комсомольского издательства страны «Молодая гвардия» В. Н. Ганичев, который рассказал о работе с молодыми писателями, об издательском «портфеле».

30 семинаров!

Тридцать семинаров работало на VI Всесоюзном совещании молодых. Обсуждались проза, поэзия, драматургия, детская литература, критика и литературоведение. Впервые работал семинар переводчиков литератур народов СССР. Творческий разговор, обмен мнениями, слова одобрения и деловые замечания, радости и разочарования, жаркие споры во время занятий и в перерывах — все это составляло рабочие часы семинаров...

Стихи, стихи...

Семинар № 1. Звучат стихи на неизвестном до сих пор литературе долганском языке. Их читает первая поэтесса своего маленького, насчитывающего всего около 5 тысяч человек, северного народа Огдо Аксенова.

Мою первую книгу открой.
Пусть строка моя
станет тропой
в край любимый,
в край тундровый мой.

— Я очень рада, — говорит она, — что мои стихи приняли и руководители нашего семинара — М. Дудин, Х. Гулям, С. Куняев, А. Смольянинов, О. Резник, Ю. Свенно, и молодые поэты. Но они не только одобрили их, они многое мне подсказали.

Больше 10 лет проработала Огдо в красных чумах на фактории. Была библиотекарем и заведовала Красным чумом. За культурно-просветительскую работу награждена орденом «Знак Почета» и медалью «За трудовую доблесть». В 1973 году в Красноярском книжном издательстве вышел сборник О. Аксеновой «Бараксан», в котором стихи напечатаны и по-долгански, и в переводах на русский. У долган нет письменности. Преподавание ведется в школах на русском языке. Как же Огдо записывает свои стихи, детские и взрослые, на долганском языке? Как смогла она выпустить книгу? Язык ее народа — диалект якутского. Знаки она в основном заимствовала из якутского, часть пришлось взять из русского. И теперь, если появится еще один долганский поэт или прозаик, он уже сможет воспользоваться этой азбукой.

В этот же день на семинара № 1 разбирали стихи читинца Михаила Вишнякова. Мнение было единодушным — интересно.

Ну, а что в других семинарах?

Р. Рождественский рассказал, что ему вместе с другими руководителями семинара А. Дементьевым, О. Дмитриевым, Д. Стариковым наиболее значительными показались работы Ивана Завраминна из Липецка, Мали Ибрагимова из Азербайджана, представителя Украины Анатолия Ремубратского. На семинаре, где руководителями были Е. Долматовский, Т. Жирмунская, А. Николаев, А. Смердов, В. Семакин, Е. Храмов, отметили стихи о труде уральца Алексея Чечулина, лирику красноярского поэта Алексея Козловского, стихи двух латышек, двух Марите — Мисиня и Залите. В поэтических семинарах споры, верно, были самые долгие и горячие. В разговор включались и переводчики. Так, на занятиях семинара, которые вели К. Ваншенкин, Е. Сидоров, О. Сулейменов, В. Шефнер, творчество абхазского поэта Геннадия Ломил представлял Фазиль Искандер, который перевел на русский стихи молодого поэта...

Семинар детской и юношеской литературы (его номер 28-й) возглавлял А. Алексин. Речь на семинаре шла о повестях и рассказах, о пьесах и научно-художественных произведениях для юных читателей. А в соседней комнате с большой группой детских поэтов занимались А. Барто. «В моей группе было много интересных поэтов, — сказала Агния Львовна. — И среди них я хотела бы отметить Анателия Костецкого, Лидию Корчагину, Рансу Сарби, Азата Рахманова, Валерия Левановского...»

Интервью с главным редактором журнала «Студенческий меридиан» Владимиром ТОКМАНЕМ

На совещании нет, пожалуй, семинара, в работе которого не участвовали бы воспитанники одного из самых молодых журналов страны — «Студенческого меридиана», как нет семинара, где бы не упоминались стихи и рассказы, опубликованные на его страницах.

— Первый номер нашего журнала вышел в январе прошлого года, — говорит Владимир Токмань. — И с самого первого номера, «без пропусков», что называется, мы предоставляем печатную площадь молодым — публикуем и прозу, и поэзию, и публицистику. Имен много, сразу все не перечислишь, назову лишь несколько: Б. Машук, Г. Абрамов, А. Курчаткин, А. Афанасьев, И. Лобановская, А. Антонович, М. Смородинов... Откройте нашу подшивку, и этот список вы можете удвоить, утроить... Эту традицию — традицию работы с молодыми — мы будем крепить, продолжим ее и в будущем...

«Чтоб жил и помнил»

Так назвал прозаик Александр Плетнев свою первую книгу. Чтоб человек жил широко, с пользой для других, работал с душой, с удалью, с мечтой, чтоб помнил землю, которой вскормлен, отцовские песни. («Человек должен петь. В хорошей душе песни копятся, как вода в колодце, только отчерпывай».) Книжка вышла в 1973 году в Дальневосточном книжном издательстве. Читая ее, понимаешь: автор пишет о том, что знает очень хорошо.

— Я *родился* в сибирской деревне, — говорит Александр Плетнев. — Работал в совхозе. После армии пришел на шахту «Дальневосточная», что в городе Артеме. Был крепильщиком, комбайнером, а последние пять лет — мастер-взрывник. Шахтерская жизнь, как и деревенская, мне близка и понятна. Я написал рассказы о горняках. На семинаре об этих рассказах взыскательно и добро говорили А. Ананьев, Ю. Яковлев, С. Цебаковский. А начал разговор Георгий Мокеевич Марков. Он прочитал мою новую повесть «Дивное дело», которая посвящена сибирскому селу. Повесть ему понравилась. Меня, конечно, обрадовала и высокая оценка руководителей семинара, и то, что повесть собираются печатать в журнале «Октябрь», и то, что издательство «Молодая гвардия» поставило ее вместе с рассказами в план на будущий год. Но от похвал, верьте, я тяжело кан-то: был шахтером, знали тебя на твоей шахте — и все, а писатель у всех на виду. Ответственность огромная.

Летом прошлого года я участвовал в зональном семинаре литераторов Восточной Сибири и Дальнего Востока, и моими руководителями были Евгений Носов и Валентин Распутин. Они помогли мне утвердиться в том, что надо идти в литературу, прибавили уверенности. Но из шахты я уходить пока не собираюсь. Буду и работать под землей, и писать — писать о шахтерах: хочется рассказать о людях, на которых дело держится, и о селе, к которому душа давно прикипела.

В степи, под Херсоном

Украинскому поэту Анатолию Кичинскому через месяц исполнится 25 лет. Несмотря на молодость, он успел окончить педагогический институт, отслужить в армии.

— Поговорите с этим парнем, — советует руководитель семинара Олег Шестинский, — очень интересно пишет. Необычные стихи. Анатолий Чепуров и Яков Хелемский — того же мнения.

— Меня плотно держит сельская тема, — говорит Анатолий. (По всему видно, он влюблен в нее.) — Есть, например, на Херсонщине село Дудчаны, названное, как утверждала легенда, по имени казацкого атамана Дудки. После того как отгремели последние бои гражданской войны, в село пришел с отрядом матросов Дудченко, образовал коммуну. Много и радостного, и горького было в жизни матросской коммуны... Ныне бывший председатель колхоза (а коммуна была реорганизована в колхоз) Герой Социалистического Труда Макар Кузьмич Дудченко на пенсии, село же Дудчаны, считается, носит теперь имя не казацкого атамана, а своего председателя.

Вот об этой истории и пишет сейчас молодой поэт Анатолий Кичинский.

Повторение пройденного

Во время перерыва Анатолий Приставкин что-то увлеченно втолковывал своему подопечному — Григору Джанияну, молодому прозаику, прибывшему на совещание из Армении. Речь шла об особых профессиональных тонкостях, о секретах писательского мастерства... Рассказы Григора только что обсуждались на семинарском занятии...

Джанинян — прозаик, по мнению Приставкина, опытный.

— О чем рассказы?

— О стройках Армении, — отвечает Приставкин за Григора, — в частности, о тоннеле, что прокладывают в горах, тоннеле Арпа—Севан...

— Два года назад я и шесть армянских художников прошли по дорогам боевой славы, — добавляет Григор, — от границы республики до Еревана...

— Пешком?

— По-разному. На перекладных, что называется, — и пешком, и на рейсовых автобусах, и на машинах-попутках... Два месяца занял этот поход. Много рисовали, много записей пришлось сделать... Да, много. «Обследовали» с пером и карандашом каждую стройку, каждый завод и фабрику, попадавшиеся в пути, каждый колхоз. В результате появилась серия очерков. В том числе и о тоннеле...

— Поход свой не думаете продолжить?

— Такой же бригадой поедем на БАМ. Нынешним же летом...

Стержень есть!

«...Читая новые произведения Николая Голдена, нам вспоминается пора, когда, в 1968 году, молодой рабочий-электролизник с Уральского алюминиевого завода выступил на областном совещании начинающих литераторов, где мы руководили семинаром прозаиков. Его первые рассказы взбудоражили слушателей своим языком, поразили живостью, яркостью и точностью сравнений», — так написали В. Очеретин и В. Шустов в предисловии к книге «Стержни» Николая Голдена. Она выпущене в прошлом году издательством «Современник» в серии «Первая книга в столице».

Об этой книге и шел разговор на семинаре. Но прежде, чем анализировать произведения молодого автора, ему предоставили первое слово.

— Мой отец — американский коммунист Франк Голден. Он приехал в СССР в 20-е годы, чтобы участвовать в строительстве социалистического государства, принял гражданство. Во время войны отец погиб, вскоре умерла и мать, — рассказывал Николай Голден. — Я жил сначала в Подмосковье, потом на Сахалине, а после армии потянуло на Урал. В Каменске-Уральском поступил на алюминиевый завод, стал рабочим-электролизником. Закончил Литературный институт и продолжаю трудиться на своем заводе.

Разговор о книге «Стержни» начал Н. Задорнов, подчеркнувший, что молодой прозаик рассказывает, по существу, про работу одной бригады. И в повести, и в рассказах — одни и те же герои.

— Это и хорошо, и таит в себе известную опасность, — включилась в обсуждение О. Кожухова. Она сделала конкретные замечания по рассказам и посоветовала Голдену «замахнуться на что-нибудь крупное», попробовать свои силы в большой прозе. В. Бурян рассматривал книгу в контексте всей сегодняшней литературы о рабочем классе.

— У меня такое ощущение, что на этом совещании я познакомился с еще одним писателем, — сказал И. Евдокимов. — Его удачи и просчеты — это удачи и просчеты писательской работы.

Слово берет С. Баруздин:

— Такие рассказы, как «Калым», «Похороны», «527», говорят о том, что перед нами писатель, владеющий темой и языком. Воздуха в его вещах, безусловно, должно быть больше, иначе чисто производственная сторона заслонит все остальное.

Эти краткие заметки рассказывают лишь о нескольких участниках молодежного писательского совещания. А всего участников было 337... 3371

**

Заключительное заседание состоялось в гостинице «Юность».

Доклад о прозе молодых писателей сделал М. Алексеев, о поэзии — М. Луконин, о драматургии — А. Салынский, о критике — В. Озеров, о произведениях детской и юношеской литературы — А. Алексин, о работе семинара переводчиков — Л. Озеров.

Заключительное слово произнес первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников.

Участники совещания направили приветственное письмо ЦК КПСС.

В следующем номере «ЛГ» рассказ о VI молодежном писательском форуме будет продолжен.

И. РЯШИНА, В. ПОВОЛЯЕВ

ПРОДОЛЖАЯ ГОРЬКОВСКИЕ ТРАДИЦИИ

Мустай Карим среди участников своего семинара. Стихи читает Нусрет Кесеменли (Азербайджан)

Алексей Арбузов беседует с молодым драматургом Анатолием Антохиным (Москва)

Фото В. КРОХИНА

КОРОТКО О ВАЖНОМ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ТЕАТРА

В 1948 году в Праге была создана международная театральная организация — Международный институт театра (МИТ) — для расширения культурных связей между деятелями сценического искусства, для изучения теории практики театра.

По инициативе МИТа ежегодно 27 марта отмечается Международный день театра под девизом «Театр как средство взаимного понимания и укрепления мира между народами».

В этом году XIV Международный день театра в нашей стране будет посвящен 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Театры Москвы в этот день покажут лучшие спектакли на военно-патриотическую тему. Организуются встречи и беседы со зрителями мастеров сцены, участников бывших фронтовых театров и концертных бригад. Во дворцах и в домах культуры, клубах столицы выступят артисты театров, участники художественной самодеятельности.

В репертуара театров долгие годы сохранялись «Нашествие» Л. Леонова, «Фронт» А. Корнейчука, «Русские люди» К. Симонова, «Молодая гвардия» по роману А. Фадеева. Широкую известность получили пьесы А. Якобсона «Жизнь в цитадели», Я. Галана «Под золотым орлом», «Барабанщица» А. Салынского, «Победители» Б. Чирскова, «Материнское поле» Ч. Айтматова, «Трибунал» А. Макаёнка, «Солдатская вдова» Н. Анкилова, «Василий Теркин» по А. Твардовскому, «А зори здесь тихие...» Б. Васильева, «Завтра в семь...» по роману К. Симонова, «Третья ракета» В. Быкова. Многие из них будут показаны на сценах в Международный день театра, в дни празднования 30-летия Победы.

АРГЕНТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ, БУЭНОС-АЙРЕС, АРГЕНТИНА

Советские писатели выражают свою скорбь в связи со смертью известного писателя, патриота и демократа Леонидаса Барлетты. На протяжении полувека имя Леонидаса Барлетты являлось для советских писателей, всех советских людей символом всего передового в аргентинской и латиноамериканской литературе. В час утраты советские писатели разделяют скорбь аргентинских коллег и выражают соболезнование семье и друзьям Леонидаса Барлетты.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Ефименко В. М. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Ефименко Василия Михайловича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ. 21 марта 1975 г.

НИТИ ДРУЖБЫ

ЗЕМЛЯ, НА КОТОРОЙ МЫ ЖИВЕМ

В Литве проходят Дни литературы и искусства Белоруссии.

На берега Немана прибыла делегация Белорусской ССР, возглавляемая секретарем ЦК КП республики А. Т. Кузьминым. Среди гостей — М. Танк, В. Быков, Р. Бородулин, Е. Лось, А. Гречаников, А. Вертинский, Г. Бураенин, В. Верба и другие.

— Земля, на которой мы живем, — сказал поэт Юстинас Марцинкявичюс, приветствуя гостей, — прекрасна потому, что на ней процветает дружба наших народов. Светом этой дружбы озарены все наши дела и свершения. Мы читаем и любим ваши книги, в которых воплощена мудрость белорусского народа... Так разрешите мне сказать вам: Кали ласка, дорогие братья!

Отвечая на приветствие, М. Танк сказал:

— Дружба! Это слово в Вильнюсе откликается стоголосым эхом шагов Скорины и Даумантаса, балладами и романсами Адама Мицкевича, бунтарскими призывами Сераковского, стихами Гиры, Купалы Коласа, баррикадными боями вильнюсских коммунаров, голосами Нерис, Цвирки, Тильвитиса, Венцловы...

В зале филармонии состоялся большой литературный вечер, на котором выступили известные писатели — представители обеих республик.

В дни праздника дружбы посланцы братской республики побывают на заводах и в колхозах Литвы.

П. КАЙДОШЮС, соб. корр. «ЛГ»

ВИЛЬНЮС

С МЕСТА СОБЫТИЯ

...У СЕДОГО УРАЛА

Сегодня в Челябинске начались Дни советской литературы, организованные Союзом писателей СССР совместно с ВЦСПС. Дни эти посвящены трудовому подвигу народа в завершающем году девятой пятилетки и 30-летию Великой Победы.

В составе делегации, которую возглавляет секретарь правления СП РСФСР Людмила Татьяничева, — прозаики, поэты, драматурги, представляющие разные города и республики страны: А. Авдеенко, М. Алигер, Е. Антошкин, Г. Бокарев, И. Волобуева, А. Ворожейкин, Муса Гали, Л. Давыдычев, Д. Жалсараев, Л. Забашта, Т. Зумакулова, Р. Кобаленко, Л. Костюрин, Г. Ладонщиков, Л. Ленч, М. Львов, П. Нилин, К. Скворцов.

Писатели побывают на Челябинском тракторном и трубопрокатном заводах, в цехах Магнитогорского металлургического комбината, встретятся с рабочими Уральского автозавода, сельскими тружениками, творческой интеллигенцией области. Маршруты бригад пройдут через Верхнеуральск, Миасс, Златоуст, Ашу, Миньяр...

МЕМОРИАЛ «ЛГ»

ЗДЕСЬ УЧИЛСЯ АЛЕКСАНДР ЯШИН

Совет Министров РСФСР присвоил школе-интернату города Никольска Вологодской области имя известного советского писателя Александра Яшина.

До 1955 года в здании этого интерната находился педтехникум, который когда-то и окончил писатель. Отсюда он уехал учительствовать, сюда не раз наведывался в последующие годы.

Воспитанники интерната бережно хранят все, что связано с А. Яшиным. Они воздали музейную комнату. В школе есть литературный кружок. Ребята шефствуют также над домом-музеем писателя, поддерживают связь с родными поэта-земляка.

Вологодская область

НАРОДНОМУ ПОЭТУ ЧУВАШИИ

В Чебоксарах, на стене дома № 38 по проспекту Ленина, где прошли последние годы жизни народного поэта Чувашии Педера Хузангая, открыта мемориальная доска (ее авторы — скульптор Ю. Ксенофонтов и художник С. Ильин). По случаю ее открытия состоялся торжественный митинг, на котором выступили председатель правления СП Чувашии Н. Дедушкин, заместитель председателя Чебоксарского горисполкома А. Хрусталева, писатели С. Шавлы, Н. Ильбеков и другие.

ЧЕБОКСАРЫ

Правления Союза писателей СССР, Союза писателей Узбекской ССР и Союза писателей Каракалпакской АССР с глубоким прискорбием извещают о смерти известного каракалпакского писателя, доктора филологических наук, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР

Науруза ЖАПАКОВА

и выражают искреннее соболезнование родным и близким покойного.

КОМИССИЯ ПО ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ Н. Л. БРАУНА

Решением секретариата правления Ленинградской писательской организации создана Комиссия по литературному наследию поэта Н. Л. Брауна в составе: Г. К. Холопов (председатель), П. В. Жур (заместитель) В. В. Азаров, В. Н. Орлов, Л. К. Татьяничева, А. Н. Чепуров, М. И. Комиссарова (секретарь).

Комиссия обращается ко всем товарищам, которые располагают рукописями писателя, письмами, фотографиями и другими материалами, связанными с жизнью и творчеством Н. Л. Брауна, с просьбой передать их в подлинниках или фотокопиях в распоряжение комиссии.

Просьба присылать материалы по адресу: 197136, Ленинград П-136, ул. Ленина, д. 34, кв. 57, М. И. Комиссаровой.

САМОЕ ПЕРВОЕ

Адольф УРБАН

ПЕРВЫЕ стихи в журнале. Первая встреча с читателем. Первый выход на сцену, когда ты своим голосом, от своего имени должен сказать нечто, необходимое не только тебе лично, но и тем, кто пришел тебя послушать, кто открыл журнальную страницу...

Что это? Праздник? Успех? Слава?.. Это прежде всего испытание. Начало серьезной работы. Ответственность, не сравнимая с той, которая была, пока стихи переписывались в тетради или читались близким друзьям.

Вообще стихи на слух, стихи в рукописи, стихи, напечатанные в журнале, и те же стихи в книге — это во многом разные стихи. Стихотворение, попавшее в этот кругооборот, проходит разностороннюю проверку. Поэт получает возможность увидеть себя со стороны и с разных точек зрения. А это ли не важно!

Завершило свою работу VI Всесоюзное совещание молодых писателей. Были встречи, семинары, споры. Газеты и журналы публикуют стихи молодых, знакомят с новыми именами. Нам дана возможность взглянуть на незнакомые лица. Услышать, ради чего молодые люди пишут стихи и добиваются встречи с читателями.

Старый вопрос: о чем и как?

«Город из низины полз на брюхе, от больших получек без ума» — такие начальные строчки стихотворения способны привести, пожалуй, в смущение своей грубоватой и небрежной откровенностью. Но вчитаемся внимательнее в цикл А. Васильева «Новый город» («Наш современник», № 2, 1975). Оказывается, вовсе не случайна эта грубоватость в стихотворении «Мирный». И на самом деле был этот растущий город известен не только мужеством и бескорыстием первопроходцев. Был он также буен, неблагоустроен, славен длинным рублем. Был, но постепенно стал другим: вместо развалюх поднялись этажи новых зданий, «джаз заполонил подмостки сцен», пришли в город и современные моды, и современные вещи...

Память!
Зачерпни со дна колодца
Зелен-камень смерзшейся
земли...
Верили и шли
первопроходцы,
Первопроходимцы тоже
шли.
Первые —
Высокое горенье —
Разбудить непуганую
глушь.
Каждый шаг — искра
от столкновенья
Совестей, характеров
и душ...

Десять лет — как
маленькая льдинка.
Каждый шаг неповторимо
нов.
Катится алмазная слезинка
По большим глазам
ночных домов.

А. Васильев вспоминает самоотверженных первопроходцев, трудные и даже трагические судьбы строителей города, провозглашая тост: «За полет твоих нелегких улиц и людей, что верили в тебя!».

Стихи А. Васильева неопровержимо свидетельствуют: он жил в этом городе, любит его, полон хозяйской заботы обо всем, здесь происходящем. И эта внутренняя связь немедленно втягивает и нас, читателей, в особый круг интересов поэта. Очень важен для нас этот особый круг, именно тут мы начинаем ждать открытий, проникаемся сознанием ценности неизведанных прежде нами волнений, забот, любви.

И естественно, что многие поэты несут нам треволнения своих первых профессий. С этого обыкновенно начинается самостоятельное осознание своего места в жизни.

Но оказывается, что написать стихи о профессии тоже непросто, хотя вроде бы она и знакома досконально.

В подборке, посвященной десятилетию литературного объединения «Маяк» («Аврора», № 12, 1974), под каждым стихотворением стоит не только имя сочинителя, но и его основная профессия: штурман, прибористу, старший моторист, шофер... Внимание читателя специально сосредоточивается не столько на содержании стихотворения, сколько на том, кем оно написано. Между тем стихи остаются стихами, стихотворство само по себе тоже профессия. Другая профессия важна только тогда, когда она ощутимо передана в самом стихотворении.

Когда В. Выжлецов пишет: «...корабли приходят и уходят — остаются грузчики в порту», — он афористично формулирует устойчивую суть этой профессии, и не так важно, что написал их «бригадир портовых рабочих». Стихи пишет прежде всего поэт. И важно, какой он поэт.

Этот простой вопрос куда как не безразличен для начинающих. Хорошо, что это люди разных профессий, что профессии так или иначе отражаются в стихах. Но пропиской в профессии внутреннюю поэтическую биографию заменить нельзя.

В. Лангуев («Молодая гвардия», № 2, 1975) — летчик. Это мы узнаем из вступительной заметки. Но важнее то, что рассказано в стихотворениях «Орел» и «В горах». Как раз они-то нам и говорят о содержании профессии, о том необычном, что встречается летчикам на земле и в небе.

Судя по стихотворению «Трудная осень новостройки» А. Васильева, о котором мы уже говорили, сам поэт тоже не чужд интересов и дел, связанных со строительством. Но все, что происходит в городе Мирном, все, что делается на новостройке, привлекает его не внешней красотой, не экзотикой какой-либо профессии. С сердечным волнением смотрит он на то, как меняется жизнь людей. Вспоминает первых строителей, их лица, судьбы, высокие страсти. А заговорив о трудностях, опять же занят не их картинной выразительностью, но тем, как они бьют по душам людей, чем оплачиваются в человеческой жизни.

Разговор о профессии становится разговором о жизни человеческой, о том, как жить.

В стихах А. Васильева есть и некоторая неуклюжесть, избыточность, нестрогость отдельных строк и выражений, но стихи его конкретны, колоритны, обеспечены личным участием в конфликтах, которые поэт изображает.

Есть признаки этой конкретности и в стихах других молодых поэтов. У В. Корния («Юность», № 12, 1974), В. Каплупа («Юность», № 1, 1975).

Казалось бы, велика ли заслуга описать то, что видел? Конечно, это первые шаги. Есть еще то, что называется поэтическим обобщением, идеей, постижением. Но начинается оно с этих вот свидетельств сердца, с участия, делами ли, душой, мыслью, в свершающемся.

Настоящие стихи нельзя выдумать, нельзя составить из «красот» воображения. Хотя и выдумка, и воображение, безусловно, необходимы поэту.

А. Бердников («Смена», № 3, 1975) не обделен ни тем, ни другим. Но получается вот что:

Ах, как эти низовья богаты!
Просто какая-то земля
обещанная.
Здесь рыба превышает
стандарты
И ходит красиво, как
женщина.

Ни слова не сказано в простоте. Рыба действительно превзошла все стандарты, начав ходить «красиво, «как женщина». Но вот наступает осень (естественно, после того, как поблекла обязательная здесь «просинь»). И почему-то выясняется, что на «обещанной» земле «у тебя нет друга и нет крыши». Положение поистине безнадежное. Но поэзия все же торжествует:

И тогда крестьянка уходит
в прорубь
По ребра и из нижнего
яруса
Выносит вам тяжелого,
как скорбь,
Прекрасного живого
хариуса.

Как измерить вес хариуса «тяжестью» скорби? Слова. Слова. Слова... Как, к сожалению, и в других стихотворениях А. Бердникова. Слова навыворот, по касательной к истинному положению вещей, с расчетом на случайный эффект, на слепое попадание.

Не менее безнадежны и попытки составить поэтическую картину из слов с закрепленной репутацией «поэтических». Герой С. Борисова («Юность», № 1, 1975) погружен в поэтические дали и высоты: «...в синем вольные разлива», «...звездной замятью измучен». В его стихах все невероятно «красиво». И сами стихи «красиво» звучат:

Страна стремнин
и разнотравья
[illegible]
И нет ни славы,
ни бесславья,
а только песня и весна!

Автор искренне заворожен красивым словом, перением «нежных дум», «смятеньем и свободой» юношеской «счастливой судьбы». Но все же «страна стремнин и разнотравья» неконкретна, так же как неконкретны «большие северные птицы», «бред окаянно-светлый» и многое другое.

Дело вовсе не в том, что обязательно надо отказываться от изысканных поэтических выражений и непременно обращаться к быту, к повседневности. С. Борисов ведет свой поиск в сфере обобщенных конфликтов, когда в душе «мир сменяется разладом», а прикосновение к высоким таинствам природы восстанавливает «с жизнью жертвенную связь». Это вполне суверенная область. Но и в ней есть своя особая и тесная связь между общей мыслью и психологическим жестом, между поэтической идеей и живописным образом. С. Борисов пока что связывает лишь названия поэтических идей и переживаний с обобщенными цветовыми пятнами: «смятенье и свободу» с «синим полымем разлива».

читая журналы

- Заметки критика о стихах начинающих поэтов
- Участники VI Всесоюзного совещания молодых писателей анализируют детективы зарубежных авторов, публикуемые в нашей периодической печати
- В защиту переводчика

РЕПЛИКА

СНИСХОДЯ ДО ПОХВАЛЫ

Я давно слежу за творчеством Анатола Кодру — поэта интересного, самобытного, чей стих тяготеет к широкому монологу. Читал я его стихи во многих переводах — в том числе и Новеллы Матвеевой, поэтессы той же «монологической» стихии. Конечно, совпадений двух поэтических явлений не бывает. Но переводчик должен уметь согласить свой лирический опыт с другим поэтическим видением, ибо переводчик — не реставратор разрушенного подстрочником стиха, а воссоздатель. И если он, не зная языка, пользуется только подстрочником, художественная задача его неизмеримо осложняется. Здесь вступает в действие еще и интуиция. Что и говорить, работа переводчика трудная, требующая от поэта какого-то особого композиционного, я бы сказал, архитектурного таланта.

С этой точки зрения интересно взглянуть на переводы Новеллы Матвеевой поэтических книг молдавского поэта Анатола Кодру, которые вызвали критический гнев В. Брюггена (журнал «Кодры», № 8, 1974). Не желая понимать специфических трудностей перевода да и самой поэзии, рецензент негодует. Диву даешься обилию бранчливости: «Способен ли человек, мало-мальски знающий русский язык, на подобную вакханалию (! — В. Ц.) вопиющей, карикатурной безграмотности?» Дальше — больше: «Надо слишком мало дорожить своей литературной репутацией, не уважать труд коллеги и совершенно не обладать чувством творческого достоинства, чтобы отправлять такое в печать!»

«Стиль» критика настолько за рамками элементарной этики, что просто-непросто обескураживает, не веришь глазам своим.

Откровенно развязный, разносный тон заранее исключает возможность заинтересованного профессионального разговора. Не на этом ли строится расчет автора? Вступать в полемику с критиком, заявившим претензии на истину в последней инстанции, — дело всегда малоувлекательное. Тем более, что это значит принять и его «язык», спорить не по существу.

Критическая брань как форма литературных баталий давно осуждена и отвергнута. И не странно ли, что такого рода «исследования» могут находить кое-где место, возбуждая разве что нездоровую сенсационность, порождая не имеющие основания домыслы и кривотолки? А именно это обстоятельство касается уже всех нас, заинтересованных в нормальной, товарищеской и принципиальной атмосфере в общественно-литературной жизни.

Справедливости ради скажем, что не все переводы Н. Матвеевой вызывают у критика раздражение. В начале статьи он считает возможным обронить такую фразу: «Ей (Н. Матвеевой. — В. Ц.) принадлежит, как мы уже видели, несколько добросовестных литературных переводов...» Больше того: «Подлинное вдохновение продиктовало эти четыре строфы, и «Песня каменотеса» (перевод Н. Матвеевой) по праву украшает сборник».

Критик, как видим, снисходит до похвалы, но, кажется, затем только, чтобы отвести от себя подозрение в необъективности, представать в позе безукоризненно принципиального ревнителя искусства.

Комплиментарность и хула — оба способа, одинаково оскорбительные при разборе художественного творчества, что наглядно демонстрирует нам опыт критического сочинения данного автора.

Позволительно спросить у В. Брюггена: откуда этот неуважительный тон и к поэту Анатолу Кодру, и к поэтессе Новелле Матвеевой? Стоит только процитировать стихи и объявить их малограмотными, даже не пытаясь доказать этого, белое объявить черным, надергать из текста фразы, чтобы они показались посмешней, — и можно объявлять труд переводчика карикатурным, более того — обвинить его в «медвежьей услуге» автору.

Непонятно, почему раздражает рецензента то, что Новелла Матвеева уже много лет переводит Анатола Кодру. Известно, чем теснее творческое содружество поэта со своим переводчиком, тем успешнее их работа. Почему же и это ставится в вину Новелле Матвеевой, которая является, по отзыву Брюггена, «монопольным» переводчиком книги? Неужто это такой большой грех, если поэт-переводчик, вместо того чтобы переводить от случая к случаю, решил заняться творчеством близкого ему по духу автора всерьез, вживаясь, как актер в незнакомую роль, в мир, сопредельный с его поэзией? Наскоком, наспех, поверьте, т. Брюгген, перевести что-либо серьезно нельзя.

Конечно, и переводам Новеллы Матвеевой, как и других переводчиков, можно и нужно предъявлять претензии. Но никогда нельзя понять критику бездоказательную, заранее ориентированную на развязность.

Владимир ЦЫБИН

ЗИГЗАГИ БЕЛЫХ

Георгий АНДЖАПАРИДЗЕ

В 1971 году «Литературная газета» напечатала мою статью «Богачи филантропы и белые «мерседесы», где критиковалось чрезмерное увлечение отдельных «толстых» журналов публикацией западных детективов, весьма далеких от классических образцов этого популярного жанра.

Изменилось ли что-нибудь за четыре года? Зарубежные детективы продолжали появляться на страницах «Немана» и «Литературного Азербайджана», «Подъема» и «Звезды», «Севера» и «Дона», а также многих других изданий. «Звезда Востока» и «Простор» иногда давали сразу несколько детективов в год. «Простор», например, в пяти номерах 1974 года публиковал западные детективы и открыл нынешний год романом П. Квентина «Ловушка».

Не обошлось, представьте, и без белого лимузина. Только на этот раз он назывался не «мерседес», а «триумф» и мчался по страницам повести Буало и Нарсежака «Жизнь — вдребезги» («Простор», №№ 3, 4, 1973).

Особенный всплеск детективной лихорадки наблюдается, естественно, в период подписной кампании. Стремление увеличить тираж журналов приводит к неразборчивости и снижению критериев идейно-художественной требовательности.

ИГРА ПЛЮС ЛИТЕРАТУРА?

Словом, западный детектив продолжал оставаться одним из фактов нашей литературной жизни, и обойти его молчанием невозможно. Вернейшим барометром необходимости нового разговора оказывается критика, не оставляющая детективный жанр своим вниманием. Отрадно, что к этим проблемам обращаются и наши литературно-критические «флагманы» — журналы «Вопросы литературы» (№ 2, 1975, Н. Ильина, «Палитра красок», или автор и критик современного детектива») и «Литературное обозрение» (№ 1, 1975, М. Друзина, «Детектив: игра ума или искусство?»). Статья Н. Ильиной посвящена недостаткам отечественных детективов, но в ней высказывается и ряд теоретических положений, в отдельных случаях отнюдь не бесспорных. М. Друзина как раз обратилась к публиковавшимся в последние годы в журналах зарубежным детективам, что можно только приветствовать. В статье содержится попытка своего рода типологической классификации западных образцов детективного жанра. Однако, пожалуй, прежде чем вдаваться в научные тонкости, следовало бы задаться естественным вопросом: «А стоило ли вообще переводить эти произведения на русский и делать их достоянием многих тысяч читателей?» Осмелюсь утверждать, что в подавляющем большинстве — не стоило!

Никто, разумеется, не против детектива как жанра. Лучшие образцы советского детектива убеждают в жизнеспособности жанра. И я полностью солидарен с Н. Ильиной, которая пишет: «Не в жанре дело! Дискредитируется жанр нетребовательностью, неразборчивостью ряда издательств и журналов».

Об этом осторожно, хотя и достаточно определенно, говорит М. Друзина: «К сожалению, чтение опубликованных за последнее время в нашей периодике зарубежных детективных романов не позволило заключить, что журналы искали в них наполненности материалом современной жизни, остросоциальной проблематики».

Скажем откровеннее и резче — как и в прошлые годы, выбор произведений для публикации оставался произвольным и случайным, ибо единственным критерием в лучшем случае служила занимательность, в худшем — малейшая возможность подвести очевидно слабую вещь под спасительную рубрику «детектив». Но может ли только занимательность служить постоянным пропуском на страницы наших изданий?

Здесь представляется необходимым поспорить с определением детектива, предложенным Н. Ильиной: «игра плюс литература». «Игра» — это «техника построения вещи» по внутренним законам жанра. А литература, считает критик (имеется в виду детектив), требует, кроме «скромного, грамотного, вполне литературного языка», достоверности характера и быта. Неужели это все?

Подобный взгляд на детектив как на свободную «игру ума» с достоверными характерами и бытом упускает существенный момент — позицию автора, своеобразие его интерпретации жизненного материала. Иначе говоря, тот аспект произведения, который превращает его в продукт определенной идеологии. Ведь ни для кого не секрет, что рост насилия и жестокости в западном обществе во многом связан с постоянным показом разнообразных способов грабежа и убийства по каналам средств массовой коммуникации — в кино и на телевидении. В полной мере это относится и к детективной литературе.

В детективе, сколь бы занимательно и хитроумно он ни был построен, кроме достоверных деталей быта и характеров, обязательно должно присутствовать социальное содержание. Таким содержанием в лучших детективах является осуждение корыстолюбия и алчности как неотъемлемой части буржуазной морали — тех побудительных мотивов, которые в большинстве случаев как раз и ведут к преступлению.

Среди мастеров западного детектива, широко и заслуженно популярных в нашей стране, — Жорж Сименон, авторы ряда злободневных антифашистских остросюжетных книг (А. Холл, «Меморандум Квиллера» и др.). Наполнены социальным содержанием лучшие романы Р. Стаута и некоторых других писателей. Заслуживают одобрения наши центральные издательства, регулярно знакомящие читателей с интересными и значительными образцами зарубежного детектива. Своего рода серией стали сборники «национальных» детективов, выпускаемые издательством «Прогресс». Уже увидели свет «Современный английский детектив», «Современный американский детектив», «Современный венгерский детектив». Готовятся к изданию сборники детективов писателей ГДР и Франции. Однотомники зарубежных детективов регулярно выпускаются и в издательстве «Молодая гвардия». Подобные сборники составляются профессионально и продуманно, с привлечением видных специалистов по зарубежной литературе. В редакциях же большинства журналов господствует самотек...

Конечно же, я далек от той абсолютно невероятной мысли, что в редакции журналов, напечатавших детективы, о которых речь пойдет ниже, руководствовались формулой Н. Ильиной.

МИЛЛИОНЕРЫ and УБИЙЦЫ

Факт остается фактом. При всей занимательности сюжета, то есть «игры», и определенных литературных достоинствах, то есть «достоверности», авторы большинства произведений, опубликованных в журналах, несомненно, опытные беллетристы. Они умеют передать атмосферу и создать человеческий характер. Однако идейная «сверхзадача» большинства детективов неприемлема. Жажда наживы любой ценой изображается как основное стремление человека, и поэтому, как правило, не встречает осуждения. Даже если преступление не удается и карается, то автор готов пожалеть неудачника: дескать, не повезло человеку. Полный моральный релятивизм, а иногда и откровенный аморализм характерен для многих персонажей этих книг, как рыбы в воде, чувствующих себя в обществе «вседозволенности».

Возьмем для примера повесть Буало и Нарсежака «Жизнь — вдребезги», которую М. Друзина, кстати, считает «психологическим» детективом, поднимающимся выше среднего уровня. Массажист Рауль Дюваль по ходу сюжетных хитросплетений оказывается обманутым и погибает, так и не получив законно причитавшегося ему наследства. Авторы сочувствуют своему герою. Но присмотримся к нему поближе, — по существу, это законченный негодяй и альфонс.

Во-первых, он женился, как ему казалось, на богатой женщине, поскольку надеялся, что ее деньги помогут его карьере: он все время мечтал, «что жизнь его, наконец-то, изменится и он перейдет на сторону тех, кто командует» (?!). Вот она, идейная начинка — «наверх любой ценой». Если в большинстве произведений серьезной западной литературы мы встречаем осуждение современных растиньяков, то в книге Буало и Нарсежака этого нет и в помине. Авторы с сочувствием относятся к размышлениям Дюваля о том, как бы половчее прикончить законную супругу, поскольку брак, на который возлагались такие надежды, вовсе не удался.

Во-вторых, полнее всего

Художник В. ПЕСНОВ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

И. Л. ЛЕ — 80 лет

В связи с 80-летием со дня рождения писателя Ивана Леонтьевича Ле секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по украинской литературе направили юбиляру приветствие:

«Горячо поздравляем Вас, одного из зачинателей и старейших представителей украинской советской литературы, с восьмидесятилетием со дня рождения.

За шестьдесят лет творческой деятельности Вы создали десятки талантливых произведений — книг очерков, рассказов, повестей и романов, вошедших в сокровищницу украинской советской литературы.

Начав творческую деятельность в 1913 году, Вы прошли славный путь писателя-коммуниста, активного участника борьбы за построение социализма и коммунизма в нашей стране. В Ваших произведениях нашли яркое отображение различные этапы развития советского общества — от пролетарской революции и гражданской войны до героических битв Великой Отечественной войны и созидательного труда в наши дни. Глубоко и вдохновенно разрабатываете Вы историческую проблематику. Особенно большой и заслуженной популярностью пользуются у читателей Ваши эпические многоплановые произведения: «Роман Межгорья» — о дружбе и братстве советских народов, строящих новую жизнь, исторические романы «Наливайко», «Хмельницкий», повествующие о героической борьбе украинского народа за социальное и национальное освобождение, за воссоединение с великим русским народом. Широкой известностью пользуются и другие Ваши книги, посвященные жизни рабочего класса и колхозного крестьянства, новой, советской интеллигенции. За большие заслуги в области литературы Вы награждены многими орденами и медалями и удостоены Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко (за роман-трилогию «Хмельницкий»).

Писатель-коммунист, уже полвека являющийся членом КПСС, Вы постоянно принимаете активное участие в общественной жизни писательской организации. Вы были первым редактором республиканской литературной газеты, первым редактором журнала писателей Донбасса «Забой», много сил и энергии отдаете работе в правлении Союза писателей Украины и в редколлегии журнала «Вітчизна».

От всего сердца желаем Вам крепкого здоровья, счастья, новых творческих успехов».

■

Шел 1927 год. В чудесной Ферганской долине, у подножия гор Шахимардана, встретились узбек Хамза и украинец Иван Ле. Эта встреча была короткой, можно сказать, случайной, но она стала как бы символом дружбы двух народов.

Все многогранное творчество одного из зачинателей украинской советской литературы — Ивана Ле есть художественная летопись борьбы и труда его родного народа. В своих крупных эпических полотнах, создавая замечательные образы великих сынов Украины Наливайко и Богдана Хмельницкого, писатель убедительно раскрыл историю борьбы украинцев за единение с братским русским народом.

Произведения Ивана Ле давно перешагнули границы родной литературы и стали явлением общесоюзным. Они даже тематически не ограничиваются рамками украинской действительности. В его творчестве нашли достойное отражение процессы социалистических преобразований в Узбекистане. Так, первое крупное эпическое полотно Ивана Ле «Роман Межгорья» посвящено борьбе узбекского народа за освоение Голодной степи, за строительство новой жизни. Это был один из первых романов о Советском Узбекистане не только в украинской, но и в узбекской литературе. Я не оговорился — именно в узбекской. Ибо, по моему глубокому убеждению, «Роман Межгорья» стал в свое время хорошим примером освоения современной темы для узбекских писателей. Образ инженера Саид-Али Мухтарова, созданный талантом большого мастера, — новый тип узбека, закаленного в революционной борьбе, выпестованного социалистической действительностью.

Давняя и большая творческая дружба связывает Ивана Леонтьевича с многими узбекскими писателями. Именно об этой дружбе он неоднократно писал в своих статьях, посвященных творчеству Хамзы, Айбека, Гафура Гуляма, Абдуллы Каххара. Мне приходилось встречаться с Иваном Леонтьевичем на различных писательских форумах, за дружеским столом и у него дома, в прекрасном Киеве, и у нас, в Ташкенте. Каждая из этих встреч мне дорога и памятна.

Сегодня, в день 80-летия нашего друга, мне приятно еще раз подчеркнуть, что Иван Ле своими произведениями перебросил мост от берегов Днепра до берегов Сырдарьи. И поэтому хочу пожелать замечательному мастеру на языке, хорошо знакомом ему: «Хормангиз!» — «Не уставать вам!»

Лезиз КАЮМОВ

С. Г. РАГИМОВУ — 75 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по азербайджанской литературе направили Сулейману Гусейновичу Рагимову приветствие:

«От всего сердца поздравляем Вас, замечательного азербайджанского прозаика, народного писателя республики, с семидесятипятилетием со дня рождения.

Один из зачинателей азербайджанской советской литературы, Вы прошли яркий, насыщенный значительными событиями и свершениями жизненный путь, постоянно сочетая плодотворную творческую работу с большой общественной и государственной деятельностью. В течение ряда лет Вы возглавляли партийные комитеты в различных районах республики, занимали ответственные посты в Центральном и Бакинском комитетах КП Азербайджана, руководили местной писательской организацией, и этот богатейший жизненный опыт замечательно проявился в Вашем многогранном творчестве.

Многотомная эпопея «Шамо», изображающая жизнь Азербайджана в первые годы революции, трехтомный роман «Сачлы», посвященный борьбе советских людей за построение социализма в нашей стране, романы «Памятник матери», «Орлица Кавказа», «В горах Агбулага», повести «Мехман», «Айналы», «Матабан», цикл рассказов «Тетради минувших лет» и многие другие Ваши произведения широко известны всесоюзному читателю.

Вы всегда находились в центре литературных событий. Ваши новые произведения, как и прежде, радуют многочисленных читателей свежестью образов, глубиной постижения жизненного материала.

Вы являетесь депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР нескольких созывов, в течение многих лет избираетесь членом правления Союза писателей СССР, награждены двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Желаем Вам крепкого здоровья, новых творческих успехов».

■

Сулейману Рагимову, народному писателю Азербайджана, исполнилось 75 лет. Ровесник века, он прошел со своим веком все его бури и грозы, трагедии и свершения. Уроженец горного аула, выученный на трудовые копейки своего отца-крестьянина, юноша начал свой путь в революцию деревенским школьным учителем. Герои первого его романа «Шамо», которому суждено было стать началом и неизменным спутником творческого пути писателя, — его родные, друзья и соратники — типические люди горного селения. Это бедные, но гордые, непреклонные в своем стремлении к свету труженики и борцы, а также их лютые враги — феодалы, баи, муллы, стражники... Пришедшие из жизни, все они выступили на страницах романа, выросшего за долгий век художника в многотомную эпопею, как живые люди, воплощая добро и зло своей эпохи.

Активный общественный деятель, коммунист Сулейман Рагимов всей своей жизнью как бы олицетворяет тот бурный, неудержимый поток творческих сил, который пробудила в многонациональном нашем народе Великая Октябрьская революция. Если попытаться подсчитать, сколько печатных листов его многожанровых произведений придется на рабочий год (к тому же в течение долгого времени писатель был занят общественной, партийной, советской и культурно-организационной работой), цифра покажется нам неправдоподобно большой. За сорок с лишним лет писательского труда С. Рагимовым созданы (кроме четырехтомной эпопеи «Шамо») трехтомный роман о первом десятилетии колхозного строительства — «Сачлы», роман о современных колхозах «В горах Агбулага», множество повестей и рассказов о прошлой и сегодняшней жизни города и села («Прощание с водой», «Полотенце с петушками» и др.), ряд героико-романтических повестей, написанных по принципам народных сказаний («Хеджер», «Матабан», «Шунюран и Улдуз»), сборники оригинальных сказок, созданных на основе переосмысления фольклора, знатоком и собирателем которого Сулейман Рагимов является. Но и это еще не все: наш юбиляр — автор забавных и поучительных сатирических новелл, фельетонов, литературно-критических работ...

Здоровьем и свежестью душевных сил народа веет от этого стремительного потока замыслов и их образных воплощений, от оптимизма и радости бытия, свойственных любимым героям писателя. Пусть долго еще не иссякнет этот поток!

З. КЕДРИНА

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ИСПЫТАНИЕ

Характерный пример — И. Путяева («Смена», № 3, 1975) тоже любит торжественную красоту природы:

О шествие весенних дождей
сквозь блеск парадный
радуг триумфальных!

Но это замечено внимательным глазом: и шествие теплых дождей, и роскошь триумфальных радуг. Они ослепительны, красивы, но они реальны. Как и другие, более скромные подробности и других стихотворениях: «трамвай, что мчится величаво, откинув, как рога, дугу» или «стайка воробьев», берущая «как будто бы в кавычки всю строчку белых проводов». Поэтическое чувство у Путяевой зрячее. Оно обеспечено той красотой, которую воочию увидела и ощутила поэтесса.

Всегда очень важно «додумать» свои чувства и более или менее определенно установить, с чем же они согласуются или находятся в разладе во внешнем мире. От этого додумывания выиграли бы не только стихи С. Борисова, но и других поэтов: А. Богословского, В. Яковлева, А. Чернова («Юность», № 1, 1975), Л. Прозоровой и Д. Долинского («Юность», № 12, 1974), В. Левенко («Смена», № 3, 1975) и А. Ярковца («Аврора», № 2, 1975).

Постоянная оглядка на меняющуюся жизнь требует внимания, сосредоточенности, эмоциональной восприимчивости. Но она вовсе не стесняет воображение, не укрощает фантазию. Слово не фотографирует картину. Оно делает наглядным поэтическое чувство, внушает мысль.

Вл. Сидоров («Юность», № 1, 1975) присмотрелся к коре дерева и увидел своеобразную драму:

Обыкновенно, как рана,
И на глазах у всех
Тачат по дереву нора.
Не только снизу вверх,
Течат закону вопреки
Река не сверху вниз,
И оттого-то у реки
Все жилы напряглись.
И не сливается струя
С соседнею струей —
Так на сливается струна
С соседнею струной.

Это в самом деле образ растущего дерева. Но только ли? Воображение ведет Вл. Сидорова дальше. Вот дерево — «ствол в крону дивной красоты, как в дельту, разветвит», и оно «в небо синее впадет, как в море-океан». Это уже чистая фантазия. Но не беспочвенная и не бессмысленная! Она поэтически оправдана. Могучее «течение» дерева снизу вверх, его «разлив» и единение с океаном-небом — символ жизни.

В стихотворении Вл. Сидорова есть и избыточная детализация, и слишком подробные рационалистические аналогии. Но это не отменяет главной мысли. Она вполне закономерна, а выросла из частного наблюдения. Но это наблюдение дало тему, стало в ряд поэтических обобщений.

К сожалению, первые номера журналов очень скупо представили нам молодую поэзию. Хотелось бы, чтобы эти голоса прозвучали в полную силу.

Так здравствуй же,
общее дело,
летящее в песню
и в стих, —
прекрасная вечная тема
высоких деяний людских!

— как пишет П. Кошель («Юность», № 1, 1975).

В статье С. Маршака «Молодым поэтам», которую он так и не успел закончить, есть слова: «Писатель должен быть профессионалом, а не любителем, но прежде всего он должен быть человеком и не терять непосредственного — а не только писательского — интереса к жизни и к людям».

Главный источник поэзии — в человеческой восприимчивости к делам и судьбам человеческим.

ЛИМУЗИНОВ

герой раскрывается, когда перед ним замаячила перспектива отцовского наследства. Его первая мысль о том, как бы утаить известие о наследстве от жены, убивать которую он, правда, уже раздумал — не хватило «характера», — но собирается оставить. Ему и в голову не приходит поделиться неожиданным богатством с женщиной, на деньги которой он жил не один год. Впрочем, жена Дюваля оказывается членом шайки, охотившейся за его наследством, но это ни в коей мере не заслоняет «великолепных» человеческих качеств самого Дюваля. Поистине вор у вора дубинку украл!

Детективные произведения подобного толка отнюдь не критикуют капиталистическое общество (а именно «критика» является основным аргументом сторонников их публикации). Совсем наоборот. Их авторы, в большинстве своем занимающие по отношению к этому обществу охранительные позиции, стараются сгладить социальные противоречия, как бы поднимаясь над ними до уровня всечеловеческого.

Западный детектив в своих расхожих образцах (а именно они нередко попадают к нашему читателю) построен на пропаганде культа силы.

Права сильного — единственный закон для героев Джеймса Хэдли Чейза, поклонника темных сторон человеческой натуры, особенно жестокости и подлости и насилию. В 1971 году я высказывал сомнения в целесообразности публикации Чейза. «Литературная газета» недавно посвятила нелицеприятному разбору его творчества отдельную статью, вывод которой совпадал с моей оценкой продукции этого писателя.

Но эти усилия остались безрезультатными. Книги Чейза продолжают свое шествие по нашим журналам: за два года его романы увидели свет — в «Звезде», «Нашем современнике» и «Неман».

Один из героев Чейза четко формулирует то, что на уме большинства персонажей, созданных этим писателем и его коллегами: «Единственная стоящая штука на свете — это деньги». Но для героев романа «Весь мир в кармане» эта мысль не повод для абстрактных медитаций, а руководство к действию. Денег у них нет — значит, надо их добыть. Они планируют похищение бронеавтомобиля, везущего солидную сумму. Планируют деловито и профессионально, с подробной детализацией — при случае может пригодиться и качества учебного пособия для начинающих гангстеров.

Среди героев, которых отдельные журналы сочли достойными для знакомства с нашими читателями, есть и убийца-профессионал. Он действует в сочинении некоего Эллиота Уэста под названием «Деловая поездка» («Неман», № 11, 1973). Зовут его Беллингэм. Он порядочный пожилой человек, прекрасный семьянин. Вот только профессия у него немного экзотическая — «устранять» по заказу неугодных кому-то людей за приличное вознаграждение. Однажды, чтобы сохранить свое инкогнито, ему приходится совершить незапланированное убийство, что оказывается непоправимой ошибкой, поскольку привлекает к Беллингэму внимание полиции, но как истинно «благородный» человек и британский джентльмен он мужественно готов принять терновый венец.

Кредо Беллингэма так и дышит аморализмом и пошлостью: «Чересчур щепетильных людей нельзя считать по-настоящему порядочными». Примерно на том же уровне пошлости и откровенной безнравственности находятся сентенции, изрекаемые героями Чейза, Буало и Нарсежака и иже с ними. Цитировать их нет никакой необходимости. Столь же низменны их эмоции.

Не могу не повториться: нет в этих книгах никакого социального критицизма. В то время как видные прогрессивные писатели Запада стремятся развенчать страсть своих героев к обогащению, авторы «криминальных» романов всячески эту страсть возвеличивают. Ведь любое действие их героев не идет дальше откровенного желания урвать побольше со стола богатых; критика несправедливой социальной системы в задачу их авторов не входит.

Увлечение подобным чтивом разрушающе действует на вкус читателя, отбивает у него привычку к чтению серьезной литературы.

«КОГДА НАСИЛЬНИК ТРЯС ГОЛОВОЙ»

Нельзя обойти молчанием и вопрос о качестве переводов зарубежной детективной литературы. В большинстве своем они предстают дилетантами, достаточно далекими от профессионального переводческого мастерства. Есть, правда, средние и специализирующиеся исключительно на детективах, так сказать, набившие руку, но и их работы остаются на уровне большей или меньшей ремесленной гладкописи.

Все это, скажем прямо, не способствует повышению идейно-художественного качества произведений, и в оригинале-то не являющихся шедеврами литературы XX века. Чтобы не быть голословными, обратимся к примерам. Чаще всего встречаются элементарное смешение стилей и неточное или просто неверное словоупотребление. «Считается, что муж оставил ей пять миллионов, но подразумевают намного больше». «Если уж у вас такая пытливая натура, почему вы не читаете газет?» (Дж. Х. Чейз, «Мертвые молчат», «Наш современник», № 9, 1973). «Она посмотрела на меня, как сквозь стекло, перевела взгляд на своего насильника, трясшего головой и пытающегося прийти в себя, затем повернулась и вышла из комнаты».

Нередко этот стилистический коктейль сопровождается такими причудливыми с точки зрения русского синтаксиса конструкциями, что подчас не без труда улавливаешь смысл. «Она поручила мне выполнить конкретное поручение, состоящее в обеспечении благополучного возвращения ей ее имущества в хорошем состоянии, в этом заключается цель опубликования данного объявления» (Р. Стаут, «Окончательное решение»). Правда, лихо сказано? Вот еще: «Сейчас же он был упрятан на покой банковским деятелем, вдовцом, не имеющим детей. Его строгая, наполненная скромными радостями жизнь прошла большей частью среди книг и в залах музеев, давших ему глубокие и терпеливо пополняемые знания о вещах довольно редкостных, это и привело его на исходе лет в тихий мир профессоров и кураторов — людей, преданных творческому поиску» (Э. Бентли, «Последнее дело Трента»). В этом громоздком и неуклюжем периоде есть и смысловая неточность — что значит «кураторы», «преданные творческому поиску»? А вот пример, в котором есть и смешение разных стилей, путаный синтаксис, и неверное словоупотребление. «Час назад он проснулся голодным и посему настроился употребить три кусочка тоста и яйцо; все остальное, решил, — за обедом. Прикинув так (?), мистер Коппле позволил себе несколько минут насладиться ландшафтом (?!), включавшим в себя и крупный береговой обрыв (?)». И еще несколько фраз, которые достойны опубликования под рубрикой «Бумеранг» на 16-й странице «ЛГ» или в «Крокодиле» в разделе «Нарочно не придумаешь»: «Очевидно, он придерживался теории поддержания себя в постоянном градусе опьянения» (Р. Стаут, «Умолкнувший оратор»); «Кокетливость еще не совсем покинула этот старый остов» (речь идет о престарелой англичанке - миллионерше. Буало и Нарсежак, «Жизнь — вдребезги»).

Случается, что переводчик плохо знает реалии, и тогда происходит уж и вовсе несусветное: «Была почти полночь, когда Мегрэ приехал на пристань Орфевр. Шторм был в полном разгаре» (Ж. Сименон, «Питер Ле Леттон»). Остается недоумевать, о какой пристани идет речь и как может быть шторм, да еще в разгаре, на Сене? «Из дез Орфевр» — это не «пристань», а снабженная Орфевр, где находится парижская уголовная полиция.

Не везет с переводчиками не только детективным романам, но и, так сказать, «детективной публицистике». Такой серьезный и заслуженно популярный журнал, как «Человек и закон», в статье, посвященной Скотланд-Ярду (№ 12, 1972), рассказал советским читателям о страшном и таинственном английском преступнике XIX века по имени Жан Риппер, известном тем, что он вспарывал своим жертвам животы. Боюсь, что и англичанину придется затратить определенные усилия, чтобы понять, что речь идет о пресловутом Джеке-Потрошителе. Не хочется верить, что в редакции не нашлось хотя бы одного человека, слышавшего о Джеке-Потрошителе, но уже одно то, что английского преступника кличут на французский манер Жаном, должно было насторожить редакторов. Рядом с этим примером бледнеет то, что «Джонатан Уайльд», увековеченный великим Филдингом, превратился в «Джонатана Уилда». Примеры подобных литературных курьезов очень легко умножить, но, по-моему, мы привели их в достаточном количестве.

* * *

Какой же вывод можно сделать из всего вышесказанного? Прежде всего необходим строгий отбор детективов для перевода. Не хлесткая интрига, а социально-идейная проблематика должна быть критерием выбора книги. Нужно тщательно следить и за качеством переводов. Детектив — это тоже литература, и к нему следует относиться без всяких скидок на жанр.

ФАС И В ПРОФИЛЬ

Анатолий ИВАНОВ

Карло КАЛАДЗЕ

Виктор ЛИХОНОСОВ

Пулат МУМИН

Дружеские шаржи И. ЛИСОГОРСКОГО

«ОГОНЬ ВЕЛИКОГО РОДСТВА»

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВА

Казалось бы, писать о нем легко. Сергей Васильев — поэт с четко выраженным характером: многие его произведения с первых строк узнаваемы, как говорится, по почерку. Сделано им весьма немало, и все сделанное на редкость целеустремленно. А если его книги стоят у тебя на полках в «красном углу», освежи в памяти много раз читанное — и берись за перо!

Писать о Сергее Васильеве трудно.

Целеустремлен — и ни в коем случае не однозначен. Его диапазон — от плаката до поэмы, от трагедии до усмешки. Невозможно представить его почивающим на лаврах: он и в эту минуту, сейчас — в движении, в преодолении новых препятствий, при штурме новых высот. А сколько написано о поэте: рецензии, статьи, книги!.. И все-таки я рискну.

Начинал он счастливо — «прямо с лёта, прямо с хода, поражая опереньем», как сказано в знаменитом стихотворении «Голубь моего детства». Без малого сорок лет назад появилась поэма «Анна Денисовна» — гимн русской женщине, матери большевика; адрес был конкретным — поэма посвящена матери легендарного советского полководца Павла Ефимовича Дыбенко, редактор журнала, в котором впервые напечатана «Застольная песня во здравие Анны Денисовны и ее сына Павла» — Алексей Максимович Горький. Именно Горький поддержал молодого поэта и первым высказал ему жестокие и дружеские упреки. Кстати — это уж для сегодняшних любителей километров рифмованных строк — замечу, что в двухтомнике Сергея Васильева поэма занимает... пять с половиной страниц.

Были и другие высокие удачи — поэма о беспризорнике Ваньке Выдре, трилогия «Портрет партизана»... Не стану перечислять все, упоминаю лишь то, что меня и сегодня берет за душу. «Если взять боевые годы, год за годом поставить в ряд, то при шуме любой погоды эти годы заговорят», — написал когда-то Сергей Васильев. Я человек немолодой: стужи, зноя и ливней в моей и всеобщей жизни хватало, но поступь боевых годов, звучащая в стихах Сергея Васильева, для нас — по крайней мере, для людей моего поколения — не смолкла ни на минуту.

Можно назвать много стихотворений и песен, взятых «на вооружение» читателем. Можно перечислить полюбившихся героев. Скажем, еще довоенного дядю Егора с его собачонкой Злюкой, спасшей из огня ребенка: девочку Наташу из горячего 1942 года, «обаятельного бакалавра» Анастасию из Колумбийского университета, доброго заокеанского друга Страны Советов...

Наверное, нужно сказать о многожанровости Васильева. В его книгах рядом со стихотворными строками на равных существует проза; широко известны его сатира и переводы. Уважительные, точные рассказы о писателях самых разных поколений — и пародии на них, эпиграммы и фельетоны, порой дружеские, порой весьма приперченные сарказмом. Просто отличные переводы, в особенности из Сабира: не могу не вспомнить «Из Немет-чины в Чернетчину» Платона Воронько...

И все-таки — стоп! Боюсь продолжать дальше в том же духе, ибо получится нечто вроде реестра. Хочу сказать о том, что определяет само существование поэта в поэзии и в жизни.

Это можно сформулировать в одном слове — Россия.

Не верю стихотворцам, талдычащим о Родине всуе! Высокие слова стираются от многократного и неразумного употребления. Сергей Васильев в своем программном стихотворении «Россия» говорит совсем по иному. Его Россия — та, что памятна нам по плакату военных лет: «Родина-мать зовет!». Она «с мечом в руках», у нее «величавый облик», но и «голос звонкий, как ручей», и «задумчивая грусть»:

В минуту горя,
в час разлуки
целую мысленно всегда
твои натруженные руки
в часы бессменного труда.
В глухую ночь грозы
военной
и в светлый полдень
торжества
несу в себе,
как дар бесценный,
огонь великого родства.

Мне очень дороги те точные слова, которые нашел здесь поэт. «Целую мысленно всегда твои натруженные руки...» — я назвал бы это высокой робостью. Он ощущает родство «как дар бесценный». Это чувство счастливой благодарности пронизывает и определяет все творчество Сергея Васильева.

Его поэтическая Россия, сегодняшняя, строящая коммунизм, густо населена. «В этой книге преобладают произведения, построенные по принципу строгого сюжета, зачастую вытекающего из жизненного факта, и в большей мере отображающие конкретное событие или поступок существовавшего лица», — пишет Сергей Васильев в коротеньком предисловии к своему сборнику «Под небом России» (кстати, отлично изданному «Современником»). Ему мало просто назвать, допустим, реки — Волгу или Онегу, Дон или Селенгу, он обязательно добавит: «В завалах черемух. В навесях сосновых», услышит чибиса над плесом и чайку над буем, учует «терпкий, устойчивый дух черемши». И далеко за пределами Родины — везде, где присутствует поэт, с ним дыханье России, в нем ее сердцебиение.

Его лирический строй — в Сергей Васильев категорически лирик — начисто исключает позу. Витийствовать он не умеет: если и пробует порой, это у него, в общем, не выходит. Он работает, любит, дерется, отдаваясь любимому делу полностью, по-русски: если пир, так пир горой. Александр Николаевич Макаров писал: «Отличительные приметы поэзии Сергея Васильева — завидная прямота и накал чувств». Это черты гражданственные, но и национальные. Упаси бог подумать, что я говорю о какой-то национальной ограниченности поэта. Наоборот — о широте. Плох тот гражданин планеты, что неустойчиво держится на родной земле. Впрочем, пусть говорит сам поэт:

«Когда легкий шелест березовой листвы и острый запах полыни летит из-за обмелевшей реки Тобола мне навстречу, — я снова и снова с тревожным, сладким и щемящим чувством ощущаю корни своей родословной»

Река Тобол, как известно, течет в Сибири.

В стихах Сергея Васильева мы то и дело встречаемся с Сибирью, с ее природой, характером, речевыми оборотами, со скрытым до поры взрывчатой силы темпераментом. Слыша «корни родословной», не удивляюсь уверенному выходу поэта-лирика в эпос — так и должно было произойти. В самом сибирском характере есть некое эпическое начало.

За поэму «Достоинство», посвященную памяти Героя Советского Союза генерала Дмитрия Михайловича Карбышева, поэту присуждена Государственная премия РСФСР имени Горького.

Фашистский ад пострашнее дантовского, и на кругах его поэт в какой-то мере попытался как бы заново пережить все, испытанное Карбышевым; в «болевых точках» поэмы кажется, что это по нему, по стихотворцу, хлещет ливень кипятка, ему «выворачивал ключицы остановившийся ветер с гор», его гонят «обратно в душевую, потом во двор из душевой, потом повторно вкруговую...» И только в самом конце поэмы автор позволяет себе на мгновение взглянуть со стороны: «Так вот как яростно и просто умеют люди умирать». Сергей Васильев поставил перед собой труднейшую задачу: способом поэзии не декларировать, а воспроизвести, как бы воскресить подвиг. Эта задача выполнена.

В «Дне поэзии-73» опубликована подборка стихов Сергея Васильева. Он и здесь легко узнаваем, но при этом открывается в несколько ином качестве, чем раньше, в стихах подобного плана. Поэт выглядит здесь строже — при всей улыбчивости многих строк, — яснее или мудрее, что ли...

Вот стихотворение «Эхо»:

...Конечно, жизнь
прекрасна без предела,
но как она безмерна
порой!
Уходят люди... Жил —
и вдруг не стало!
Уходят неожиданно,
стремглав.
рукой не дотянувшись
до штурвала,
заветную строку
не дописав.
. . . . . .
Спасибо, что хоть
отзвук остается,
что, жадному забвенью
вопреки,
из аха мастеров,
как из колодца,
живую воду пьют ученики.

Да, как ни горько, уходят люди, их подтачивают и «с корнем жгут дотла» болезни, но все же, вопреки безжалостности и конечности земного бытия, —

Очнулся ясень.
Иволга пропела.
Расчетистая пенная волна
на плоский берег
вымахнула смело,
студеным ветерком
окрылена.

Тут сказано куда больше, чем произнесено. Точны и порой неожиданны глаголы: «очнулся ясень». Короче говоря, это хорошие, настоящие, большие стихи.

Теперь о последней работе поэта, поэме «Изба над Тоболом» (журнал «Октябрь», № 1, 1975).

Уже говорилось о том, что такое река Тобол для Сергея Васильева. 130 лет назад в избе над Тоболом жил на поселении «государственный преступник», декабрист и поэт, «Виленька» лицейских лет Пушкина — Вильгельм Карлович Кюхельбекер.

Юноши, некогда вышедшие на Сенатскую площадь, давно состарились, обрюзгли, отяжелели. Каторга и «медленные хвори», казалось бы, окончательно сломили их. Но вот — день рождения Пушкина. На окраине Кургана, в избе над Тоболом собираются старые соратники. И само прикосновение к памяти великого друга, к прекрасной своей юности как бы окрыляет их души, прежний огонь зажигает глаза. Нет, пока они живы, они сражаются — недаром потом Вильгельм Кюхельбекер попросит старого товарища Ивана Пущина помочь привести в порядок рукописи: «Что — целиком предложить к изданию, что... с чистой совестью бросить в печь». Головы их седы, а мысли ясны, и на пушкинское — «Товарищ, верь!» — они откликаются: «Верим!»,

— Друзья!
Я и вас вину единоверцев.
Нева нас сроднила,
а не Тобол.
Так выпьем же дружно
за зоркость сердца,
за пушкинский,
ставший звездой глагол!

Болезнь снова свалит Кюхельбекера. И снова вытащит его из беспамятства и увезет в Тобольск на лечение как бы воскресшая в облике Пушкина немеркнущая молодость. «...Тут я прощаюсь с моим Вильгельмом и долго машу ему вслед рукой».

В новом произведении Сергея Васильева, кроме Вильгельма и его Дронюшки, кроме друзей-декабристов, есть еще одно действующее лицо. Это — Сибирь, ее народ, ее жизнь. Колготня базара, по которому проходит Кюхельбекер, случайные прохожие, помогающие Вильгельму Карловичу добрести до дома, ямщик с его припевкой «Эй, залетные, седелки потные!»... Даже простая сибирская снедь на восьминаршинном столе в избе над Тоболом написана вкусно, со смаком.

В этой работе поэт опять же узнаваем, но одновременно — неожидан, предстает в каком-то новом, пожалуй, более высоком качестве.

Закончить свои беглые заметки хочется словами уже упоминавшегося А. Н. Макарова: «Лучшее, что создано Сергеем Васильевым, написано о тех и для того, кто «рожден для храброго дела, для пламенной солнечной жизни большой». За это его и любят».

Марк СОБОЛЬ

УВИДЕННОЕ ДОБРЫМИ ГЛАЗАМИ

«Теплые ключи»... Может быть, название сборнику дано просто по одному из составляющих его очерков? Бывает и так. Но, наверно, название это все же выбрано не случайно. Оно и вправду определяет облик книги.

Юрия Грибова читатели знают как автора повестей «Сильнее смерти», «Тайна старой мельницы», сборников очерков и рассказов. Эта книжка, изданная в «Библиотеке «Огонек», содержит очерковые работы, написанные после поездки по Сибири и Сахалину. Добавлена к ним коротенькая документальная «детективная» повесть «Три буквы».

На 4369-м километре Транссибирской магистрали, когда до конца пути остается «еще столько же да полстолька», журналист выходит на маленькой станции, чтобы разыскать седьмой околоток, а там — бригадира пути Желянина. Журналисту давно хотелось побывать у рядовых работников гигантской железнодорожной трассы, которые обеспечивают на ней образцовый порядок. А у станции вон ведь какое имя: Теплые ключи!

Ю. Грибова тянут к себе такие уголки нашей земли, он любуется работающими там людьми. Его перо тяготеет к образам скромных тружеников, делающих свое дело с радостью, как-то «уютно» и сноровисто, а главное — с ничем не замутненной, родниковой, ключевой чистотой душой. Эти ключи, питаемые подлинно народной почвой, — теплые. Теплом дышит и повествование о них.

Тут и сельский библиотекарь Валентина Андреевна Горланова в енисейском селе Частоостровском. И Василий Елисеевич Ячменев, представитель династии Ячменевых, создателей первой коммуны и колхоза в селе Красный хлебороб, раскинувшемся у берегов речушек Иланки и Тамалы. И Виктор Федорович Доронин, хранитель и радетель тайги, живущий уже одиннадцать лет на Иланском таежном кордоне. И Владимир Иванович Ардин, возглавляющий коммунистическую бригаду читинских шахтеров. И майор милиции Василий Сергеевич Копылов, работающий в Псковском областном уголовном розыске. Это можно сформулировать в одном слове — Россия.

Не верю стихотворцам, талдычащим о Родине всуе! Высокие слова стираются от многократного и неразумного употребления. Сергей Васильев в своем программном стихотворении «Россия» говорит совсем по иному. Его Россия — та, что памятна нам по плакату военных лет: «Родина-мать зовет!». Она «с мечом в руках», у нее «величавый облик», но и «голос звонкий, как ручей», и «задумчивая грусть»:

В минуту горя,
в час разлуки
целую мысленно всегда
твои натруженные руки
в часы бессменного труда.
В глухую ночь грозы
военной
и в светлый полдень
торжества
несу в себе,
как дар бесценный,
огонь великого родства.

Мне очень дороги те точные слова, которые нашел здесь поэт. «Целую мысленно всегда твои натруженные руки...» — я назвал бы это высокой робостью. Он ощущает родство «как дар бесценный». Это чувство счастливой благодарности пронизывает и определяет все творчество Сергея Васильева.

Его поэтическая Россия, сегодняшняя, строящая коммунизм, густо населена. «В этой книге преобладают произведения, построенные по принципу строгого сюжета, зачастую вытекающего из жизненного факта, и в большей мере отображающие конкретное событие или поступок существовавшего лица», — пишет Сергей Васильев в коротеньком предисловии к своему сборнику «Под небом России» (кстати, отлично изданному «Современником»). Ему мало просто назвать, допустим, реки — Волгу или Онегу, Дон или Селенгу, он обязательно добавит: «В завалах черемух. В навесях сосновых», услышит чибиса над плесом и чайку над буем, учует «терпкий, устойчивый дух черемши». И далеко за пределами Родины — везде, где присутствует поэт, с ним дыханье России, в нем ее сердцебиение.

Его лирический строй — в Сергей Васильев категорически лирик — начисто исключает позу. Витийствовать он не умеет: если и пробует порой, это у него, в общем, не выходит. Он работает, любит, дерется, отдаваясь любимому делу полностью, по-русски: если пир, так пир горой. Александр Николаевич Макаров писал: «Отличительные приметы поэзии Сергея Васильева — завидная прямота и накал чувств». Это черты гражданственные, но и национальные. Упаси бог подумать, что я говорю о какой-то национальной ограниченности поэта. Наоборот — о широте. Плох тот гражданин планеты, что неустойчиво держится на родной земле. Впрочем, пусть говорит сам поэт:

«Когда легкий шелест березовой листвы и острый запах полыни летит из-за обмелевшей реки Тобола мне навстречу, — я снова и снова с тревожным, сладким и щемящим чувством ощущаю корни своей родословной»

Река Тобол, как известно, течет в Сибири.

В стихах Сергея Васильева мы то и дело встречаемся с Сибирью, с ее природой, характером, речевыми оборотами, со скрытым до поры взрывчатой силы темпераментом. Слыша «корни родословной», не удивляюсь уверенному выходу поэта-лирика в эпос — так и должно было произойти. В самом сибирском характере есть некое эпическое начало.

За поэму «Достоинство», посвященную памяти Героя Советского Союза генерала Дмитрия Михайловича Карбышева, поэту присуждена Государственная премия РСФСР имени Горького.

Фашистский ад пострашнее дантовского, и на кругах его поэт в какой-то мере попытался как бы заново пережить все, испытанное Карбышевым; в «болевых точках» поэмы кажется, что это по нему, по стихотворцу, хлещет ливень кипятка, ему «выворачивал ключицы остановившийся ветер с гор», его гонят «обратно в душевую, потом во двор из душевой, потом повторно вкруговую...» И только в самом конце поэмы автор позволяет себе на мгновение взглянуть со стороны: «Так вот как яростно и просто умеют люди умирать». Сергей Васильев поставил перед собой труднейшую задачу: способом поэзии не декларировать, а воспроизвести, как бы воскресить подвиг. Эта задача выполнена.

В «Дне поэзии-73» опубликована подборка стихов Сергея Васильева. Он и здесь легко узнаваем, но при этом открывается в несколько ином качестве, чем раньше, в стихах подобного плана. Поэт выглядит здесь строже — при всей улыбчивости многих строк, — яснее или мудрее, что ли...

Вот стихотворение «Эхо»:

...Конечно, жизнь
прекрасна без предела,
но как она безмерна
порой!
Уходят люди... Жил —
и вдруг не стало!
Уходят неожиданно,
стремглав.
рукой не дотянувшись
до штурвала,
заветную строку
не дописав.
. . . . . .
Спасибо, что хоть
отзвук остается,
что, жадному забвенью
вопреки,
из аха мастеров,
как из колодца,
живую воду пьют ученики.

Да, как ни горько, уходят люди, их подтачивают и «с корнем жгут дотла» болезни, но все же, вопреки безжалостности и конечности земного бытия, —

Очнулся ясень.
Иволга пропела.
Расчетистая пенная волна
на плоский берег
вымахнула смело,
студеным ветерком
окрылена.

Тут сказано куда больше, чем произнесено. Точны и порой неожиданны глаголы: «очнулся ясень». Короче говоря, это хорошие, настоящие, большие стихи.

Теперь о последней работе поэта, поэме «Изба над Тоболом» (журнал «Октябрь», № 1, 1975).

Уже говорилось о том, что такое река Тобол для Сергея Васильева. 130 лет назад в избе над Тоболом жил на поселении «государственный преступник», декабрист и поэт, «Виленька» лицейских лет Пушкина — Вильгельм Карлович Кюхельбекер.

Юноши, некогда вышедшие на Сенатскую площадь, давно состарились, обрюзгли, отяжелели. Каторга и «медленные хвори», казалось бы, окончательно сломили их. Но вот — день рождения Пушкина. На окраине Кургана, в избе над Тоболом собираются старые соратники. И само прикосновение к памяти великого друга, к прекрасной своей юности как бы окрыляет их души, прежний огонь зажигает глаза. Нет, пока они живы, они сражаются — недаром потом Вильгельм Кюхельбекер попросит старого товарища Ивана Пущина помочь привести в порядок рукописи: «Что — целиком предложить к изданию, что... с чистой совестью бросить в печь». Головы их седы, а мысли ясны, и на пушкинское — «Товарищ, верь!» — они откликаются: «Верим!»,

— Друзья!
Я и вас вину единоверцев.
Нева нас сроднила,
а не Тобол.
Так выпьем же дружно
за зоркость сердца,
за пушкинский,
ставший звездой глагол!

Болезнь снова свалит Кюхельбекера. И снова вытащит его из беспамятства и увезет в Тобольск на лечение как бы воскресшая в облике Пушкина немеркнущая молодость. «...Тут я прощаюсь с моим Вильгельмом и долго машу ему вслед рукой».

В новом произведении Сергея Васильева, кроме Вильгельма и его Дронюшки, кроме друзей-декабристов, есть еще одно действующее лицо. Это — Сибирь, ее народ, ее жизнь. Колготня базара, по которому проходит Кюхельбекер, случайные прохожие, помогающие Вильгельму Карловичу добрести до дома, ямщик с его припевкой «Эй, залетные, седелки потные!»... Даже простая сибирская снедь на восьминаршинном столе в избе над Тоболом написана вкусно, со смаком.

В этой работе поэт опять же узнаваем, но одновременно — неожидан, предстает в каком-то новом, пожалуй, более высоком качестве.

Закончить свои беглые заметки хочется словами уже упоминавшегося А. Н. Макарова: «Лучшее, что создано Сергеем Васильевым, написано о тех и для того, кто «рожден для храброго дела, для пламенной солнечной жизни большой». За это его и любят».

Марк СОБОЛЬ

УВИДЕННОЕ ДОБРЫМИ ГЛАЗАМИ

«Теплые ключи»... Может быть, название сборнику дано просто по одному из составляющих его очерков? Бывает и так. Но, наверно, название это все же выбрано не случайно. Оно и вправду определяет облик книги.

Юрия Грибова читатели знают как автора повестей «Сильнее смерти», «Тайна старой мельницы», сборников очерков и рассказов. Эта книжка, изданная в «Библиотеке «Огонек», содержит очерковые работы, написанные после поездки по Сибири и Сахалину. Добавлена к ним коротенькая документальная «детективная» повесть «Три буквы».

На 4369-м километре Транссибирской магистрали, когда до конца пути остается «еще столько же да полстолька», журналист выходит на маленькой станции, чтобы разыскать седьмой околоток, а там — бригадира пути Желянина. Журналисту давно хотелось побывать у рядовых работников гигантской железнодорожной трассы, которые обеспечивают на ней образцовый порядок. А у станции вон ведь какое имя: Теплые ключи!

Ю. Грибова тянут к себе такие уголки нашей земли, он любуется работающими там людьми. Его перо тяготеет к образам скромных тружеников, делающих свое дело с радостью, как-то «уютно» и сноровисто, а главное — с ничем не замутненной, родниковой, ключевой чистотой душой. Эти ключи, питаемые подлинно народной почвой, — теплые. Теплом дышит и повествование о них.

Тут и сельский библиотекарь Валентина Андреевна Горланова в енисейском селе Частоостровском. И Василий Елисеевич Ячменев, представитель династии Ячменевых, создателей первой коммуны и колхоза в селе Красный хлебороб, раскинувшемся у берегов речушек Иланки и Тамалы. И Виктор Федорович Доронин, хранитель и радетель тайги, живущий уже одиннадцать лет на Иланском таежном кордоне. И Владимир Иванович Ардин, возглавляющий коммунистическую бригаду читинских шахтеров. И майор милиции Василий Сергеевич Копылов, работающий в Псковском областном уголовном розыске. Тагинцев, веселый, обаятельный человек, будь то молодой мастер рыбацкого дела ниих Николай Санги, племянник известного писателя Владимира Санги, или мастера бурения нефтяных скважин Александр Дмитриевич Сычев и Николай Иванович Лепешкин, или заслуженный лесовод республики Евгений Дмитриевич Лебков — член Союза писателей, автор нескольких сборников стихов...

От отцов восприняли многие показанные писателем люди преданность и уважение к своей профессии, сыновья принимают семейную традицию от них, продолжают ее.

В очерке «Огоньки» интересно воспоминание о трудном начале работы молодого библиотекаря двадцать два года назад. Чтобы привить жителям Частоостровского вкус к библиотеке, ходила Валя Горланова по селу с бельевой корзиной, нагруженной книгами. Но не было у людей той жадности к литературе, жадности, о которой Валя мечтала в техникуме... Стала читать вслух. Начала эти чтения примечательно — с «Тихого Дона», «И побежала по селу молва, каждый вечер собирались в каком-нибудь доме люди, рассаживались на скамейках, шикали на шаливших ребятишек, заталкивали их на печь, переживали за Гришку Мелехова, за Аксинью. Не расходились до полуночи, всё просили Валентину продолжать...»

Всматривается в таких людей Ю. Грибов добрыми глазами, близки их характеры его душе — с их непритязательностью, ясностью взгляда на жизнь, неброской красотою, щедростью натуры, истинно, глубоко народным строем мыслей и чувствований. И пишет о них, заражаясь от своих героев влюбленностью в необозримую Сибирь, и далекий городок на Сахалине, в тайгу и таежников, увлеченностью самыми разными профессиями и делами, к которым могут быть приложены руки работящего человека.

Ю. ЛУКИН

Юрий Грибов. «Теплые ключи». Издательство «Правда», М. 1974.

Вся жизнь и творчество выдающегося украинского советского поэта Максима Фаддеевича Рыльского может служить примером беззаветной преданности Родине, народу, его литературе.

Поэт-академик, поэт-коммунист, он умело сочетал свою высокую миссию литератора с активной научной и общественно-политической деятельностью. Максим Рыльский был подлинным певцом дружбы народов, и это нашло свое выражение не только в его талантливой поэзии и страстной публицистике, но и в той поистине неутомимой работе переводчика, которой он отдал почти полвека жизни. Художественный перевод лучших образцов мировой и советской многонациональной литературы на родной украинский язык он называл «своим, кровным делом», относился к нему с величайшей требовательностью, а иногда и излишней самокритичностью...

Признанный мастер и теоретик переводов, М. Рыльский много сделал для популяризации классической и современной украинской поэзии среди народов СССР, привлекая в качестве переводчиков Михаила Исаковского, Якуба Коласа, Александра Твардовского, Корнея Чуковского и др.

В обширной переписке М. Рыльского есть немало писем, касающихся именно переводческой темы, к которой он относился со всей страстностью большого поэта и ученого.

Ниже впервые публикуются несколько таких писем М. Рыльского к К. Чуковскому и М. Исаковскому.

Эту публикацию к 80-летию со дня рождения поэта подготовил старший научный сотрудник Института искусствоведения, фольклора и этнографии имени М. Ф. Рыльского Академии наук УССР Ростислав Пилипчук.

Максим РЫЛЬСКИЙ: «СВОЕ, КРОВНОЕ ДЕЛО»

НА СНИМКЕ: *Максим Рыльский с Николаем Тихоновым и Петрусем Бровкой*

Дорогой Корней Иванович!

Вышел мой — около десяти лет тому сделанный — перевод «Короля Лира». Я знаю, что в нем много недостатков, и все же — решаюсь Вам послать эту книжку.

Выход ее совпал у меня с чтением Вашего «Высокого искусства» (1941 г.). Многое из Вашей книги мне уже было известно, и все же я читаю ее не только с увлечением, но и с волнением, Вам понятным.

В эти дни мне особенно совестно посылать Вам своего «Лира». Он во многом порочен, так сказать, принципиально. Вот причины и черты его порочности.

1) Английского языка я почти не знаю. Хотя в той гимназии, где я учился и преподавался английский язык, и я даже переводил на выпускном экзамене «Счастливого принца», — все же гимназический «курс» для мне очень мало, и я основательно забыл даже это малое. Пришлось применить способ старика Жуковского: был сделан для меня по возможности точный, идеально-неуклюжий подстрочник с примечаниями; взято несколько русских переводов (украинского перевода П. Кулиша, который перевел в свое время почти всего Шекспира, я не брал); положен на стол английский текст... и все. С таким арсеналом я и сделал свою работу.

2) Принцип эквилинеарности, безусловным поклонником которого является редактор этого издания, т. Гозенпуд, не был соблюден мною потому, что «Лир» кажется мне слишком насыщенной вещью, чтобы жертвовать во имя голого принципа теми или иными чертами подлинника. Впоследствии, переводя (увы! по тому же методу!) «Двенадцатую ночь», я, кажется, сохранил количество шекспировских стихотворных строк. В комедии, мне кажется, это легче. Впрочем, признаюсь, что теперь я, по-видимому, сумел бы сжать свой перевод до возможных пределов.

3) «Шекспировские грубости», которые с такой любовью культивирует Радлова, я кое-где смягчил. Вызвано это было тем, что перевод предназначался для сцены (хотя до сих пор ее не видел и бог знает когда увидит): мне кажется, да не только кажется, а так оно и есть, что вещи, звучащие ныне нарочито грубо и непристойно, были совершенно естественными и не считались неприличными и читателей и слушателей времен Рабле и Шекспира. Точно, рабски переводить эти места — значило бы искажать перспективу.

Конечно, я старался избежать и ненужного подслащивания перевода.

4) Кое-где у меня шекспировские герои говорят слишком плавно, слишком «красиво». Каюсь. Теперь, опять-таки, я бы многое сделал поиному. Увы!

Думаю все же, что и в таком виде «Лир» мог бы быть поставлен «на театре». Украинский театр «освоил» уже «Отелло», «Макбета», «Много шуму» и т. п.: моя мечта — украинский Лир на сцене. Бучма, кажется мне, справился бы с центральной ролью..

Ваш М. РЫЛЬСКИЙ
Киев, Ленина, 68, кв. 70
1.IV.41

■

Дорогой Михаил Васильевич!

Решив включить Ваш перевод «Лесной песни» Леси Украинки в новое собрание ее сочинений, мы просмотрели Ваш текст. Считая его высокохудожественным и выдержанным в духе подлинника, мы позволим себе сделать ряд замечаний, касающихся главным образом стихотворной формы. В частности, нам кажется необходимым соблюсти строгость пятистопного ямба, так как Леся Украинка в «Лесной песне» нигде не нарушает его, за исключением, конечно, мест, написанных иным размером. Есть у нас и несколько замечаний по поводу неточной передачи некоторых слов и выражений, а также пропусков.

Очень просим Вас ознакомиться с нашими замечаниями и согласиться доработать свой перевод. Простите за нашу придирчивость, но она вызвана любовью и к Вам, и к Лесе Украинке.

Ваш М. РЫЛЬСКИЙ
Ваш А. ДЕЙЧ
10.VII.52

■

Дорогой Корней Иванович!

С большим интересом, как всегда, прочитал в «Литературной газете» Вашу «Неточную точность». Все справедливо и метко. Относительно «змеи» в сербском эпосе... Мне, как переводчику сербских дум (неужели я не послал Вам своих переводов?), тоже встречалась эта проклятущая змея, имеющая в сербском эпосе положительный характер... Кажется, я, грешным делом, по следам Старицкого заменял эту змею нашей родной зозулею...

Стихотворное обращение Фета к Толстому я давно знаю и очень люблю. Да, это «не Фет», — и все-таки — это очень даже Фет! Фет той поры, когда с ним дружил Толстой...

Относительно замены Гребневым образа матери образом жены скажу, что это очень смело, но что Гребнев по-своему был прав — прав с точки зрения высокого искусства...

Одно маленькое замечание, дорогой Корней Иванович. Вы приводите строку из Старицкого (трансформированная строка Некрасова):

Як липа без верху
у лузі

и даете перевод: Как липа без вершины на лугу. — Но украинский луг не совсем соответствует русскому лугу. В «Словаре» Гринченко: луг — лес на низменности, низменность, поросшая лесом (2-е значение — щелок). Правда, во II томе «Укр[аїнсько]-рос[ійського] словника Акад[емии] наук УССР 1958 г. 1-е значение укр[аинского] луг — (поросший травой участок земли) луг, а 2-е — лес (на низменности) сопровождено ремаркой уст., но именно луг — лес имели в виду создатели народных песен «Ой не шуми, луже, зелений, байраче» и «Ой у лузі та при березі червона калина» (где, кстати, «при березі» означает не у березы, а над берегом, на берегу). Именно про луг в этом смысле думал Старицкий, переводя Некрасова...

На лугу в русском смысле слова липы не растут...

Для русского луг принято вообще украинское лука (множеств. луки).

Простите меня, Корней Иванович, за многословие, продиктованное — любовью к слову.

Всегда Ваш
М. РЫЛЬСКИЙ
13.IX 1963

■

Дорогой Михаил Васильевич!

К 150-летию со дня рождения Шевченко готовятся издания в изд-ве Академии наук СССР и Гослитиздате. Как редакторы этих изданий, я и А. И. Дейч вновь просмотрели Ваш перевод «Катерины» и позволили себе сделать несколько замечаний. Одно из этих замечаний относится к следующему знаменитому месту:

Попід горою, яром, долом,
Мов ті діди високочолі,
Дуби з гетьманщини
стоять.
У яру гребля, верби вряд,
Ставок під кригою
в неволі
І ополонка — воду брать...
Мов покотьоло червоніє,
Крізь хмару —
сонце зайнялось.

Чудесно передав это место. Вы по вполне понятным причинам обошли слово «покотьоло». По словарю Гринченко покотьоло — «деревянный кружок (детская игрушка)». Сравнение — очень характерное для шедшего от романтизма к реализму Шевченко. Никто из переводчиков, конечно, доселе этого «покотьола» не передал. Третий редактор академического издания, Л. Н. Новиченко, предлагает использовать здесь русское слово колобок. Как вы на это смотрите, Михаил Васильевич?

Посылаем Вам текст Вашего перевода, очень просим пересмотреть его, учтя наши немногочисленные замечания. И не гневитесь на нас, старых педантов!

М. РЫЛЬСКИЙ
25.V. 1963

АРХИВ «ЛГ»

20 марта Вере Федоровне Пановой должно было исполниться семьдесят лет. Она не дожила до этого дня, но ее произведения, написанные в разные годы, продолжают появляться в печати, будто автор и не прерывал своего постоянного общения с читателем...

Первые пьесы Пановой («Илья Косогор», «В старой Москве») были созданы еще в довоенные годы, но подлинная духовная зрелость пришла к ней в пору Отечественной войны, когда вместе с тысячами тысяч сограждан она познала трагедию вражеского нашествия, тяготы эвакуации, боль личных потерь и лишений. В этих тяжелых обстоятельствах Панова-художник выразила оптимистический склад души советского человека, его жизнелюбие, стойкость, патриотизм, веру в будущее.

Ознакомившись с первой частью повести «Спутники», Всеволод Вишневский в июне 1945 года писал в редакцию журнала «Знамя»: «Нашего полку прибыло!.. Свежий, чистый прозаик появился среди нас. Повесть читается с большим интересом. Характеры обрисованы мастерски, — вспомните, например, — Огородникову, ее удивительно точную, несколько необычную биографию... Или старина — начальника поезда... Автор пишет непринужденно, «без агитации», — что, может быть, является некоей типической чертой ряда новых авторов (я вспомнил бы тут Г. Николаеву и др.). Повесть, когда получим 2-ую часть, — будет приобретением для журнала. Что-то свежее и хорошее в ней. Видимо, в дальнейших частях повести автор сумеет хорошо осветить отдельные стороны самой войны».

Внимательный и правдивый художник, Панова не обходила реальные проблемы и насущные заботы своих современников — оттого так горячо и заинтересованно воспринимались и продолжают широко обращаться ее книги в нашей стране и за рубежом.

Публикуемая сегодня статья Пановой «Планы и практика» впервые появляется в печати на русском языке. Адресованная зарубежным читателям, она была написана незадолго до окончания четвертой, самой большой по объему книги Пановой — романа «Времена года». Может показаться странным, что известная писательница, автор «Спутников» и «Кружилихи», отклоняла от себя честь называться «профессиональным романистом» и высказывала сомнение в том, что ей когда-либо удастся стать таковым в будущем. За лукавой автоиронией тут, однако, кроется вполне серьезная мысль. Панова уважала профессионализм, ценила мастерство, сама владела его секретами. Но на собственной практике она убеждалась в том, что быть «профессиональным романистом» и быть художником — не одно и то же. Художник бунтовал в ней против упрощенности, шаблонных решений, против заданности и преднамеренности, снижающих творчество до уровня литературного ремесла. И она сумела остаться верной своему оригинальному и большому таланту, сумела развить его и все накопленное памятью сердца высказать искренне и свободно.

Одной из самых привлекательных сторон творчества Пановой была материнская любовь к детям, к подрастающему поколению. Без такой любви, умудренной опытом жизни, не могли бы родиться чудесная повесть «Сережа» или рассказы о детях военного времени — «Валя» и «Володя». Старейшина советской литературы для детей Корней Иванович Чуковский предсказал, что эта повесть рано или поздно создаст автору «всемирное имя». Теперь, по прошествии двадцати лет, это предсказание сбывается: по числу переводов на иностранные языки повесть «Сережа» опередила все произведения Пановой.

Как у всякого ищущего художника, у Пановой были разные по глубине замысла и совершенству исполнения работы, были пробы и подступы к темам, которые устойчиво владели ее воображением. От «Спутников» до последней автобиографической повести «О моей жизни, книгах и читателях», только что вышедшей в Лениздате, Панову не оставляло «чувство пути» — то особенное внутреннее чувство, которое Блок считал достоянием лишь органического таланта. На «неслучайность» каждого выступления Пановой обратил внимание Твардовский в письме к ней по поводу пьесы «Проводы белых ночей».

Выпущенное в 1969—1970 годах издательством «Художественная литература» пятитомное собрание сочинений В. Пановой, объединяя наиболее известные ее романы, повести, рассказы, исторические произведения и пьесы, вместило далеко не все из написанного и завершенного в последние годы.

Обширный архив В. Ф. Пановой сосредоточен в ЦГАЛИ.

Подготовка публикации и предисловие А. НИНОВА

Вера ПАНОВА: «КОГДА Я ПРИНИМАЮСЬ ЗА РОМАН...»

ТЕПЕРЬ мне ясно, что я никогда не буду профессиональным романистом. Для этого мне не хватает двух качеств: умения пользоваться готовым материалом, который предлагается жизнью, и умения реализовать собственные планы.

Я умела использовать материал, когда была журналисткой. У меня был наметанный глаз и способность точно описать увиденное. Мне работалось легко. Куда же это исчезло, когда я стала писателем?

Я вижу женщину, которая всеми данными своей деятельности, биографии и характера представляет идеальную героиню для моего романа. И так просто написать ее: она у меня как на ладони. И читатель скажет мне спасибо, если я опишу ее такою, как она есть. И критики похвалят. Все будет хорошо.

Будь я журналисткой, я написала бы очерк об этой женщине. Очерк был бы вполне удовлетворительный и поспел бы как раз к сдаче в набор.

Но я стала писателем, и мне скучно оттого, что эта женщина так ясна для меня. Мне хочется придать ей такие-то и такие-то черты, подсмотренные когда-то у других женщин или придуманные мною.

Хочется вплести в ее биографию факты, которых не было, и ошибки, которых она не совершала.

И только когда моя фантазия изменит реальный образ, эта женщина станет мне ближе родной сестры и я за руку введу ее в роман.

Так в свое время была написана Юлия Дмитриевна в моем романе «Спутники», хирургическая сестра с золотыми руками, прекрасным сердцем и безобразной наружностью, обрекшей ее на женское одиночество.

В санитарном поезде, коллектив которого послужил источником материала для «Спутников», была хирургическая сестра с золотыми руками, прекрасным сердцем и милой наружностью. В книге я сделала ее уродливой и несчастливой. Для чего-то это мне было непременно нужно.

Читатель сострадателен, и этот мой поступок не вызвал его одобрения. Критики сурово выговаривали мне. И мне самой очень жалко Юлию Дмитриевну. Я действительно обошлась с нею бесчеловечно.

Я написала всего три небольшие книги, а за мною уже тянется цепь таких поступков, жестоких и, по-видимому, лишенных смысла.

Для чего, например, надо было сочинять, будто у Уздечкина, одного из героев романа «Кружилиха», украли деньги, принадлежавшие профсоюзу? Это очень редко случается в жизни. Профсоюзные деньги надежно хранятся в несгораемых шкафах. И у Уздечкина без того было много несчастий. Я работала над ним, как злой рок, выдумывая для него беду за бедой. Зачем? Читатели до сих пор задают мне этот вопрос. Не знаю. Так мне было нужно, вопреки разуму и жизни.

После каждого романа я даю себе слово — впредь держаться материала и не позволять себе бессмысленных вольностей. Ведь материал такой прекрасный, такой небывалый! Я совершенно увлечена этим материалом, когда пишу очерк.

Но все изменяется в моем сознании, когда я принимаюсь за роман.

Сейчас это происходит уже в четвертый раз, и я понимаю, что вечно буду рабой моего воображения. Опять я не беру людей такими, как они есть, а подвергаю их сложным соединениям и изменениям.

И это касается не только людей, но и вещей.

Герои моего нового романа живут в большом промышленном городе. Почему бы этим городом не быть Ленинграду, или Свердловску, или Ростову-на-Дону, или другому областному центру, хорошо знакомому мне и подходящему для того, чтобы в нем жили и действовали мои герои?

Может ли действие романа происходить в Ленинграде? Безусловно. И город у меня под рукой, я живу в нем. Я могла бы с натуры, при минимальной затрате времени и сил, писать улицы, площади, сады, мосты, здания, всю великолепную панораму города. Читатель узнавал бы знакомые места: он любит узнавать знакомые места.

Но по непонятным мне причинам я строю для моих героев новый город, которого нет на карте.

В нем есть что-то, напоминающее Ленинград, и что-то, напоминающее Свердловск, и что-то напоминающее другие виденные мною города. Он далеко не так красив, как Ленинград, которым никогда не устаешь любоваться; он хуже Свердловска хотя бы потому, что Свердловск существует в действительности.

И по правде говоря — никому не нужно, чтобы я строила этот безымянный город. Ни героям не нужно, ни читателям. Нужно только мне.

Я строю дома и заводы, асфальтирую улицы, сажаю липы на бульварах. Я создала центр города, окраины, и новые рабочие поселки, и реку, и по реке пустила пароходы.

И с восторгом пишу не подлинно существующие прекрасные пейзажи, которыми любуюсь в жизни, а пейзажи, созданные моей фантазией.

Нерасчетливо, неэкономно и ни к чему.

Нет, я никогда не буду профессиональным писателем.

Я преклоняюсь перед мудрой целеустремленностью профессионалов. Но мне нет радости без этой игры.

Ни один роман мне не удается построить по плану.

Я мучаюсь над планом всякий раз, и подолгу. В плане все учтено: действие развивается последовательно, части пригнаны друг к другу как нельзя лучше; нет ни одного лишнего персонажа и ни одного неоправданного эпизода. Записные книжки с готовыми характерами, наблюдениями и диалогами, собранными в жизни, выглядят солидным подкреплением к этому плану.

И всякий раз план рушится, едва я пытаюсь реализовать его практически.

Так было еще со «Спутниками»: я взяла перо — это было в купе санитарного поезда, январской ночью 1945 года, поезд шел к фронту, окно было задернуто черной занавеской, — и вместо слов, полагавшихся по плану, рука написала другие, неведомо откуда взявшиеся слова: о том, что поезд идет сквозь июньскую белую ночь, плывут назад поля в пепельном свете, бледный прожектор шарит по небу, и комиссар Данилов, которому не спится, стоит у открытого окна.

Рядом с моим купе щелкнула дверь, и я написала, что щелкнула дверь рядом с купе Данилова и что в коридор вышел доктор Супругов — такого человека не было ни в поезде, ни в плане, — и Супругов начал говорить Данилову какие-то свои, им, а не мною придуманные слова, и своими же словами стал отвечать ему Данилов. Выяснилось, что Супругов — неприятная личность, мы с Даниловым невзлюбили его сразу, хотя только к концу книги раскусили его как следует.

Супругов повлек за собою капитальные изменения в сюжете, ритме, тональности романа. Потом пришла в поезд Сонечка, жена доктора Белова, тоже не предусмотренная планом; она в свою очередь перевернула сюжет. Потом открылось, что у Данилова была в юности неразделенная любовь; как результат этого открытия в романе возникла встреча Данилова с любимою им некогда женщиной, искалеченной на фронте. Потом веселая сестра Фаина пожелала выйти замуж и прибрала к рукам электромонтера Низвецкого... Короче говоря, от плана не осталось ничего.

И так же непредвиденно возник на трибуне большого собрания Уздечкин в первой главе романа «Кружилиха» и привлек все мое внимание в ущерб другим героям. И опять план рухнул, как карточный домик<...>

Вот и в том романе, который я сейчас пишу, герои разгуливают по страницам как по собственным комнатам, не считаются с моими предначертаниями и разговаривают своими словами. А я рабски записываю их диалоги и поступки, и я счастлива...

[1952 г.]

Григорий КОЗИНЦЕВ: «ИСТОРИЯ ДУШИ, ИСТОРИЯ ВЕКА»

22 марта замечательному советскому кинорежиссеру Григорию Михайловичу Козинцеву исполнилось бы 70 лет. Мы предлагаем вниманию читателей «ЛГ» неопубликовавшиеся ранее записи из его рабочих тетрадей.

■

Так часто слышишь по поводу шекспировских постановок: «правильно», «ошибочно». Трагедии Шекспира можно только продолжить во времени, уже в твоем времени. Вернуть их ко времени их написания мы бессильны. За «правильно» нередко сходит привычное, известное, то, что уже сказано, — устоявшийся штамп прошлой эпохи. Шекспир сам наглядно учил, как работать: превращать старые пьесы — в жизненные трагедии, легенды — в события истории.

■

Трудность шекспировской постановки еще и в том, что она — после Чехова, Хемингуэя, Моравиа. После того, как искусство открыло величайшую силу недоговоренности.

У Шекспира стреляют все ружья, подведены все итоги, развязаны все узлы, кроме одного — общего итога. Нет конца этого отражения в трагедии; исторического периода. История продолжается, и предотвращения новой катастрофы неизвестны людям.

Задача режиссера, какой она представляется мне, состоит не в том, чтобы перенести с возможной схожестью и полнотой образы, некогда сочиненные Шекспиром, на современную сцену или экран. Нужно продолжить их жизнь в современной жизни.

■

Кинематография — экранные образы — начинается для меня тогда, когда в плоти шекспировского стиха я открываю ростки того, что может быть продолжено, выявлено в зрительной реальности, теряя в процессе этого выявления слова, но приобретая плотность видимого, действенного, выражающего то же существо — чувства, мысли, даже метафоричность стиля, — что заключено и в полном тексте.

Как только я что-то придумываю, пусть и кажущееся мне близким, но лишь относящееся к шекспировским образам, «на их тему», «по их поводу», — я это вскоре же безжалостно отвергаю: у меня нет веры в неопровержимость таких выдумок. Это — выдуманное, присочиненное; я ищу выявленное, а не выдуманное.

Но как только плоть стихов остается неприкосновенной и это место пьесы нужно только «поставить для кино», приспособить к съемке, — я ощущаю нелепость превращения трагедии в сценарий.

Мой способ работы прост: я приучаю мысль, как охотничьего пса, идти по следу. Все, что читаю, узнаю, — подчиняю одному: обнаружить след — ход шекспировской мысли.

И утром мысль сама, без усилия, нападает на этот след. Я ощущаю ритм, слышу интонацию.

■

Что дает мне это подчинение одному и тому же автору в течение стольких лет? Как ни странно — возможность совершенной самостоятельности своего, и только своего, художественного мышления, мыслей о современной жизни, перенесение собственного жизненного опыта в фильм.

А художественный опыт, совершенствование способов труда заключался вот в чем: в первых шекспировских постановках я, углубляясь в пьесы, находил возможность пристроить к ним свои домыслы. Теперь я нахожу в самой ткани трагедии то, что необходимо мне выразить, потому что это еще не было показано и я — первый — это открыл.

Разумеется, это мне только кажется. Ничего я не открываю. Просто я читатель особой эпохи, режиссер особой жизненной судьбы. Дело именно в этом — в эпохе, судьбе.

■

Все, о чем пишет каждый исследователь трагедии «Король Лир», есть в ней. И много еще другого есть. Но самым глубинным ходом, главной сцепляющей мыслью проходит эта: для чего человек живет? В чем смысл его жизни? Что же главное, что он находит в жизни? С чем — всепоглощающим душу — он кончает жизнь?

Почему Лир — герой именно этой трагедии? Потому что он прошел самый долгий путь, выстрадал больше всех и пришел к самому простому.

Что же это — самое простое?

То, что возникает в душе, в чем волен человек: любовь к человеку. Ненависть и презрение ко всему, что обесчеловечивает человека.

Проходят годы, и ты понимаешь не то, что заключено в трагедии, ты открываешь самое главное: это — про тебя, это из твоей жизни, не быта, разумеется, а истории твоей души, твоего века.

Важно только это.

Огромные вопросы возникают сразу же, они и образуют внутреннее начало трагедии.

Что такое власть? Старость? Любовь? Правда? Честность?

■

Во время работы я не хожу в кино. Читаю Толстого, Достоевского, Чехова.

Чему я учусь у них? Стыду за все грациозное, стыду за все, что отдает эстетическим баловством, невозможным в наш век.

Читатель находит в классике то, что для него важно сейчас, насущно необходимо именно теперь.

У мягкого, терпеливого, доброжелательного Чехова я открываю неукротимую злость, непреклонную нетерпимость. Вместе с героем он теряет власть над собой.

Так, доктор рассказывает княгине все, что он думает об ее образе жизни («Княгиня»); теряет власть над собой студент-юрист Васильев («Припадок»).

Посылая «Припадок» А. Плещееву, Чехов пишет: «Так как о серьезном нужно говорить серьезно, то в рассказе этом все вещи будут названы настоящими их именами... Рассказ совсем не подходящий для альманашно-семейного чтения, не грациозный и отдает сыростью водосточных труб».

Как хочется и как трудно добиться именно этого на экране: полного отсутствия грациозности и чтобы отдавало сыростью водосточных труб.

Позор альманашно-семейного прочтения Шекспира на экране.

О серьезном — серьезно. Назвать все вещи их настоящими именами.

Свойство русской литературы XIX века: отклик на боль, отзыв на страдание. Требование у людей, у всего мира ответа.

Нетерпимость к тому, к чему притерпелись.

■

Детское искусство. Вся суть в том, что взрослые воспринимают каждое явление как мало отличимые друг от друга частности каких-то общих категорий, уже давно известных, существующих в нашем сознании автоматически. Каждый дом — лишь мало уловимая частность понятия дома, улицы, города и т. п.

Для ребенка дом есть только дом. Это понятие огромное, живое. И осознание его — открытие — есть и радость, и наслаждение.

Ребенок — открыватель. И в открываемом он открывает и объект, и свое отношение к объекту.

Тут видно, в чем секрет выражения жизненных явлений искусством. В неисчислимой множественности определений. И в том, что натуралистическое изображение всегда только одно определение — определение хаотичности внешних подробностей.

А в искусстве: множественность чувственных ощущений, вызванных явлением. Гул множества отзвуков, где, подобно гулу колоколов, можно услышать множество слов, чувств, мелодий, увидеть различные образы и т. д.

Леонардо учил видеть сражение в смене облаков.

Это делает ребенок. У него явление вызывает множество случайных чувств, представлений, мыслей — определений. И он стремится выразить основные из них — те, в которых суть.

Вот пятилетний ребенок изображает поезд. Это полет черного и красного, стремление пятен, бег, быстрота, сила, устремление.

И, как ни странно, дело вовсе не в наивности. Почти так же изображает поезд Бунин («Лика»). Основное — силу движения, напряжение хода машины — изображает врывающимся мощным движением, сменой, столкновением цветовых пятен: черного и красного.

Ребенок изображает клоуна. Но это не только грим, искажающий человеческие лица. Это еще и праздник, и радость зрителя на спектакле, и необычность всего виденного, я резкое отличие этого виденного от обычного, повседневного, жизненного. Это я впечатление, с поражающей яркостью и отчетливостью запечатлевшееся в мозгу. Это праздник. Сказка. Фантастика.

Рыба — не только живое существо, но и чудо-юдо, миф, стихотворение.

Это поэзия.

Это и Пикассо, и Матисс.

Как учились эти дети? Прежде всего не смотрели дрянной живописи. Смотрели на жизнь чистым взглядом. Ужас усваивания штампов.

■

А ведь, в общем, как просто. Прожита жизнь, и вот, должно быть, если ты художник — есть про что сказать, и если ты мастер — умение сказать это так, чтобы тебя поняли.

Сказать же художник всегда хочет то, что чувствуют и ощущают еще множество людей. Только ему это видно отчетливее и нагляднее.

Публикацию подготовила Валентина КОЗИНЦЕВА

Моксим АУЖАНИН

1942 г.

Эхо войны

1.

На звонницах
Оглохли колокола.

В сердце память давно зажила,
И были б они не слышны,
Если б не эхо войны...

Падают наземь,
Падают
И взлетают вверх
Медные звуки,
горем нагруженные.
С пепелищ и пожарищ
Поверх труб-век
Безостановочно
Звонит рука натруженная.

Брат мой,
Это — Хатынь.
Сердце,
Помни — и не остынь!

2.

До неба теплым туманом
Сияют в роще березы,
Тихонько
платком багряным
Березы смахивают слезы.

Паломники издалека,
что это значит:
Зачем же весенней порою
Березы в рощице плачут?

Они не знают, что это
От солнца капли багровы,
Ведь вместе зимой и летом
Березы
и вдовы.

Женщины и березы
Одною связаны долей:
Жены мужьям погибшим
Посадили
деревья в поле.

Каждый из них —
дорогой пролег
Знаменам реял под небом —
Был коммунистом
Иль не был.

Своим и чужим поставили
Памятник —
из березы.
Пусть, белый, стоит над речкой,
Отводит ветвями грозы.

Потом справляли поминки
По непришедшим
из сечи.
...И ветки, как будто руки,
Трогали их за плечи.

И как они, угасая,
В тоске расстаются с живыми —
Разносят скорбные ветры
Рощи вечное имя.

Серебряный, он проходит
По вёсям и первопуткам.
Мужественная Хатынь,
Белая моя Хатынь,
Вдовий лес
под Новогрудком.

3.

Полями ржаными,
Борами густыми
Следы заросли
И словно остыли.

А горстку брусники,
А зерна пшеницы
Рассыпь на ладони —
И звон заструится.

В июньской жарине,
В декабрьской стыне
Зазвонит Хатынь,
Отзовутся Хатыни.

И Лидице пепел,
И слезы Дахау...
Кровь человечья
Не высыхает.

С сожженных сердец
Течет ручейками.
Кровь зреет брусникой,
Звонит
колоколами.

Перевел с белорусского В. ЦЫБИН

Всеволод РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

■

Эти дни славой Родины станут,
Путь отваги пройдут до конца.
В ленинградском огне испытаний
Закаляется воля бойца.

Не она ль расплавляет металлы,
Дуб сжигает в щепотку золы,
Рвет на части гранитные скалы,
Вяжет рельсы в тугие узлы?

На дыбы поднимается поле,
И бетон обращается в прах,
Если воля, солдатская воля
С каждым часом крепчает в боях.

1942

1943 г.

Январь, 1943

О память, ты даешь двойное зренье,
И то, чего давно на свете нет,
Вдруг предстает в тогдашнем воплощенье
И в зрелости давно минувших лет.

Уже настойчиво, неотвратимо
Из этой мглы выхватывает луч
Лесной блиндаж, печурку, горечь дыма
И лыжный след, спускающийся с круч.

Когда-то было, а теперь лишь снится...
Склоняются к трехверстке над столом
Небритые, закопченные лица,
Озарены дрожащим огоньком.

Над ящиком своим, покрыт шинелью,
Вторую ночь не спит телефонист...
Занесена вчерашнею метелью
Тропинка в штаб. А воздух свеж и чист.

Давно знаком здесь каждый мне обрубок,
Верхи снарядом скошенных берез.
Чуть валенки скрипят. Под полушубок
Колючий пробирается мороз.

Что кажется и тише, и безлюдней
Передрассветных волховских болот?
Но притаились фронтовые будни,
Зарылись в снег. И каждый холмик ждет.

Торчат стволы в щепу побитых елок,
Куда ни глянь — безмолвные снега.
Молчит Четвертый торфяной поселок,
Еще не наш. Там логово врага.

Но близок срок — обрушив канонаду,
Взлетит ракета, дрогнет лес живой,
И ринется навстречу Ленинграду,
Навстречу братьям Волхов фронтовой!

Михаил ЛЬВОВ

1944 г.

■

Из войны
мы красивыми вышли,
Молодыми —
и в форме,
и в силе.
Нам сражения
души не выжгли,
Только лица
слегка
заострили.
Так и жили мы
в воинском стиле.
Мы войне
ничего
не простили,
Мы врагам
ничего
не простили.
Продолжали
мы в воинском стиле
И дороги,
и дружбы,
и стили —
А теперь вот
и врачам зачастили.
Жизнь проходит,
и время проходит,

По-другому
оно половодит,
И другие понятия
вводит,
В юбилейные
даты нас сводит.
И теперь,
как ни странно,
приходит
Благодарность
почти что
войне:
За свое
воспитанье
в огне,
За предельную жесткую
школу,

За свое
несгибание долу,
За свою,
за особую долю!
Мы теперь,
в облачках седины,
Не снимая с войны
и вины,
В те далекие дни
влюблены.

■

Живой и современный
В Болгарии стою —
Коленопреклоненный
Пред павшими в бою.
Бессмертье их,
как море,
Окатывает нас.
Признательность
и горе.
Высокий
скорбный
час...
С горы
туман
настлался,
И скрыл он солнца диск.
А этот день
остался
В душе,
как обелиск.

Павел БОГДАНОВ

1941 г.

Ветераны

Нас не учили, как под танк бросаться,
И вражью амбразуру грудью как закрыть,
И на врага живым тараном мчаться...
Но нас учили
Родину любить!

И потому-то в безысходный час
Под танк бросались, мчались на таран
И вражьи амбразуры закрывали мы не раз.
И если на Отчизне меньше ран,
То потому,
Что раны те —
На нас!

Пусть раны старые болят сильней, чем прежде, —
Под жизнью не подводим мы черты.
И верим в те же прежние надежды
И в молодые дерзкие мечты.

По-прежнему не ищем мы, где легче.
По-прежнему нам любо в гуще дел.
Под груз эпохи подставляем плечи,
Превысив норму,
Сокрушив предел!
Добру открыты настежь сердца двери,
Готовы против зла идти в штыки.
Пока мы живы — смею вас уверить, —
Нигде
Не подведут
Фронтовики!

Мамаев курган

Идут, идут к могилам братским
В лицо бессмертия взглянуть.
И я на костылях солдатских
Поднялся к Вечному огню.

Взошел не плакать на кургане.
Ведь нашим воинам он стал
Той славой,
Что в века не канет.
Он их отваги пьедестал!

Он устоял пред вражьей силой,
Курган-солдат!
Курган-герой!
А раны Волга-мать омыла
Ему своей живой водой.

30 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Константин ЛОРДКИПАНИДЗЕ

1943 г.

РАССКАЗ

МЕСТО У КОСТРА

Я НЕ ЗАПОМНИЛ, в котором часу мы погрузились на эту старую самоходную баржу, помеченную номером 182, — посадка происходила вечером, поспешно, в кромешной тьме. Было очень холодно и не очень уютно, и я с досадой подумал: «Не отдохнуть этой ночью», — но стоило мне прилечь на бухтах жесткого корабельного каната, как я мгновенно заснул непробудным госпитальным сном. За два месяца спокойная больничная койка основательно отучила меня от чуткой окопной полудремы.

Народ на барже собрался самый разный: были и такие, как я, еще пахнущие лекарствами и тыловой парикмахерской, ехали наборщики и печатники какой-то новой армейской типографии, шумные, говорливые работники фронтового военторга и еще какие-то командированные люди.

Все это я узнал из разговоров в «кают-компании», куда меня определил вахтенный. А «кают-компанией» эту дощатую, насквозь продуваемую времянку на корме, к моему удивлению, именовал матрос самоходки Гаги Шарангиа.

Во время посадки он стоял вахтенным у сходного трапа и, поторапливая пассажиров, звонким голосом выкрикивал не очень нужные, по-моему, сейчас команды и с такой милой беззастенчивостью, с таким знакомым акцентом коверкал русские слова, что я сразу признал земляка.

— Откуда ты, парень? — спросил я этого молодого матросика, когда он пришел к нам в «кают-компанию».

Услышав родной язык, он как-то слишком бурно обрадовался — обеими руками пожал мою руку, потом совершенно неожиданно, словно мы были ровесниками, похлопал меня по плечу и тотчас же, [illegible] ответа, единым духом выложил всю свою недолгую биографию.

Родом из рыбацкого села, он еще мальчишкой ходил с дядей в море, умел управляться со всякой рыбачьей снастью, ставить паруса, держать в строгом подчинении старый разболтанный движок и, кроме того, считался лучшим пловцом и ныряльщиком — на любой волне Гаги держался легко и неутомимо, как веретено.

Поначалу я подумал, что он просто радуется встрече с земляком — в команде баржи № 182 он был единственным грузином, — но когда я получше присмотрелся к нему, то догадался: его радость не лишена и некоторого наивного расчета: безусый юнец, матрос-салажонок ужасно хотел предстать перед своим земляком эдаким морским волком. Сперва я даже не очень хорошо понимал, о чем он говорит, — он оглушил меня, коренного пехотинца, звучными словами из военно-морского лексикона.

Но еще больше удивило меня, что свою тихоходную баржу Гаги все время величал только кораблем, а ее короткие рейсы — не иначе, как боевыми походами. А баржа эта была рядовым чернорабочим войны, возила она цемент и арматуру для строительства оборонительных сооружений. Обычно она выходила в плавание с наступлением темноты и, прижимаясь к каменистым берегам Таманского полуострова, за долгую зимнюю ночь, как правило, добиралась до места разгрузки.

На обратном пути самоходка забирала у [illegible] рыбаков свежую ставриду для подшефного сухумского госпиталя, прихватывали и [illegible] с детьми и [illegible] в [illegible].

— А кипяточком у вас не разживемся? — спросил матроса сидевший рядом со мной младший сержант.

— Ну как же! Сейчас принесу! — сказал Гаги. И не успели мы достать свои припасы, как он уже появился с большим закопченным чайником, на котором еще подпрыгивала помятая крышка.

Вместе с ним вошел высокий светловолосый парень с золотистым пушком на бледном суховатом лице и с такими голубыми глазами, словно они с самого рождения ничего другого не видели, кроме чистого неба. Человека с такими глазами у нас в деревне с великой радостью позвали бы в крестные отцы — по древнему поверью, такие люди [illegible].

— Мой товарищ Юра Машкин, — сказал Гаги. — Мы только сдали вахту, еще не ужинали, примите и нас.

— Просим, — сказал я.

Машкин выложил на табуретку полкаравая хлеба, кулечек с сахарным песком, [illegible].

— Давай, налетай, [illegible]! — сказал он. [illegible]

[illegible]

— На нашем корабле людей пустым кипятком не угощают, — сказал Гаги.

Машкин фыркнул.

— Корабль! Почему не линкор? Только они же люди военные, разбираются. Лучше подожди своих старух-бабенок, им, беднягам, все одно, как ты нашу ржавую скорлупу назовешь. Всему поверят, лишь бы до берега добраться!

Машкину больно было прикасаться губами к горячей кружке — они у него были жестоко обветрены и изрезаны почерневшими продольными трещинами. Он морщился и мученно улыбался.

— Давай, давай, разговаривай, — сказал Гаги. — Вот начнем ходить в Темрюк и две зенитки нам поставят. Посмотрим, что тогда скажешь, остряк-самоучка.

— Пулеметики, самолетики, — рассмеялся Машкин. — А ты подумай, что ждет тебя впереди! Кончится война, вернешься в деревню, спросят: «Как назывался твой корабль, матрос? «Ураган»? «Беспощадный»? «Нахимов»?» А ты что ответишь, Гаги? Нет же у нас имени — только трехзначный номер. Посмеются люди и скажут: «Трепался наш моряк в письмах! Выходит, не на боевом корабле плавал, а на речном трамвае номер сто восемьдесят два!»

Видимо, у них так было заведено: Машкин добродушно подтрунивал над неразлучным дружком, а тот ничуть не обижался, только пылко защищал свою военно-морскую мечту.

— А что, у вас краски нет? — вмешался в разговор седоусый солдат. — Придумайте хорошее название и напишите! Долго ли!

— И напишем, — сказал Гаги. — Ты, Юрка, не знаешь, что вчера сказал капитан: «Вернемся, — говорит, — на базу, и я непременно доложу начальству просьбу наших комсомольцев». Ну, а кто нашему кэпу откажет! Только нужно поскорей правильное название подыскать. Такое название, чтоб раз увидел — и навсегда запомнил.

Баржу покачивало, дул встречный ветер, я чувствовал, как она, покряхтывая и поскрипывая, тяжело переползала с волны на волну.

— Когда будем у Камышевки? — спросил я.

— До Камышевки еще далеко. Отдыхайте себе на здоровье, — сказал Гаги, — я вас вовремя разбужу, не беспокойтесь. Сегодня по расписанию нам с Юрой за почтой и рыбой ходить в Камышевку. Вот и доставим вас на своей лодке.

— Ну и прекрасно, — сказал я. — Может, во сне я хорошее название для вашего корабля увижу. Разбудите — скажу.

Парни засмеялись.

— Спасибо, — сказал Гаги, — если нужно, я вас в Камышевке на хорошую квартиру отведу. Я всех камышевских рыбаков знаю.

— Я не в саму Камышевку, Гаги, мне еще машиной ехать и ехать.

— А мы и попутную машину найдем, времени у нас хватит, наши только к вечеру будут возвращаться. На рандеву мы поспеем.

Покончив с ужином, мы выкурили по цигарке, и ребята, забрав пустой чайник, ушли из «кают-компании».

Было около четырех часов, когда Гаги разбудил меня.

— Вставайте, — сказал он. — Мы уже на траверзе Камышевки.

Поеживаясь от холода, я вышел на темную палубу. У сходней стоял человек с зеленым фонариком в руке и кричал в охрипший мегафон:

— Кто в Камышевку — к правому борту!

Когда я спустился в лодку, на всех банках уже сидели люди — вот не думал, что у меня столько попутчиков! — и я с трудом пристроился у чьих-то ног на пустом ящике.

— Давай! — услышал я голос Машкина.

Гаги веслом оторвал лодку от баржи. На море было небольшое волнение, но когда самоходка пошла полным ходом и отвалила от себя крутую волну, нашу лодку хорошенько тряхнуло.

— Не бойся, пехота! — весело крикнул Гаги.

— Я тебе, милый, не пехота! Я бог войны! — обиделся кто-то в темноте.

Молодые матросы гребли сильно, уверенно, и вскоре темнота впереди стала более мягкой, какой-то белесой, словно ее молоком разбавили. А еще несколько взмахов весла — и уже можно было различить заснеженный берег. Бакена еще не было видно, но тут же до моего слуха донеслось, как бегущая с моря волна сталкивалась в узкой и мелкой горловине лимана со встречным течением. Честно говоря, я обрадовался, когда спокойный, тихий лиман подал свой голос. Матросы начали медленно поворачивать лодку по направлению к шумящей горловине на этот верный звуковой маяк — мимо не пройдешь даже с завязанными глазами. Только недаром говорят, что море полно неожиданностей. Самую малость недотянули мы до лимана — со свистом и ревом налетел шквальный ветер. Кто-то не удержался на сиденье и больно ударил меня коленом по ребрам. Я едва успел схватить за наушники свою меховую шапку. «Надо завязывать тесемки!» — только успел подумать, как опять стало тихо, даже тише, чем мгновение назад. Ветра, казалось, и не было вовсе. И в этой почти невероятной тишине я вдруг услышал над своей головой змеиное шипение. Удивительно, как бесшумно подкралась эта огромная волна. Она рухнула на нас всей своей тяжестью. Завертело, закружило нашу лодку, и, подброшенная волной, она, как мне показалось, неподвижно повисла в воздухе и тут же стремительно упала у самого берега.

Первыми прыгнули в забортную воду Гаги и Машкин. С трудом удерживая лодку на отливной волне, они велели и нам прыгать.

— Всем на берег! Тут не глубоко! — крикнул Гаги.

Глубоко не глубоко, но прежде чем мы добрались до берега, нас несколько раз настигали волны. И выползли мы на сушу мокрые от пяток до самой макушки: казалось, пол-Черного моря прихватили с собой — столько воды впитала наша одежда, наши заплечные вещевые мешки, а о моих кирзовых сапогах и говорить нечего.

Рисунок В. СМИРНИЦКОГО

Сначала я почти не ощущал холода — ни тогда, когда мы барахтались в ледяной воде, помогая матросам вытаскивать лодку на берег, ни потом, на снегу, когда все, потерпевшие «кораблекрушение», собрались вокруг Гаги и Машкина. Холода я не чувствовал, нечем было чувствовать — ноги, руки, все тело куда-то исчезли и осталась одна казенная оболочка: пустая шинель, пустые сапоги... Но когда я нагнулся, чтобы снять кирзовки и вылить из них воду — пехотинец прежде всего заботится о своих ногах, — плоть моя вместе с жестокой болью вернулась ко мне. Я подумал, что сердце вот-вот остановится от холода, но не остановилось, — наверное, потому, что, переобуваясь, я задал ему нелегкую работенку. А затем мы почти полчаса всей гурьбой бежали по хрустящему снегу. Машкин сказал, что тут поблизости есть старая кошара и в ней наше спасение. Пустынное заснеженное поле было ровным, ни кочки, ни канавки, но, странное дело, бежать по нему было трудно, мне казалось, что я все еще преодолеваю грудью упругую морскую воду. Я быстро запыхался, и когда хватал ртом морозный воздух, он надолго застревал в глотке. Мы все, одиннадцать человек, на разные лады кашляли, захлебывались, давились этим колючим воздухом, и скоро наша гурьба вытянулась в тонкую нитку. Тогда бежавший рядом со мной Машкин остановился и, пока не пропустил всех вперед, не тронулся с места.

* *

Огонь.

Хвала тому далекому дню, когда человек впервые взял в руки две сухие деревяшки и вызвал к жизни огонь. «Спасибо тебе, мой мудрый пра!» — подумал я, как только в темной сырой кошаре загудел, затрещал костер и мы окоченевшими руками стали яростно срывать с себя уже задубевшую на морозе одежду.

Выручил нас седоусый солдат. Заядлый курильщик, он хранил табак и спички в кисете из цельного куска телячей шкуры. Таким кисетам не страшен даже всемирный потоп. Седоусый «Прометей» оказался прижимистым дяденькой: я хотел взять у него коробок, но он отвел мою руку и сам, с первой же спички, запалил костер. Матросы побросали в него все, что нашли в кошаре: и слежавшуюся прелую солому, и старое деревянное корыто, и целую копенку курая, и какое-то тряпье, которое всегда находишь в любом заброшенном жилье. Из-за густого черносизого дыма мы друг друга почти не видели, но хорошо было слышно, как падают наземь сапоги, пояса, гимнастерки. Я еще возился с завязками моих госпитальных подштанников, когда пошло чистое, жаркое пламя и на меня дохнуло таким теплом, что я, как дурак, засмеялся от такого уж никак негаданного блаженства.

В кошаре стало светло. Я огляделся. Кто-то успел уже раздеться догола и, присев на корточки, принялся отжимать нательную рубаху. Другой хлопал в ладоши, выгоняя воду из своих ушей.

И еще я увидел: стоит один солдат у самых дверей, повернулся к нам спиной — трясет и корчит его всего, нахлебался, видно, морской воды, бедняга.

Я подошел к нему:

— Тебе плохо? Давай помогу раздеться!

И только я взялся за ворот его шинели, солдат как-то странно — капризно и в то же время мягко — повел плечом.

Такое знакомое движение! Вовек не спутаешь ни с чем.

— Товарищи, — крикнул я, — с нами девушка!

— Вот подарочек! — в сердцах сказал Гаги.

— Черт ее подкинул, не иначе! — громко возмутился молодой солдат с кривым темно-бурым шрамом на левой лопатке и уже тихо добавил пару таких слов, которые на бумаге не напишешь. И верьте не верьте, — я и сам не сразу поверил своим глазам, — этот же солдат, до крайности разобиженный таким недобрым поворотом судьбы, первым натянул на себя еще совсем мокрые шаровары. И он же первым вышел за дверь.

Одевались мы с такой же яростью, как и раздевались, и, проклиная всех женщин на свете, последовали за ним.

Поглядел бы кто на нас со стороны — психи, сбежавшие из сумасшедшего дома, и только! Пока наша чертом подкинутая барышня (потом мы узнали, что она [illegible] в одном из полков) разоблачалась перед безгрешным огнем, пока сушила свои дамские и недамские вещички, мы — десять злых-презлых мужиков — устроили на ветру, на крепком морозе дикое гульбище: бегали вокруг кошары, боролись, бились на кулаках и просто прыгали на одном месте, а Гаги и Машкин даже «яблочко» оторвали. И мы не только сами разогрелись, но и согрели все вокруг себя — и землю, и небо, и эту долгую невезучую ночь.

Перевел с грузинского Эммануил ФЕЙГИН

ТРУДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ «ЛЕГКОГО ЖАНРА»

Сегодня мы завершаем дискуссию «Трудные проблемы «легкого жанра», которая была начата в «ЛГ» статьей Л. Утесова «Эхо модных ритмов» (№ 35, 1974). Дискуссия привлекла широкое внимание: в ней приняли участие композиторы В. Соловьев-Седой (№ 38, 1974), А. Флярковский (№ 48, 1974) и М. Фрадкин (№ 4, 1975), дирижер симфонического оркестра Центрального телевидения и Всесоюзного радио М. Шостакович (№ 50, 1974), исполнители песен В. Бунчиков и Е. Камбурова (№ 44, 1974), музыковед Ин. Попов. В редакцию поступило и множество читательских писем, часть из которых была напечатана (№ 38, 1974 и № 4, 1975).

Участники разговора затронули ряд актуальных проблем. Сегодня их обсуждение продолжает дирижер эстрадно-симфонического оркестра Центрального телевидения и Всесоюзного радио Ю. Силантьев. Заключительное слово в дискуссии предоставляется секретарю правления Союза композиторов СССР А. Пахмутовой.

Юрий СИЛАНТЬЕВ:

ЭТА СЕРЬЕЗНАЯ ЛЕГКАЯ МУЗЫКА

...Когда иной раз по радио объявляют: «Первый исполнитель этой песни такой-то», — упускают обычно одну деталь: первым исполнителем в большинстве случаев был и оркестр Центрального телевидения и Всесоюзного радио под управлением народного артиста РСФСР Юрия Силантьева. Например, все песни А. Пахмутовой, С. Туликова, все, что после Великой Отечественной войны написал М. Фрадкин, огромное количество песен В. Соловьева-Седого и многих других впервые исполняли Силантьев и его оркестр. «И за половину эстрадной музыки на радио я отвечаюсь», — улыбаясь, говорит Юрий Васильевич. Вот и сегодня только что закончился восьмичасовой рабочий день — четырехчасовая запись после четырехчасовой репетиции. Усталые оркестранты разошлись, усталый Силантьев остался для разговора.

— Представьте себе, Юрий Васильевич, что зритель пришел на эстрадный концерт...

— Попробую...

— Он попал на концерт после десяти-, двадцатилетнего перерыва — все было как-то недосуг, а телевизор — под боком... В общем, зритель ждет начала, а тем временем на сцене «немузыкального» вида люди в комбинезонах возятся с проводкой, выходят музыканты с гитарами и электрошнурами...

— Это бит-группа, играющая на электроинструментах. Новая группа, появившаяся не так давно, последний пока этап в эволюции эстрадных ансамблей. Дело в том, что за последние десятилетия составы эстрадных оркестров претерпели колоссальные изменения.

Так, до войны преобладали коллективы, близкие по набору инструментов к симфоническим. Потом у нас с большими потугами рождался джаз. А сейчас появились бит-составы, «полные электричества», и это закономерно.

Все ведь не так просто: население городов сильно возросло, в городах появились громадные залы, в которых спортивные мероприятия проходят далеко не каждый день. И в этих огромных помещениях стали проводить концерты.

Естественно, на смену старым составам оркестров пришел инструментарий, который может заполнить звуками любой зал. Так появились бит-составы. Скажем, электроорган, три электрогитары — сольная, аккомпанирующая и бас-гитара, большой набор ударных, которые несколько изменили ритмическую структуру по сравнению с джазом.

— В чем это конкретно выразилось?

— Если раньше преобладал свинг, то теперь ритмика стала очень изощренной, очень четкой и своеобразной.

Если вы придете на концерт ансамбля «Песняры», или «Ариэль», или «Поющие сердца», то увидите как раз бит-составы. Зато оркестры Лундстрема или Кролла — это саксофоны, трубы, тромбоны, ритмическая группа, то есть джаз.

Что касается оркестра телевидения и радио, то он, конечно, приближается к симфоническому, потому что имеет полный симфонический состав. К тому же у него есть полная джазовая группа и электрический инструментарий. Для чего? Чтобы иметь возможность играть и сочинения Дунаевского, где вообще электромузыка отсутствует, и, скажем, музыку Тариверднева, у которого половина произведений инструментована на современный состав.

— Электроинструменты уже изобретены и, наверное, в Лету не канут, хотя и есть люди, которые приходят в ужас, едва услышат слово «бит» или «электроинструмент»...

— Отчего происходит возмущение электроинструментами?

Вот, скажем, проводился последний Всесоюзный конкурс артистов эстрады. Выходят ребята, выступают. Если бы они со всеми своими электроатрибутами выступили в концертном зале «Октябрь» или в «России» — было бы одно впечатление. Но если они играют в маленьком клубе на пятнадцать рядов, то это действительно невероятно оглушает. Однако конкурсные прослушивания проводятся в клубе, и участники вынуждены выступать там... Тогда и начинаются «страшные» разговоры.

Молодой человек, обладающий музыкальным слухом, может при большом желании — а у молодых у всех есть большое желание — в довольно короткий срок все-таки прилично научиться играть на каком-то инструменте, выработать отличный вкус...

— Вы имеете в виду «социальный аспект» гитары?

— Да! Сейчас целая армия людей массу свободного времени проводит уже не где попало, не лодырничает, не шатается по улицам, а занимается хорошим делом — музыкой. И наша общая задача — увлечь занятиями музыкой миллионы людей.

Я не призываю разводить дилетантизм. Чтобы играть в профессиональном оркестре — симфоническом ли, оперном ли, эстрадном, — надо очень серьезно и долго учиться. Скажем, скрипач или пианист должен потратить пятнадцать—двадцать лет жизни, чтобы стать профессионалом. Но ведь есть же у нас армия любителей — в самом лучшем смысле этого слова — великолепная самодеятельность. Вот это движение надо бережно направлять, им надо очень умело руководить, потому что дело совсем не в том, громко или тихо играют. Разве это не понятно?

— Это-то понятно. Не совсем ясно другое: почему практически невозможно купить в магазине дешевую гитару?..

Но вернемся к нашему концерту. На эстраде музыканты-профессионалы. Кто готовит их для оркестров легкой музыки?

— Что значит легкая, что значит «тяжелая»? Это немножечко миф для меня такого деления нет. Есть музыка хорошая, и есть музыка плохая, но это уже старо, как мир.

Иоганн Штраус занимался всю жизнь тем, что теперь называют легкой музыкой. Он писал такие вальсы, что вот прошло уже бог знает сколько времени, а они звучат так, как будто сочинены вчера. А его оперетту «Цыганский барон» или «Летучая мышь» можно сравнить с операми такого титана, как Верди.

— Сравнить — по какому «параметру»?

— По умению использовать вокал, создать арию, ансамбль, также по громадному мастерству и таланту.

Кстати, даже Иоганн Себастьян Бах писал так называемую легкую музыку. И у Шостаковича есть оперетта...

Поэтому, когда говорят: «Ай, ай, надо в консерватории открыть джазовый факультет!» — я не очень разделяю эту мысль, потому что любой человек, который отлично играет на кларнете, может взять саксофон и через некоторое время так же отлично играть и на нем.

Иначе говоря, легкой музыкой должен заниматься тот, кто прекрасно владеет партитурой Бетховена и Шостаковича. И ежели молодой человек учится в консерватории и великолепно играет на трубе...

— А обратный перевод возможен — из джаза в симфонический оркестр?

— Тоже возможен. Надо только учитывать, что хотя профессиональные основы подготовки одинаковы, но там и здесь есть все же своя специфика. Скажем, джазовый музыкант должен быть более эмоционален, что ли, более свободен, он должен быть способен к импровизации. В этом — и легкость, и трудность работы на эстраде.

Легкость — в том, что музыкант не так «скован» той точностью, которая нужна в симфоническом оркестре. А трудность состоит в том, что надо обладать большой фантазией, вкусом и даже какими-то элементарными композиторскими способностями, чтобы на ходу что-то интересное придумать.

В то же время если вы посадите джазового музыканта в симфонический оркестр, он на первых порах будет теряться, потому что там нужна необыкновенная точность. Никакой импровизации: если написана нота «до», ее нужно точно взять. Вот здесь эти музыканты будут теряться.

Ежели вы играете сочинение композитора-симфониста, у которого каждая нота продумана, и позволите себе взять ее не тем способом, который указан в партитуре, в зале это сразу услышат и поймут, что вы здесь — белая ворона.

Вот для этого музыкант джаза, перешедший в симфонический оркестр, должен какое-то время поработать, чтобы себя дисциплинировать.

Сейчас в джазах, в эстрадно-симфонических оркестрах вы, в общем, дилетантов не найдете: почти все музыканты окончили консерватории. Для эстрадных оркестров консерватории выпускают, по-моему, достаточное количество музыкантов. Я тут никаких драм и трагедий не вижу.

— Между тем, Юрий Васильевич, прозвучала первая песня. Она оставила странное впечатление: вроде бы те же самые лейтмотив и слова, что мы знаем уже не первый год, но, с другой стороны, все звучит совсем иначе... И мне вспоминается эстрада Сочинского фестиваля песни, где несколько лет назад молодая певица исполняла песню Дунаевского «Капитан, капитан, улыбнитесь...». Если не ошибаюсь, оркестром дирижировали вы. Тогда чуть ли не на следующий день пришла телеграмма: «Жалею, что уже не капитан. Майор такой-то». Телеграмму огласили, и публика смеялась, хотя после выступления певицы — кстати, исполнившей «Песенку о капитане» очень свежо и задорно — весело было не всем, потому что артистка «прочла» старую песню не традиционно, по-новому...

— Она «прочла» только то, что ей сделал аранжировщик или кто песню обработал.

— Но сейчас такая современная обработка старых песен стала уже системой. Как вы к ней относитесь?

— «В общем плане» вопрос неразрешим, здесь каждый раз надо разбираться конкретно. Целый ряд музыкантов считает вполне справедливо, что песни, написанные тридцать — сорок лет назад, надо исполнять в том виде, в каком они были сочинены. Некоторые же аранжировщики позволяют себе перерабатывать песни, ставшие классическими. Например, я слышал одну из лучших наших песен — «Катюшу» Блантера — в ритме шейка. Это по меньшей мере глупо.

Во всем всегда — это же самое главное — должна быть логика. Для чего делается? Логично ли? И если логично, тут еще нужны талант и мастерство.

В Четвертой симфонии Чайковский обработал русскую народную песню «Во поле березонька стояла», а до него Михаил Иванович Глинка в «чистом» симфоническом оркестре разработал «Камаринского мужика». В чем тут состояла логика? И Глинке, и Чайковскому нужно было показать великолепие именно народного веселья. Подходили ли для этого выбранные ими песни? Подходили.

Они вот как раз темпов не меняли, а дали песни в том характере, который присущ именно русскому народу.

Конечно, нас возмущает, когда их портят. Когда нет ни логики, ни мастерства, ни таланта.

Почему это больше всего происходит на эстраде? Потому что сюда легче проникнуть человеку, которому этим делом не надо бы заниматься. Чтобы написать симфонию, нужно очень много учиться, а чтобы, понимаете, испортить песню, достаточно прилично знать инструментовку для небольших составов.

Вот и берется такая отличная русская песня, как «Вдоль по улице метелица метет», и на нее «жарят» твист. Тут, конечно, серьезные музыканты и серьезные любители песни возмущены, и возмущены правильно.

У того же Дунаевского нетрудно найти песню, которая может интересно прозвучать в новом ритме. Может быть, «Капитан...» и не лучший пример, но как раз логика здесь есть: эта песня более танцевальна.

— ...Ведущий объявляет следующую песню и композитора, написавшего ее. Но мы-то с вами знаем, что названный автор никакой инструментовки не делал...

— Опять-таки этот вопрос очень часто поднимается и нашими большими композиторами. Мне хотелось бы немножко в этом разобраться. Допустим, в силу каких-то обстоятельств талантливые люди не смогли получить настоящего музыкального образования. В общем... ну, не овладели они всеми высотами музыкальной культуры. Не овладели. А бывает так, что приносят великолепные, чудесные песни...

— Вы говорите о мелодии?

— Не только мелодия, а клавир для фортепьяно хороший. Почему же мы должны от таких песен отмахиваться?

— В литературе есть такой жанр: «литературная запись». Скажем, воспоминания «Выдающихся людей» («мелодия» и «клавир») записываются литератором («аранжируются»). В этом случае фамилия литературного «аранжировщика» указывается в книге, а его интересы охраняются авторским правом.

И еще один пример. Однажды на концерте, транслировавшемся по телевидению, Муслим Магомаев перед исполнением песни собственного сочинения назвал фамилии аранжировщиков, постоянно работающих с ним...

— Это другое дело. Но я говорю о том, что нельзя отказываться от хороших песен только потому, что сам композитор не может их инструментовать. К тому же в этой области сейчас многое изменилось, и из более молодых композиторов я просто не знаю таких, кто отдавал бы свои сочинения инструментовать.

— ...На сцене еще один певец — из тех, кого называют «микрофонными»...

— Вы сможете во Дворце съездов спеть без микрофона?

— Я? Боюсь, лично мне не поможет и микрофон...

— В современном огромном зале, думаю, и Шаляпин был бы вынужден обратиться к микрофону. Во Дворце спорта в Лужниках — тоже. Сейчас опера во Дворце съездов идет «под микрофон». Значит, дело не в микрофоне, а опять-таки в том, что при помощи этой машинки совершенно бездарная безголосица или авантюрист могут пролезть на эстраду. Вот в чем горе.

В опере, пока досконально не разучишь порученную партию, пока не войдешь в образ, тебя на сцену не выпустят. А у нас, если песня написана в среднем регистре и человек сумеет кого-то уговорить, он проскочит на сцену. И начинает портить вкус молодежи.

Оперных театров в средних городах нет. Иногда нет и драматического театра. А спортзал или еще какая-нибудь громадина есть. И там — все с микрофоном. Вот тут-то и легче проскочить халтуре.

— Концерт окончен, Юрий Васильевич. Мы выходим из зала и попадаем в гардероб — тот самый, с которого, как предупреждал великий режиссер, начинается театр и которым, как выяснилось, он заканчивается. А там — большая очередь. Как вы относитесь к очередям не вешалке, Юрий Васильевич?

— Ну что ж, это говорит о том, что наши концерты публика посещает...

Беседу вел Григорий ЦИТРИНИК

Фото В. ТАРАСЕВИЧА (АПН)

Александра ПАХМУТОВА

ПЕСНЯ — НАША ЛЮБОВЬ

В ПОСЛЕДНЕЕ время все чаще возникает разговор о том, какой быть песне, о ее развитии, о ее проблемах. И творческие обсуждения в печати, и состоявшийся в феврале этого года в Киеве пленум правления Союза композиторов СССР, где речь шла о песне, и, главное, сами песни, звучащие вокруг нас, — все свидетельствует о том, что этот жанр завоевал прочное место в музыкальной жизни нашей страны. Песня — это искусство, в котором строгим судьей становится весь народ, все общество. Это один из самых демократических видов искусства, и в то же время — один из сложнейших: в нем преломляются все наши помыслы и деяния, наши мечты и тончайшие наши чувства. В песне «на виду» — каждая нота, каждая стихотворная строка.

Мы высоко ценим тот факт, что в работе киевского пленума активное участие приняли наши друзья-поэты Е. Долматовский, М. Лисянский, Л. Ошанин, В. Харитонов. Мы твердо знаем, что развитие жанра зависит от нашего взаимопонимания, от более тесных контактов поэтов с композиторами.

Советская песня — явление уникальное. Темперамент и энтузиазм революции тесно слились в ней с традиционными интонациями фольклора. Это и составляет основу всемирно признанной школы советской песни.

Нетрудно заметить, что все лучшие образцы искусства песни — от «Подмосковных вечеров» В. Соловьева-Седого и М. Матусовского до «Журавлей» Я. Френкеля и Р. Гамзатова, «За того парня» М. Фрадкина и Р. Рождественского — продолжают традиции таких корифеев, как братья Покрасс, М. Блантер, И. Дунаевский, В. Захаров, Б. Мокроусов, Т. Хренников, А. Новиков.

Песня в наше время многосложна и мобильна, как, пожалуй, никакой вид искусства. Время постоянно диктует ей свои новые требования, изменяя ее структуру, вводя в жизнь новые образы и новых героев. Этот процесс проходит не всегда гладко, мы не можем сказать, что нам сопутствует постоянный «стопроцентный» успех. Песенный жанр развивался в борьбе различных творческих направлений. Порой желание сочинить песню «для всех» приводило к созданию музыкально-поэтических суррогатов, основанных на облегченных, стереотипных художественных приемах. И все же, несмотря на просчеты, ясно главное: песня, сочетающая в себе социальную насыщенность с мелодическим богатством, стала неотъемлемой частью жизни нашего современника.

Уровень развития песенного искусства позволяет судить о состоянии всех массовых музыкальных жанров. Недаром в выступлениях о легкой музыке, которым в последнее время уделяется немалое внимание в прессе, «центром» обсуждения становится песня.

Дискуссия «ЛГ» поставила ряд острых проблем, которые волнуют каждого, кому небезразлично будущее песни.

Контролировать растущий песенный поток с каждым годом все труднее, и правомерны были в некоторых высказываниях ссылки на стихийность и неуправляемость, с которыми связано существование всех видов легкой музыки. Об этом шла речь в статье Л. Утесова «Эхо модных ритмов», в диалоге В. Соловьева-Седого с Ин. Поповым «За что растерзали Орфея?». Забота о том, какой быть песне, проявилась не только в постановке проблемы, но и в поисках решений. А помочь смогут лишь коллективные усилия. Безусловно правы участники дискуссии: невозможно мириться с теми «творцами», которые считают, что «сделать» песню легче легкого. Старая истина гласит, что и в малом может заключаться большой смысл. Она целиком относится к песне и к другим жанрам легкой музыки, где простота не равнозначна упрощенности. Здесь особенно нетерпим дилетантизм, эдакое отношение к песне, как к ремеслу, которым может заниматься каждый, не прилагая ни сил, ни творческого поиска.

Нельзя оправдать появление бесчисленного количества «однодневок» постоянной жаждой новых песен. Поделка никогда не сойдет за произведение искусства, ее неизбежно ждет быстрое забвение. В дискуссионных выступлениях на пленуме Союза композиторов в Киеве практически каждый из выступавших говорил о «болезни дилетантизма».

Превосходно сказал об этой опасности А. Флярковский в статье «А мелодию надо спеть», опубликованной в «ЛГ». «Настораживает тот факт, — пишет он, — что любительское музицирование слишком часто превращается в профессию, необъяснимо легко и быстро добытую любителями дешевого успеха и хорошего заработка. Замыкается круг: дилетант становится профессионалом, у которого должен учиться следующий дилетант...»

Действительно, одну слабую песню можно было бы и не заметить, из-за нее и не стоит бить тревогу, но в подражание ее бездумности и «простоты» завтра появится десяток подобных. Да, воистину дилетантизм — это обратная сторона массовости и популярности песенного искусства.

Каждый композитор знает — создание песни требует терпения и бесконечного труда. Снижение идейно-художественных критериев жанра моментально оборачивается для него же злом. Если в арсенале композитора, работающего над симфоническим произведением, — все разнообразие средств большого оркестра и его замысел выражен на длительном временном протяжении, то для композитора-песенника сегодня — как прежде и на все времена — главное, обнаженная суть песни — мелодия. Поиски свежей интонации, неизбитых гармоний, новой ритмической окраски — вот над чем мы должны постоянно работать. Собственно, по этому поводу никто из выступавших в дискуссии и не спорил... Но на практике мы часто сталкиваемся с перепевами, с эксплуатацией раз найденного удачного материала. Мы очень дорожим мнением слушателя о нашей работе, но можем ли мы идти на поводу у него, остановить свои поиски, предлагая только то, что «модно»! И с другой стороны: вправе ли мы обманывать слушателя, преподнося под видом новейшего изобретения то, что уже давным-давно найдено.

Мы должны быть бескомпромиссны в борьбе за индивидуальность, «первичность» каждой песни. Без скидок на «моду», без перекоса в сторону «обязательной» танцевальности ритма, вне которого якобы песня не будет принята молодежью. Без спекулятивной стилизации музыкального фольклора с обязательными при этом «березовыми опушками» и «платочками расписными». Банальность вовсе не безобидна! Поэтому у каждого композитора должен быть жесткий самоконтроль, не только художественный, но и этический.

Своевременность дискуссии, развернутой «ЛГ», не подлежит сомнению. Но любая дискуссия может принести добрые плоды лишь в том случае, если она, не ограничившись декларациями и обменом мнений, будет продолжена в конкретной деятельности. Многие пункты спора так и остались неразрешенными: такова, наверное, участь любого обсуждения. Но выступившие и в дискуссии «ЛГ», и на пленуме в Киеве сошлись на том, что прежде всего нас должно заботить разнообразие жанров в песне, уровень песенной поэзии, культура исполнения. Пусть эти высказывания станут началом конкретного разговора с представителями концертных организаций, с музыкальными редакциями радио и телевидения. Ведь именно от них чаще всего зависит, появится ли песня «на миру» и как это произойдет.

Наша пресса, обращаясь к теме песни, должна предоставлять трибуну не только композиторам и исполнителям, ориентируясь на самые «звонкие» имена, потому что не каждый, даже чрезвычайно одаренный в творчестве, способен написать глубокую критическую статью. В выступлении на V съезде композиторов я уже говорила о том, что на страницы нашей массовой прессы следует активнее привлекать критиков, посвятивших проблеме песни многие годы жизни.

Очень хочется, чтобы последующие выступления о песне и легкой музыке начались с разговора о том, что сделано, каковы практические результаты дискуссии о «трудных проблемах «легкого жанра».

КОЛОНКА ТВ

В. ДЕМИН

ЧЕТВЕРО В АВТОМОБИЛЕ

НЕТОРОПЛИВАЯ эта история отснята операторами В. Ошаровым и А. Родионовым в манере сдержанной и солидной. Все добротно, весомо, материально — и московские, залитые солнцем крыши, и лесная чаща, и хмурые, в осеннем дождике хаты деревенек вдоль шоссе... И все же цветовое решение кадра таково, что тебе постоянно чудится что-то необычное, праздничное, то и дело проглядывающее за будничными, простыми, знакомыми подробностями.

Казалось бы, что такого особенного произошло? Три молодых паренька — два школьника, один вчерашний школьник, завтрашний призывник, нашли ключи от автомобиля соседа. Так не присвоили же их, не увели автомобиль, а тут же позвонили в соседскую квартиру. И не их вина, что сосед оказался в отъезде, а сын его, Миша, тихий, интеллигентный мальчик, больше всего в мире любящий рисовать, сам, сам пригласил новых друзей в вышеупомянутые «Жигули». И когда короткая поездка сильно затянулась, когда, выбравшись с Садового кольца, наша бравая четверка пошла куролесить по дорогам Подмосковья, то ведь опять же он, Миша, был первым сторонником нескончаемой прогулки

Кадр из фильма «Ваши права?»

и сам же, без понуканий, предложил завернуть в Дубну, к маме, у которой можно перехватить сорок рублей — на первое время хватит... Так? Так, да не совсем. Троица, с которой начинается рассказ, не присвоила ключи, но могла бы и присвоить — нам это дали почувствовать достаточно твердо. Не угнала машину, но могла бы и угнать. Секунда, другая, поворот настроения — вот что отделяло их от хулиганского поступка, а там, глядишь, и преступления.

На наших глазах развертывается бесконечная цепочка ребячьих проделок, по-детски наивных, но не по-детски опасных. Ворвались в магазин с оружием и под масками. Но маски — игрушечные «козьи морды», да и пистолеты тоже игрушечные, и унесли с собой не выручку, а всего лишь зеленое яблочко с прилавка...

Собственно, эта минута, когда проделка может перерасти в проступок, и есть основная тема фильма «Ваши права?» (творческое кинообъединение «Экран» ЦТ). Но сценаристы Г. Полонский и А. Ставицкий вовсе не желают нас пугать. Авторы заняты другим, более важным делом: они исследуют логику превращения «безобидной» выдумки в антиобщественный проступок.

Режиссер Инесса Селезнева продолжает здесь линию, начатую предыдущей работой — «Перевод с английского». Фигура ребячьего кумира, этакого организатора и вдохновителя всех их геройств, кажется, перекочевала оттуда в «Ваши права?». Но как характерно она изменилась. Тот, прежний, наделенный гипнотической властью «лидера», чаровавший приятелей [illegible] и россказнями, был полным ничтожеством. Этот, нынешний (актер Ю. Шлыков), незаурядно одарен. Каждого, с кем он сталкивается, он пленяет по-своему — одного ловит на прекраснодушии, другого на боязни прослыть трусом. Тонкий психолог, Селезнева исподволь, немарочитыми деталями показывает, что и Андрей Прудников так же зависит от переменчивых настроений своей группы, так же подлаживается под ее резоны и доводы. Четверо, отделенные дверцами машины от окружающего мира, становятся — за прозрачными стенками — объектом пытливого наблюдения. Авторам ясно, что рано или поздно эта группа распадется сама по себе, или натолкнувшись на закон. Один из четырех — Женя — пойман разгневанными сельчанами в момент похищения козы. Двое других — Миша и Валера, — прозрев, пешком направляются в Москву. Прудников, громко пообещав «загнать» автомобиль на юге и пожить в полное удовольствие, задумывается, отъехав совсем не так далеко. Как только обозначилась необходимость хорохориться друг перед другом, эти взрослые дети, эти дети-взрослые тут же возвращаются к самим себе, к привычным понятиям. А пожилой, очень добродушный председатель колхоза (одна из множества живописных эпизодических фигур) как бы вслед им произносит проникновенную фразу: «Нельзя это, милок, то быть козлом, то, захотел, — человеком... Или — или, понял?»

Фильм «Ваши права?» вызывает споры, не оставляет зрителей равнодушными. Этим он и привлекает.

НАВСТРЕЧУ БРЮССЕЛЬСКОЙ АССАМБЛЕЕ

Раймон ГООР: «ЕВРОПА ДОЛЖНА СТАТЬ МОДЕЛЬЮ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ»

Видный общественный деятель, член секретариата Международного комитета за европейскую безопасность каноник Раймон Гоор принял корреспондента «ЛГ» в бельгийском городе Шарлеруа, где он живет. Разговор шел о том, что сделано, делается сегодня и что еще надо сделать, чтобы, как сказал Раймон Гоор, «Европа стала образцовой моделью мирного и дружественного сосуществования народов». Констатируя, что общественное движение за европейскую безопасность имеет уже немалую историю, Гоор называет ее вехи: Варшава и Брюссель, Будапешт и Вена, где встречались учредители движения — люди различных взглядов, разной политической ориентации. Однако всех их объединила общая забота о мире, и секретариат движения, созданный в 1969 году, действует до сих пор очень активно и результативно.

— Созванная в июне 1972 года Ассамблея, — рассказывает далее Раймон Гоор, — образовала Международный комитет за европейскую безопасность, в составе которого работают представители национальных комитетов. После этого наше движение приобрело четкие организационные формы. Сегодня в Международном комитете есть посланцы почти всех стран Европы. Недавно Национальный комитет был создан в Португалии. Мы не сомневаемся, что он вскоре появится и в Греции. На днях я еду в Испанию, где надеюсь завязать необходимые контакты.

С теплотой и уважением говорит Раймон Гоор об активном участии в движении советских представителей. Особо останавливается на международной деятельности Леонида Ильича Брежнева:

— Подход господина Брежнева к решению сложнейших вопросов, его выступления, его конструктивные инициативы — все это является чрезвычайно эффективным. Построить новую систему безопасности народов не на противостоянии военных блоков, а на мирном сосуществовании и взаимовыгодном сотрудничестве — такова высокая и благородная цель деятельности господина Брежнева. Европа ныне все больше приближается к этой цели, прогресс в международной разрядке становится все более ощутимым. Такой благоприятной для Европы ситуации, какая сложилась сейчас, не было еще никогда.

В нашем движении активно и самоотверженно действуют разные люди, искренне озабоченные будущностью Европы. И мы легко понимаем друг друга. У меня, например, представителя религиозных кругов, хорошие контакты с коммунистами в разных странах. Во взглядах — философских, моральных — мы подчас далеки друг от друга. Но когда речь идет о безопасности Европы, мы единодушны. Ведь мы боремся не за «коммунистическую» или «капиталистическую», но за общеевропейскую безопасность.

Наше движение приближается к важному событию — в конце апреля в Брюсселе откроется вторая Ассамблея общественных сил за безопасность и сотрудничество в Европе. Главная, на мой взгляд, цель нового всеевропейского форума — заявить от имени общественности, что второй этап Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе должен как можно скорее завершить свою работу и представить подготовленные в Женеве документы третьему, завершающему этапу.

Завершение Общеевропейского совещания в кратчайшие сроки на высшем уровне ознаменует важный шаг на пути к коренной перестройке международных отношений на нашем континенте. А в выигрыше от такой перестройки окажутся все жители Европы. Какую бы область сотрудничества мы ни взяли — экономику ли, науку или культуру, — везде мы можем увидеть, сколь реален и весом будет этот выигрыш.

...Нам всем в Брюсселе предстоит важная и непростая работа. Как ни много уже сделано для безопасности нашего континента, но предстоит сделать еще больше. Нельзя забывать и о том, что мир и безопасность в Европе должны стать и «моделью», и важнейшей составной частью всеобщего мира.

Р. СОБОЛЕВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»
ШАРЛЕРУА—МОСКВА

ЖИЗНЕННО ВАЖНО

Четверть века назад собравшийся в Стокгольме Постоянный комитет Всемирного конгресса сторонников мира обратился к народам с призывом потребовать запрещения атомного оружия. Это были годы «холодной войны», годы чудовищной гонки вооружений. Во всех странах, на всех континентах развернулась массовая кампания по сбору подписей под историческим воззванием. Более 500 миллионов человек без колебаний выразили свое стремление добиться запрещения оружия массового уничтожения. Кампания эта дала небывалый импульс развитию и укреплению всемирного движения сторонников мира.

Сегодня принципы мирного сосуществования между государствами с различными социальными системами становятся нормой международных отношений. Мы горды тем, что эти позитивные перемены происходят прежде всего в результате миролюбивой политики КПСС и Советского государства, целеустремленно претворяющих в жизнь Программу мира, принятую XXIV съездом нашей партии. Движение сторонников мира вступило сейчас в новую фазу. Расширился его социальный и политический спектр.

Для народов всей нашей планеты проблема безопасности и сотрудничества имеет жизненно важное значение. Вот почему сторонники мира во многих государствах активно готовятся к проведению второй Ассамблеи общественных сил за безопасность и сотрудничество в Европе, которая состоится в Брюсселе. На этой ассамблее общественность еще раз потребует скорейшего завершения работы Женевского совещания и созыва его заключительного этапа на высшем уровне. «Результаты совещания, — как отметил в своей речи на XI съезда ВСРП Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — будут, мы уверены, представлять собой хорошую принципиальную основу, прочный фундамент для развития, говоря словами В. И. Ленина, мирного сожительства между европейскими народами. Это уже само по себе будет огромным достижением на пути к претворению в жизнь тех идеалов мира и разума, о которых веками мечтали лучшие умы человечества».

А. ХОМЕНКО,
секретарь Советского комитета защиты мира

ТЕЛЕКС

ОПРОС ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Согласно опросу, [illegible] институтом [illegible], почти восемь из десяти американцев возражают против предоставления [illegible] Вьетнаму и [illegible] дополнительной военной помощи. Опрос показал, что американская общественность [illegible] оказаться вновь втянутой в вооруженные конфликты», сообщила газета «Нью-Йорк таймс».

ВРЕМЯ И НЕФТЬ

Впервые после окончания второй мировой войны начиная с апреля 1976 года французы должны будут в летнее время переводить свои часы на один час назад.

Эта [illegible] [illegible] Франции [illegible] год. Если [illegible] снова [illegible] методу [illegible] [illegible] Андре [illegible] такие [illegible] будет [illegible] экономии энергетических ресурсов [illegible] 0,3 процента, что составляет приблизительно 100 000 тонн нефти.

ТОРГУЮТ С РАСИСТАМИ

Израиль все больше прибегает к торговле с ЮАР как к средству, которое может помочь ему решить свои экономические проблемы.

В сообщении, помещенном в иоганнесбургской газете «Стар», говорится, что объем торговли между двумя странами резко возрос — с 8 млн. рандов в 1973 году до 20 млн. рандов в 1974 году.

СЕМЬ ДНЕЙ В МАРТЕ...

В последнее время в английской реакционной печати появились статьи, авторы которых ставят под сомнение необходимость установления для Великобритании нормальных экономических отношений с Советским Союзом. На страницах газеты «Таймс» им отвечает генеральный секретарь Ассоциации научных и административно-технических работников Англии Клайв Дженкинс. Статья перепечатывается с сокращениями.

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

В УГОДУ СТАРЫМ КОНЦЕПЦИЯМ

Я полагаю, что установление более тесных отношений с СССР жизненно важно для нас в сегодняшней обстановке. И независимо от того, насколько критически мы, возможно, относимся к какому бы то ни было аспекту советской жизни, следует, безусловно, содействовать развитию этих отношений и тому, чтобы они сохранились и в будущем.

Необходимо уяснить, что речь идет об отношениях с одной из крупнейших мировых держав, чьи действия и политика не могут не отразиться на дальнейшей жизни всего земного шара.

Мы ведь живем в реальном мире, который резко отличается от той картины, которую рисуют наши пропагандисты в угоду ограниченным точкам зрения и нередко в угоду каким-то старым привилегированным группам.

Я категорически заявляю, что Англия колоссально много потеряла из-за нашего холодного и зачастую до странности провокационного официального подхода к странам СЭВ.

Газетные обозреватели могут себе позволить с пренебрежением относиться к огромному значению широкой торговли между Англией и СССР. Им не приходится доказывать свою правоту сотням тысяч безработных, и они могут позволить себе поднимать шум под знаменами «холодной войны», в то время как нашей экономике, возможно, грозит катастрофа.

Разрешите мне привести один пример. Кто может сейчас отрицать, что высылка советских должностных лиц с семьями в 1971 году была не чем иным, как классическим примером бессильной злобы? Тогда, несмотря на свои отчаянные попытки, английские представители в других западных странах потерпели полный провал, стараясь убедить кого-либо последовать примеру правительства Хита в его катастрофической кампании, которая нанесла ущерб ему самому.

Итак, в то время как наша торговля с СССР сдерживалась, торговля других стран с Советским Союзом процветала.

Перед своим недавним визитом в Советский Союз Гарольд Вильсон говорил о промышленниках, «которые на протяжении многих лет торговали с Советским Союзом или которые сейчас ищут контактов с русскими», и он заявил: «Они высказали мнение, что необходимо добиться нового политического соглашения с Советским Союзом».

Я хорошо знаю многих из этих людей. Они достаточно ясно видят тенденции, которые имеют жизненно важное значение для дальнейшего существования Англии как передовой промышленной страны с развивающейся экономикой; а это значит, что они достаточно трезвы, чтобы видеть мир таким, какой он есть (и наше истинное положение в нем), и достаточно умны, чтобы понять, как существовать сейчас и процветать в будущем.

Недавние соглашения, подписанные во время визита нашего премьер-министра в Москву, позволяют возлагать большую надежду на развитие плодотворных и полезных отношений с Советским Союзом. В своем заявлении в палате общин он подчеркнул, что если будут предоставлены кредиты, то «это будет означать значительное увеличение занятости для нашего народа в рамках мирной торговли».

10-летнее соглашение, очевидно, может быть превращено в основу, на которой мы сможем вести дальнейшее строительство. Масштабы поистине огромны: они охватывают весь спектр промышленности и предусматривают колоссальное расширение торговли на основе кредитов.

Все это прекрасно, и не удивительно, что руководители нашей промышленности — и, безусловно, не только они — активно ратуют за такое возрождение нормальных политических контактов и диалога с Москвой.

Эти соглашения пойдут на пользу как Англии, так и СССР, но их смысл принесет пользу всему миру.

Нынешнее проявление личной злобы и использование ее в качестве политического оружия не только отвратительно — это, по сути дела, наступление на саму концепцию разрядки.

Клайв ДЖЕНКИНС

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

ТЕМПЫ РАЗРЯДКИ — ТЕМПЫ ПЕРЕМЕН

В США вышла книга «50 лет американо-советской торговли». Автор, Дж. М. Тартчер Файнштейн, старейший американский акционер посреднической торговой фирмы «Амторг», рассказывает об интересной полувековой деятельности «Амторг трейдинг корпорейшн». И заканчивает книгу оптимистическим выводом о «приближении новой эры торговых отношений» по мере развития разрядки.

Одновременно с книгой здесь вышел и первый номер нового издания «Журнала американо-советского торгового и экономического совета». Теперь каждые два месяца деловые круги США будут получать последнюю информацию о советско-американских торговых делах.

А дела идут, хотя принятие конгрессом закона о торговле не могло не сказаться отрицательно на развитии наших экономических связей.

— Сотрудничество по-прежнему продолжается, — заявил вашему корреспонденту Путни Уэстерфилд, президент корпорации «Чейз Уорлд Информейшнл». — Негативный момент состоит в том, что наши надежды на значительное улучшение атмосферы пока не оправдались. Что касается деловых кругов, то, как показали результаты недавно проведенного нами опроса, они сохраняют уверенность в том, что сотрудничество будет продолжаться и расширяться, несмотря на срыв, происшедший с торговым законом. Не сомневаюсь, что американские предприниматели будут стремиться убедить членов конгресса в важности расширения деловых связей между США и Советским Союзом. Наибольшее влияние на конгресс окажет дальнейшее укрепление разрядки и развитие отношений между нашими двумя странами. Темпы разрядки определяют темпы перемен.

— Убежден, — продолжал Уэстерфилд, — что рост нашего экспорта создает новые рабочие места, и в этом лично я усматриваю важную сторону советско-американской торговли. Что касается советского экспорта, то хочу подчеркнуть: мы считаем, что у вас есть технические идеи, которые были бы очень нужны здесь, в США, и мы стремимся к тому, чтобы соответствующие американские компании серьезно изучили преимущества советской технологии. Надеюсь, что в этой области обмен будет ускорен.

Г. ГЕРАСИМОВ,
собственный корреспондент АПН и «Литературной газеты»
НЬЮ-ЙОРК. (По телефону)

После провала контрреволюционного мятежа позиции Движения вооруженных сил в жизни демократической Португалии еще более усилились. Сегодня представителей этого прогрессивного движения можно встретить и в государственных учреждениях, и на фабриках, и в студенческих аудиториях, и в сельских общинах, где они разъясняют политику вновь созданного высшего Революционного совета.

НА СНИМКЕ: моряк из Движения вооруженных сил беседует с крестьянами.

Фото из еженедельника «Пари-матч» (ФРАНЦИЯ)

ЛИЦА СКВОЗЬ ФАКТЫ

«ЧЕРНОЕ ДОСЬЕ» г-на УДГОРДА

Имя Нильса Мортена Удгорда уже встречалось в советской печати. И каждый раз по весьма неблаговидным поводам. То публично соврет, то нагрубит, то учинит такое, за что в порядочном обществе обычно руки не подают. Но с господина Удгорда все, как с гуся вода. И не подумайте, что перед нами этакий плохо воспитанный недоросль. Вовсе нет. Человек с ученой степенью доктора наук, ну и к тому же журналист, представляющий в Советском Союзе норвежскую газету «Афтенпостен» и, кроме того, шведскую «Свенска дагбладет», датскую «[illegible]».

Чем же в профессиональном отношении проявил себя Нильс Мортен Удгорд, что сразу три органа буржуазной печати доверились ему? Догадаться нетрудно. [illegible] своим [illegible] антисоветизмом, который застилает ему глаза на все, что он видит и узнает в нашей стране.

А узнал он многое. За четыре с половиной года побывал в Ленинграде, Новосибирске, Иркутске, Братске, Усть-Илимске, Башкирии, Крыму. Встречался с учеными, студентами, партийными и советскими работниками на предприятиях, стройках, в институтах.

Но нет, мы ему не понравились. Все как один. Он видел нас «серенькими», «напуганными». И такими представлял своим читателям, питаясь главным образом не информацией, но слухами и анекдотами, не правдой, но ложью и клеветой.

Между тем г-н Удгорд слывет в своих кругах специалистом по советским делам, так сказать, ученым-«советологом». Есть у него уникальное в своем роде досье («черное досье»), где собраны и систематизированы негативные и критические материалы о Советском Союзе. К примеру, нужно написать статью о свободе личности в СССР. Берется вырезка из советской газеты о каком-нибудь процессе над взяточником или казнокрадом, находится карточка, где записан услышанный антисоветский анекдот, к ним добавляется фактик, почерпнутый из последнего номера черносотенного «Посева», — и статья готова.

Причем Удгорд охотно (но небезвозмездно) предоставляет возможность некоторым западным коллегам, прибывающим в Москву, пользоваться своим досье. Этим, пожалуй, исчерпывается вся «научная» деятельность «советолога». Ибо о каком серьезном подходе к оценке советской действительности может идти речь, если в одной из своих последних статей («Свенска дагбладет», 21 января 1975 г.) Удгорд написал: «Русские убрали в прошлом году только 16 миллионов тонн сахарного тростника...» На уровне «тростника в России» и «свеклы на Кубе» написано многое, если не все, что выходило из-под пера этого московского корреспондента, снискавшего даже у себя на родине репутацию поверхностного, несерьезного журналиста по прозвищу «господин правый».

И «господин правый» из кожи вон лезет, чтобы оправдать эту репутацию. Почувствовав, очевидно, что ему не снискать лавров «советолога» на ниве журналистики, он решил использовать другие методы «работы», явно желая ими испытать терпение советской общественности.

Так, при посещении Башкирского университета и Уфимского нефтяного института он вел антисоветскую пропаганду, призывая студентов слушать передачи Пекинского (!) радио. Принимал самое активное участие в организации так называемой «выставки художников-авангардистов» в Черемушках и усердствовал при этом настолько, что позволил себе ударить по лицу дружинника, пытавшегося его усовестить.

По сравнению с такой «работой» случай в ялтинском музее А. П. Чехова, когда Удгорд осыпал нецензурной бранью работников за то, что его попросили выполнить общее для всех посетителей правило — сдать в камеру хранения фотоаппарат и сумку, кажется просто незначительным эпизодом. А таких у него за время пребывания в СССР было великое множество. Недаром Удгорд не без гордости рассказывает, что сумел значительно расширить свой запас русских слов за счет «специфического лексикона».

На этом «лексиконе» незадачливый «советолог» по имени Нильс Мортен Удгорд не только говорит, но и пишет.

А. СЕРОВ

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ШТРИХ

ДЕГТЕМ ПО ФРЕСКЕ

«У меня такое чувство, будто я вторично присутствую при смерти Сикейроса», — заявила в интервью газете «Эксельсиор» вдова великого мексиканского художника Анхелика Ареналь де Сикейрос.

Чем вызваны эти слова? Как сообщают очевидцы, фашистская хунта Пиночета надругалась над одним из замечательных произведений Давида Сикейроса. Его настенная роспись в школе чилийского города Чильян была замазана дегтем.

В 1939 году, когда город пострадал от сильного землетрясения, эта школа была построена Мексикой и передана в дар чилийскому народу. Позднее Сикейрос создал для нее роспись размером в 240 квадратных метров под названием «Смерть захватчику». На картине, символизирующей освободительную борьбу чилийского и мексиканского народов, изображены национальные герои обеих стран. Теперь военная клика, ненавидящая величайшие творения человеческого гения, надругалась над этой картиной.

Анхелика де Сикейрос выступила со страстным обвинением фашистского режима в Чили. Она обратилась к общественности с призывом собрать подробные свидетельства варварской акции хунты, стоящей в одном ряду с такими ее преступлениями против культуры, как разгром дома Пабло Неруды и предание огню книг классиков мировой литературы.

ВМЕСТО НЕКРОЛОГА

КОНЕЦ «ОДИССЕИ» ОНАССИСА

15 марта в американском госпитале близ Парижа скончался Аристотель Сократ Онассис. Человек, вокруг которого чуть ли не всю его жизнь вился рой «звезд» света и полусвета, умер почти в полном одиночестве.

Когда умирают обычные люди, их близкие предаются скорби, поминают добродетели усопших. Смерть миллиардеров вызывает другие эмоции: все вокруг дружно начинают считать их деньги, прикидывать, кому и что достанется от наследственного пирога. А «пирог» необычайно велик: самый крупный в мире частный торговый флот, не уступающий по размерам флотам некоторых крупных капиталистических государств. А в дополнение к нему — судостроительные верфи в Швеции и Англии, нефтеперегонные заводы, огромные земельные участки в Европе и Латинской Америке, авиакомпания «Олимпик эйрузйз». Через подставных лиц делец стал обладателем ряда нефтеносных участков «черного Клондайка» на Аляске, тайно скупил алмазные копи в Намибии. Чтобы не сбиться со счета, приобрел банк в Швейцарии — он должен был стать финансовым центром империи Онассиса. По минимальным оценкам, его состояние исчисляют в один миллиард долларов. Американский журналист Фред Спаркс утверждает, что одновременный сбыт на бирже акций, принадлежащих покойному, мог бы вызвать потрясение на Уолл-стрите.

Но при всем этом несметном богатстве до 1968 года его имя было мало известно вне специфического круга спекулянтов и денежных воротил. Сенсационный брак с «первой вдовой Америки» Жаклин Кеннеди открыл перед ним двери салонов сильных мира сего. Невиданное «паблисити», колоссальные связи в деловых и общественно-политических кругах — таково было «приданое», которое принесла вдова убитого президента на алтарь этого поразившего многих союза.

Вспоминается шумиха, поднятая тогда буржуазной прессой вокруг «свадьбы века». Почти целый месяц газеты взахлеб писали про «воздушный мост», по которому из Голландии на остров Скорпиос в Эгейском море — личное владение Онассиса — доставляли горы тюльпанов. Про армаду судов, день и ночь возивших снедь и ящики с напитками. Подробно описывались фрак жениха и украшения на свадебном наряде невесты. Не говорилось только о чувствах «молодых». А они, пожалуй, в наиболее полной форме отразились в торге вокруг брачного контракта. Он очень напоминает фрахтовое соглашение, по которому судно предоставляется в пользование по расценкам, колеблющимся в зависимости от сезона. Если развод потребует Онассис, то Жаклин получает по 10 миллионов долларов за каждый прожитый совместно год. А в случае инициативы со стороны супруги ей за первые 5 лет брака причитается 18,75 миллиона долларов. И по два миллиона за каждый последующий год. А если...

Сейчас вовсю судачат о завещании, которое пока официально не оглашено. Два с небольшим года назад все было более или менее ясно. В те времена стареющий миллиардер постепенно вводил в дела сына от первого брака, намереваясь в дальнейшем полностью передать ему бразды правления своей огромной империей. Но в январе 1973 года 25-летний Александр Онассис погиб, пилотируя свой самолет.

После смерти сына Онассис сдал. Он все чаще уединялся на Скорпиосе. Начались ссоры с Жаклин. Зато на острове зачастила дочь Кристина, сестра Александра. В свое время делец проявил завидную предусмотрительность, отправив молодую девушку копаться в конторских книгах одного из своих многочисленных предприятий. Рассказывают, что сейчас она демонстрирует недюжинную деловую хватку. Свой «характер» молодая наследница проявила во время недавнего трудового конфликта в «Олимпик эйрузйз». Несмотря на нажим со стороны греческого правительства, Кристина Онассис, уполномоченная отцом руководить компанией, ни в чем не хотела уступить бастующему персоналу «Олимпик». Одним словом, предстала в облике достойной дочери своего отца, который любую уступку рабочим называл «вредной благотворительностью».

Что касается наследства, то, видимо, большая часть его достанется Кристине. Говорят, что Жаклин Онассис рассчитывает по крайней мере на одну четверть. Но у покойного остались еще сестры, другие родственники. «Война» за онассисовские миллионы только начинается.

Аркадий БУТЛИЦКИЙ

«Дайте институту заводы!» — так называлась статья академика А. Целикова («ЛГ», № 10, 1975). Сегодня мы публикуем полемическую статью «Дайте заводу институт!». Автор ее, Г. Кулагин, известный советский хозяйственник, много лет руководивший крупнейшим в стране Ленинградским станкостроительным объединением имени Свердлова, высказывает противоположную точку зрения на то, каким путем ускорить внедрение новой техники.

Проблемы научно-технического прогресса волнуют не только специалистов, но и самые широкие круги советской общественности. Ломка старого, утверждение нового, как правило, сопровождаются острыми, конфликтными ситуациями, на этом «поле» сталкиваются характеры и судьбы, личные и общественные интересы. Не случайно популярны у читателей многие произведения художественной литературы и искусства, в которых образы героев — ученых, инженеров, хозяйственных руководителей, рабочих — раскрываются авторами именно в таких ситуациях. С другой стороны, и литераторам интересны дискуссии ученых и специалистов по острым проблемам научно-технического прогресса. Как сократить путь от идеи до машины! Темпераментная, полемическая, хотя отнюдь и не бесспорная статья Г. Кулагина, публикуемая сегодня, способна, как нам кажется, привлечь внимание многих читателей.

ДАЙТЕ ЗАВОДУ ИНСТИТУТ!

Г. КУЛАГИН

ОТ ИДЕИ ДО МАШИНЫ

В НАШИ дни вошло уже в привычку повторять известное крылатое выражение: наука становится непосредственной производительной силой. В принципе это верно. Но как руда в земле — неразведанная, недобытая — или невспаханное, девственное поле, наука не может быть производительной силой до тех пор, пока знания не вовлечены в процесс производства. А как их быстрее вовлечь? Решения выдвигают разные. Академик А. Целиков видит выход в том, чтобы институтам прикладной науки дать заводы, опытные базы. Я предложил бы прямо противоположный подход.

К занятиям прикладной наукой и к так называемому «научному обслуживанию» привлечены огромные массы людей. В стране быстро растет сеть исследовательских институтов. Они поглощают основную часть выпускников вузов и служат мощным магнитом, притягивающим к себе лучшие инженерные кадры из промышленности. Создается своеобразный гомеостазис — высшая школа, прикладная наука, — который со всей большей энергией работает в направлении самораспирения. Число ученых, занятых непосредственно на производстве, непропорционально мало. По данным Всесоюзной конференции по проблемам совершенствования планирования и оценки эффективности научно-технического прогресса, в 1972 году на предприятиях СССР работало только 5—6 процентов общей численности научных кадров, в том числе 0.4 процента кандидатов и докторов наук.

Конечно, в условиях научно-технической революции все это легко назвать знамением времени. Сама по себе тенденция опережающего роста науки в сравнении с производством отражает объективный процесс развития цивилизации в конце XX века. И тем не менее... Можно ли полностью оправдать прогрессивной тенденцией тот очевидный факт, что основная масса научно-технической интеллигенции находится вне сферы производства? Можно ли на «тенденцию» списывать все наши собственные неурядицы в организации исследований, в том числе и такие, как окостенение тематики и структуры многих прикладных научных учреждений, мелкотемье, дублирование, холостую работу? Наконец, можно ли под флагом «всемерного развития науки во имя прогресса» повсеместно плодить организации, весьма далекие от науки, но охотно присваивающие себе ее щит и герб?

НАУКА И «НАУКА»

Трудно представить себе токаря, который в рабочее время сходил бы в кино, или сборщицу радиоламп, занимающуюся у конвейера вязанием или чтением детективов. А в «науке» такое не редкость. Я ставлю кавычки, чтобы отделить подобную «науку» от науки подлинной, о которой надо писать, разумеется, без кавычек и даже с большой буквы. Впрочем, эта оговорка излишня: надеюсь, читатели не заподозрят меня в неуважении к собственно науке.

Моя печаль — о другом.

За последние пятнадцать лет на основе бывших отделов одного лишь головного завода Ленинградского станкостроительного объединения имени Свердлова возникли и развились три самостоятельных научных учреждения. Многие заводские специалисты перебрались туда. И вот однажды нам понадобился начальник пролета. Мы вспомнили, что в одном из институтов работает молодой инженер, наш бывший мастер. Узнали, что он получает скромную зарплату, и решили его «соблазнить».

— Что вы! — замахал он руками. — Зачем мне нужны ваши жалкие сто рублей?! Здесь я работаю от звонка до звонка, оба выходных мои, отвечаю только сам за себя. А у вас программа, сверхурочные, техника безопасности, забота о зарплате рабочих, штрафы пожарников, воспитание молодежи — благодарю покорно!

Увы, движение кадров пока идет в одну сторону — с производства в «науку». Но не только производственники, а и большинство выпускников втузов также стремятся в НИИ.

Профессор Ленинградского политехнического института, доктор технических наук А. Григорьев справедливо пишет о своих воспитанниках: «Формула популярности выбора профессии очень проста — чем дальше от металла, тем предпочтительнее специальность. Если уж быть инженером, то в белом халате. А народному хозяйству в обозримом будущем будут нужны инженеры и ученые преимущественно в черных халатах».

Многие молодые люди стремятся в институты отнюдь не потому, что обнаруживают в себе талант исследователя. Причины часто более прозаические: они предполагают, что сегодня в «науке» жить и работать легче, чем на производстве. И они в общем-то правы. Меркантильные соображения прикрываются рассуждениями о том, что на заводе «неинтересно», «негде проявить творческие способности», много простой, «неинженерной работы». Иногда эти доводы звучат вполне искренне, так как порождены неосознанным снобизмом. Такие ребята подчас просто не понимают, что инженер — прежде всего деятель, преобразователь мира, а не рефлектирующая личность, стремящаяся к познанию, самосовершенствованию и духовному комфорту.

В результате создается парадоксальное положение: располагая самой большой в мире армией инженеров, мы порой вынуждены замещать на заводах их должности практиками, причем отнюдь не из числа талантливых и способных рабочих, поскольку зарплата хорошего рабочего сегодня выше зарплаты многих инженерных работников. Создается известная опасность относительного падения квалификации руководящих кадров на производстве: предприятия «сереют», снижают уровень своей «интеллигентности». Такое положение беспокоит и серьезных ученых, ибо научная арена засоряется любителями спокойной жизни, не имеющими достаточных данных для исследовательской работы, требующей таланта к самоотдачи.

НАУКА И ТЕХНИКА

К сожалению, в наши дни любое учреждение, решающее чисто технические задачи, легко присваивает себе звание научно-исследовательского института, подчас забывая, что оно является только исполнителем операции номер один в едином процессе общественного производства. То, кто полагает, что в конце концов дело не в терминологии, глубоко ошибаются.

Я позволю себе напомнить высказывание Макса Борна о принципиальной разнице между наукой и техникой: дело науки — познавать новое, дело техники — создавать новое.

И хотя вторая опирается на первую — смешивать их не следует.

Науку трудно точно планировать. В науке невозможно устанавливать жесткие сроки открытий. Главная продукция науки — новые идеи и абстрактные знания.

В технике обязательно планирование. В технике необходимо устанавливать сроки. Исследования в технике должны быть подчинены не поискам абстрактной истины, а достижению конкретной цели, в конкретные сроки, за конкретные деньги.

Наука живет и развивается вне экономики, хотя экономика впоследствии пользуется ее достижениями. Техника подчинена экономике целиком и полностью.

От науки нельзя требовать сиюминутной утилитарной пользы. Техника только тогда чего-нибудь стоит, если она приносит пользу, ясно выраженную в рублях, и призвана жить не за счет общества, а, наоборот, кормить общество. Техника не может быть иждивенкой экономики: она должна быть ее служанкой.

Я не пытаюсь утверждать, что наука и техника разделены глухой стеной. Это, конечно, не так: в наши дни границы между наукой и техникой обозначены далеко не так четко, как сто лет тому назад. Процесс использования новых знаний, добытых наукой на потребу экономики, резко ускорился. Происходит взаимная диффузия, идет совместная работа в пограничных областях. Но сегодня, на мой взгляд, важнее подчеркнуть различие между наукой и техникой, чем их родство. Ибо именно благодаря родству у нас постоянно растут огромные и малоэффективные научно-прикладные и технические институты, которые нередко становятся неуправляемыми заповедниками, притягивающими к себе многих любителей легкой жизни. Это приводит к известной девальвации самого понятия науки.

НАУКА И ЭКОНОМИКА

Отделение прикладных исследований и разработки новых изделий от промышленных предприятий в свое время оправдывалось необходимостью проведения единой технической политики и желанием освободить разработчиков от давления системы производственных показателей. На первый взгляд, эта идея была здравой и заманчивой и не таила в себе никаких скрытых опасностей.

Предполагалось, что централизация прикладных исследований и конструкторских разработок в самостоятельных учреждениях позволит избежать параллелизма при работе над аналогичной тематикой, даст возможность развить унификацию и стандартизацию, удовлетворить максимум потребностей минимумом технических решений; повысит качество и ускорит темпы создания новой техники, существенно сократит затраты дорогостоящего труда исследователей и конструкторов.

Я не знаю положения в других отраслях промышленности, но твердо убежден, что в машиностроении ни одна из этих позитивных целей не была достигнута. Зато разработчики были выведены из-под контроля плановых показателей предприятий, а предприятия в значительной степени лишены своего научно-технического потенциала, потеряли лучшую часть технической интеллигенции.

Посмотрим, как это произошло. Прежде всего самостоятельные научно-технические организации были выведены в так называемую «непромышленную группу», и таким образом численность инженеров и ученых, занятых в них, перестала влиять на оценку производительности труда. Вполне понятно, что при определении эффективности работы экономического механизма не учитываются врачи, артисты, работники коммунального хозяйства. Они действительно не имеют прямого отношения к промышленности. Ясно, что в этом же положении находятся академические учреждения, например, такие, как математические, физические, биологические институты. Но совершенно не понятно, почему три тысячи ученых и инженеров, работающих в Центральном котлотурбинном институте, единственным назначением которого является совершенствование турбин и котлов, считаются непромышленными деятелями?

Еще более страшным выглядит перевод многих заводских конструкторских бюро в непромышленную группу с приданием им юридической и хозяйственной самостоятельности.

Особое конструкторское бюро станкостроения существовало девять лет в качестве конструкторского отдела Ленинградского завода имени Свердлова, а потом обрело самостоятельность, хотя до сих пор продолжает обслуживать практически только один этот завод. Сравнительный процесс продолжается и до сих пор: недавно на базе старейшего конструкторского бюро Невского машиностроительного завода имени Ленина, существовавшего в составе завода более ста лет, был создан самостоятельный институт.

В обоих случаях конструкторы довольны: штат их может теперь расти, не считаясь с показателями заводов, они уходят из-под власти и оперативного подчинения заводской администрации, они теперь фактически отвечают не за машину, а только за проект. Как ни странно, но в некотором роде доволен и руководитель предприятия: у него «улучшились» показатели соотношения инженеров и рабочих, директор не обязан вникать во внутренние дела конструкторского бюро и заботиться о повышении эффективности его работы. И, наконец, если новая машина, созданная по чертежам, купленным у самостоятельного КБ, оказалась неудачной, он имеет полное моральное и юридическое право заявить, что завод тут ни при чем, а, наоборот, является пострадавшей стороной.

Я думаю, что эти «вариации» с промышленной и непромышленной группами ничего, кроме вреда, не приносят и являются довольно примитивным самообманом. Даже неэкономисту ясно: если каждый из двух пекарей выпекает по сто булок, то превращать одного из них в ученого-хлебопека стоит только в том случае, если он придумает способ, позволяющий оставшемуся пекарю одному выпекать по крайней мере двести. В противном случае булок станет вдвое меньше, при том же количестве едоков.

НАУКА И УПРАВЛЕНИЕ

Предполагалось, что работа самостоятельных НИИ и КБ будет эффективно планироваться и контролироваться непосредственно аппаратом министерств и Госкомитета по науке и технике. Но этот контроль при всей его громоздкости и дотошности, к сожалению, носит чисто формальный характер. Пределы конкретной ответственности, которую может нести любой контролер, даже облеченный всей полнотой власти, зависят прежде всего от его способности переработать поступающую к нему информацию в такой степени, чтобы быть компетентным при принятии решений.

Довольно скромный технический аппарат Минтяжмаша и его главков просто не в состоянии досконально оценить конкретные проекты разнообразных турбин и котлов, дизелей и вагонов, экскаваторов и прокатных станов и великого множества других машин. Любое лицо, любая группа лиц, любая организация имеют естественные пределы своей компетентности, а следовательно, и ответственности. Вот почему на практике сложился чисто количественный критерий оценки работы институтов и КБ — как можно больше позиций в плане «новой техники». К тому же аппарат министерства, будучи чисто административным органом, не может нести хозрасчетную ответственность за результаты деятельности институтов.

По моему глубокому убеждению, не принесут пользы и предпринимаемые в последние годы попытки некоторых министерств усовершенствовать так называемый «хозрасчет» самостоятельных НИИ и КБ. Более того, именно в таком хозрасчете и коренятся основные причины несовершенства некоторых разработок новой техники. А самом деле, что является продукцией самостоятельных хозрасчетных НИИ или КБ, за которую они получают деньги? Папки с отчетами, проекты, в лучшем случае рабочие чертежи и опытные образцы. Чем больше отчетов, новых проектов и чертежей, тем больше доходов, штатов, высоких окладов, тем устойчивее финансовое положение института тем легче живется его коллективу и руководителям.

Но можно ли судить о действительной экономической ценности новой технической идеи, нового исследования, новой конструкции до воплощения их в работающую машину, готовое изделие, действующий технологический процесс? Если это действительно новинка, то суждение о ней, как правило, можно составить только после того, как она многократно испытана, доведена до совершенства, поставлена на производство, продана заказчику, когда приобретен какой-то опыт ее эксплуатации. Короче говоря, когда закончен тот цикл работ, который принято называть внедрением новой техники. А это процесс длительный, кропотливый, требующий времени, средств и больших затрат творческого инженерного труда. И самое главное, этот процесс в большинстве случаев немыслим без прямого участия производственного предприятия.

В самостоятельных НИИ и КБ, к сожалению, принято считать внедрение процессом второстепенным, нетворческим, чернорабочим. Как раз этот тяжелый и самый необходимый труд невыгоден самостоятельному «хозрасчетному» НИИ или КБ. Эта работа очень плохо поддается нормированию и оценке и либо совсем не оплачивается, либо оплачивается с большими трудностями. Завод, финансирующий услуги института, исчерпав лимиты, отпущенные на новую технику, естественно, не заинтересован в крупных расходах, ложащихся на себестоимость его продукции. Да к тому же формально он и не обязан нести эти расходы, а, наоборот, вправе взыскать убытки с КБ, продавшего ему недоработанный проект.

НАУКА И ЕЕ ПЛОДЫ

В Японии представители фирмы «Мицун-Сейки» мне показали новый обрабатывающий центр. Я спросил: сколько времени ушло на его разработку и изготовление? Получив ответ — девять месяцев, — я спорить не поверил этому. Но, когда я посмотрел чертежи и спецификации, разработанные заведением КБ, я убедился, что мне сказали правду. Дело в том, что станки на 70 процентов состояли из ранее освоенных в производстве узлов и готовых покупных изделий и вместе с тем являлся подлинным словом новой техники.

Досадно, по нашим самостоятельным НИИ и КБ невыгодны такая преемственность в конструировании, использование проверенных решений, унификация узлов и деталей, стандартизация, использование чужих разработок и лицензий, ибо все это требует подчас большего труда, чем «свободное творчество», а оплачивается у нас по пониженным расценкам.

Сам статут самостоятельных научно-прикладных учреждений стимулирует погоню за оригинальностью решений во имя оригинальности, вернее, оригинальничания.

Итак, чем больше новых проектов, а в них — оригинальных узлов, деталей, решений, чем сложнее новая машина, чем меньше она похожа на свою предшественницу, чем меньше стандартизации и унификации, тем выгоднее она для проектанта. А выгодно ли это государству? Народному хозяйству? Вряд ли. В результате заводы — изготовители и потребители новой техники вынуждены осваивать и производстве и эксплуатации «сырые» конструкции, без особой нужды перестраиваться, нарушая установившийся ритм производства и затрачивая громадные средства на «освоение». Этому способствует известная нечеткость в определении самого понятия новой техники.

Далеко не всякая машина плоха потому, что она долго находится в производстве. Классический пример этому — хорошо известная всему миру работа немецкого конструктора Порше, создавшего еще в конце тридцатых годов очень удачный автомобиль «фольксваген», который тиражируется и продается в миллионах экземпляров уже более тридцати лет, несмотря на обилие на рынке всяческих новинок. Я не вижу беды и в том, что Ленинградский металлический завод вот уже много лет подряд выпускает турбину К-300 — машину удачную и надежную, и поддерживает ее на современном уровне путем постепенных и незначительных усовершенствований.

Меня настораживает, когда некоторые предприятия хвалятся тем, что ежегодно обновляют чуть ли не 30—40 процентов номенклатуры своей продукции. Вероятнее всего, такие «темпы» освоения свидетельствуют о недостаточном совершенстве новых разработок: ведь это значит, что новая разработка живет только три-четыре года от силы. Даже для радиоэлектронной промышленности такие сроки жизни нового изделия слишком малы, чтобы быть рентабельными.

Кстати, немцы давно различают два понятия: Neuring (новинка) и Weiterentwicklung (дальнейшее развитие).

В наших планах пока этого различия не делается, и это порождает нередко нездоровую погоню за количеством «позиций» ради премий и эффектных отчетов и наносит определенный ущерб созданию подлинно новой техники, загружая производство освоением малоэффективных и, по существу, не содержащих большой новизны разработок.

Не следует забывать и того, что существуют объективные экономические закономерности, ограничивающие темпы смены продукции в процессе производства.

Один крупный западногерманский деятель техники сказал однажды примерно так: «Конструктор по своей природе всегда и неограниченно стремится к новому, иначе ему делать будет нечего, а производственник, опять-таки в силу своего положения, стремится к сохранению статус-кво. Если дать волю первому — он разорит любую фирму чрезмерными затратами на непрерывную перестройку производства, а если дать волю второму — он постепенно приведет фирму к краху из-за потери конкурентоспособности. Поэтому противоборство между ними полезно и неизбежно, в истина лежит где-то посредине, и находить ее надо с помощью экономического анализа».

Будучи директором, я принимал однажды известного французского станкостроителя, который и раньше бывал на нашем предприятии. В обратив внимание, что на этот раз он выступает от имени другой фирмы, и спросив, что произошло. Он ответил, улыбаясь: «У нас, во Франции, говорят, что есть три способа развить предприятие: первый — самый быстрый: всех руководителей увлекся играть в карты; второй — самый приятный: если он увлекся женщинами, и третий — самый верный: если он дал неограниченную волю конструкторам и исследователям... Мы разорились самым верным способом».

Часто, и не без оснований, представители прикладной науки упрекают предприятия в медленном освоении новой техники. Указывают на нежелание хозяйственников «возиться» с ней, привычку прежде всего «гнать вал». Все это действительно так или почти так. Конечно, коренная перестройка производства, неизбежная при освоении новых видов продукции, как правило, сопряжена с ухудшением всех показателей, по которым оценивается работа предприятия. И все же я глубоко убежден, что дело не только в этих естественных трудностях. На первых порах вообще все новое встречает сопротивление — такова жизнь, но если это новое действительно выгодно, оно быстро завоевывает свои позиции повсюду.

Блестящий тому пример — удачная разработка ЦНИИТмашем жидкоподвижных самотвердеющих смесей. Сейчас ни одного литейщика никакими силами не заставишь от них отказаться, ибо они коренным образом облегчили труд и значительно подняли производительность на каждом рабочем месте. Если новая машина, подлежащая освоению, и впрямь хороша, то это обязательно найдет свое отражение в ее цене, и предприятию в конечном счете будет выгодно ее выпускать, а потребителю — приобретать.

Сегодня, будем говорить прямо, производительность наших научных и конструкторских организаций во много раз выше, чем производственные возможности по освоению новых разработок. Создалась явная диспропорция, вот в чем беда. Недостаток работников в промышленности, отвлечение чрезмерных сил в прикладную науку бьют, таким образом, по самой же науке, по темпам технического прогресса нашей промышленности. Мы черпаем трудовые ресурсы из одного и того же котла — вольготные условия в научных учреждениях оборачиваются дефицитом кадров и перенапряжением на производстве.

Пора назвать вещи своими именами: стране не нужна высокая производительность в изготовлении таких «плодов науки», как отчеты, чертежи, проекты, не становящиеся машинами. Научно-технический прогресс от этого не выигрывает. Мы имеем на этот счет много свидетельств. О низкой эффективности научно-прикладных учреждений (при внешней «высокой» их производительности!) весьма убедительно рассказано в авторитетной статье заместителя председателя Госплана СССР М. Рakовского «Эффект труда ученого», опубликованной в свое время в газете «Труд». Автор, ссылаясь на расчеты академика А. Румянцева, указывает, что темпы роста затрат на технические науки в три-четыре раза превышают темпы роста выработки в промышленности в результате внедрения научных достижений. Вряд ли за три года, прошедших с момента появления статьи, что-нибудь существенно изменилось.

Ко всему прочему, молодые инженеры, попадающие в прикладные институты сразу после вузовской скамьи, оторванные от производства, не имеющие за душой практической школы, чрезвычайно медленно нарацивают свою деловую квалификацию. И, естественно, в таких учреждениях любой инженерный брак остается безнаказанным и легко списывается на «издержки творчества». Подобная практика, помимо урона материального, наносит большой моральный ущерб.

Тут уже не до профессионального мастерства и гордости у молодых специалистов. Ситуация превращает их в неких «абстракционистов от техники», которые ограничивают свое творчество бумагой и постепенно теряют вкус к металлу и живой машине. В конце концов и квалификация учреждения в целом неизбежно падает.

НАУКА И ОБЪЕДИНЕНИЯ

Где же выход из этих противоречий?

Он ясно и недвусмысленно указан партией в известных решениях о переходе на двух- и трехзвенную систему управления промышленностью.

Выход только один — в создании крупных объединений, которые могут и должны нести полную экономическую ответственность за количество и технический уровень закрепленной за ними продукции.

Выход в том, чтобы прикладные НИИ и КБ наряду с заводами вошли в единый хозрасчетный организм.

Выход в том, чтобы проектант-разработчик и изготовитель находились под единым руководством, достаточно близким и компетентным в сравнительно узком круге вопросов, порученных объединению.

Выход в том, чтобы НИИ, КБ и заводы имели единый баланс, единый счет прибылей и убытков и несли единую ответственность перед заказчиком и страной.

Следует, однако, тут же предостеречь от формальной интеграции. Польза будет лишь тогда, когда самостоятельные ныне НИИ или КБ войдут в состав крупного завода или производственного объединения на правах подразделения, лишенного хозяйственной самостоятельности и прав юридического лица. Именно так! Они должны финансироваться за счет общих результатов деятельности объединения. Их содержание должно быть предусмотрено в смете накладных расходов, подобно технологическому или производственному аппарату предприятия. Они должны стать равноправными участниками в создании прибавочного продукта и прибылей объединения. И не должно быть допущено никаких манипуляций с так называемой «непромышленной группой».

Конечно, в таком случае они вновь попадут под действие системы экономических показателей, в рамках которой работает каждое предприятие; и это будет правильно и полезно, так как появится нормальный критерий для оценки конечной эффективности новых разработок. Министерство и Госкомитет по науке и технике будут избавлены от разбора взаимных попреков и оправданий институтов и заводов, получат возможность спрашивать с объединения законченную и хорошо действующую новую технику «в натуре».

Когда повсеместно будет введен этот естественный порядок, сотрудники многочисленных НИИ и КБ перестанут играть роль Сизифа, вечно катящего в гору бочку с бумагами. Они сосредоточат усилия на доработке, доводке и апробации своих творений. Вероятно, новых машин будет спроектировано меньше, но то, что они будут более дельными и станут быстрее внедряться в производство, несомненно.

Нужны доказательства, примеры? Всей стране известны самые мощные в мире гидротурбины, созданные коллективом Ленинградского металлического завода. Достижения советского гидротурбиностроения признаны во всем мире. Не меньшей славой пользуются телескопы и другие сложнейшие оптические приборы, выпускаемые Ленинградским оптико-механическим объединением. На этих двух предприятиях издавна существует тесный союз науки и производства. И этом немало заслуг дальновидного руководства, которое в свое время, несмотря на давление «моды», не допустило отделения конструкторов и исследователей от заводов.

Означает ли все сказанное, что автор вообще против существования самостоятельных институтов отраслевого и межотраслевого значения? Отнюдь нет. Такие институты могут и должны существовать, но только в строго ограниченном количестве, и при наличии — тут я соглашусь с академиком А. Целиковым — собственной производственной базы, достаточной для реализации своих разработок в натуре. Важно одно: они должны выпускать не бумагу, а вполне отработанные образцы своей продукции, годные для освоения в серийном производстве. Кроме того, необходимы институты, обобщающие опыт отрасли, создающие стандарты и другие нормативные документы.

Образец плодотворно работающего межотраслевого прикладного института — институт имени академика Е. О. Патона. Он издавна умеет доводить свои разработки до конца и пользуется всеобщим признанием в промышленности. Но одно то, что именно этот пример приводится всюду и везде — и в докладах, и в печати, приводится постоянно, приводится слишком часто, — одно это достаточно красноречиво говорит о ненормальности создавшегося положения. Увы, подобные высокоэффективные и без всяких кавычек высокопроизводительные институты у нас являются скорее исключением, чем правилом. Недостаточная же эффективность работы многих КБ и НИИ представляет собой проблему, которую уже невозможно не замечать.

В экспериментальном цехе

Фото А. ХРУПОВА

ДОЛГ ОБЯЗЫВАЕТ

М. МАЛЯРОВ,
первый заместитель Генерального прокурора СССР

Выполнение долга и конфликтная ситуация — этой теме были посвящены многие выступления «ЛГ», в том числе и судебный очерк «Выстрел», опубликованный в предыдущем номере. Сегодня о важных нравственных и правовых аспектах проблемы рассказывает видный советский юрист.

В САМОМ понятии должностное лицо заключена его суть — долг. Но какой долг, перед кем? Должностное лицо действительно обязано в силу своего служебного положения не за страх, а за совесть и, скажем без ханжества, за зарплату исполнять свой долг перед государством, перед народом. По закону должностными лицами считаются те, кто постоянно или временно исполняет функции представителя власти.

В широком смысле слова, любое должностное лицо на своем посту обязано честно и добросовестно исполнять свой долг. В этой статье мне хотелось бы ограничиться разговором о должностных лицах определенного профиля. Есть люди, от которых требуется не только безупречное отношение к исполнению служебных обязанностей, но смелость, отвага, вплоть до готовности к самопожертвованию.

В нашей прессе неоднократно писали о том, как эти должностные лица — инспектора лесной и рыбной охраны, работники милиции — решительно вступали в единоборство с хулиганами, браконьерами, автолихачами и порой ценою жизни защищали государственные интересы и общественный порядок. Да, конечно, это их служебный долг, благородный, тяжелый, нередко опасный.

Но если посмотреть шире, то это долг любого из нас. Разве не должен каждый гражданин защитить беззащитного человека, когда на него нападают хулиганы, остановить браконьера или хотя бы «обратить внимание» на то, как «туристы» варварски уничтожают лесонасаждения?

К сожалению, немало людей успокаивают свою совесть тем, что поддерживать общественный порядок не их дело, а обязанность должностных лиц. Некоторые из особо пассивных граждан не останавливаются на этой чисто созерцательной позиции. Они идут дальше и порой позволяют себе даже осуждать тех, кто не остается безучастным к правонарушителям: из-за чего, мол, сыр-бор разгорелся, человек лося убил, или рыбу глушил, или, скажем, выпил лишнего и начал буянить?.. Это безразличие, ата пассивность и окрыляют тех, кто нарушает закон.

Общеизвестно, что борьба за общественный порядок — дело всех и каждого. Стали огромной силой в стране народные дружины, сотни тысяч граждан активно помогают работникам милиции, инспекторам лесной и рыбной охраны. Но до сих пор в сознании некоторых людей существует четкое деление на должностных и недолжностных лиц. Это деление не оправдано в нравственном смысле, ибо защита общественного порядка — этическая обязанность любого гражданина. Но в то же время оно оправдано в правовом отношении, потому что, как говорят, положение обязывает, и люди, наделенные властью, большими правами, должны использовать эту власть разумно, целеустремленно, в полном соответствии с законом.

Диалектика вопроса, однако, в том, что не стоит отрывать нравственную сторону этой проблемы от ее правовой стороны. Для того чтобы должностное лицо успешно осуществляло широкие полномочия в борьбе с антиобщественными элементами, оно должно быть окружено атмосферой полного понимания всех особенностей этого нелегкого, связанного подчас с конфликтными ситуациями, труда. Без всесторонней помощи общественности, именно всесторонней, иногда и милиционер или инспектор рыбоохраны не в состоянии выполнить возложенного на них долга.

Можно ситуацию сформулировать так: должностное лицо лишь тогда в состоянии осуществить свою обязанность, сделать то, чего ждет от него общество, когда вокруг него вообще не будет лиц «недолжностных», то есть равнодушных.

Глубокое понимание всех особенностей труда должностных лиц особенно важно, потому что, повторяю, в деятельности стражей порядка неизбежны остроконфликтные ситуации.

Нашу общественность не может не беспокоить следующее обстоятельство: далеко не единичны случаи, когда работники рыбоохраны или «лесники», самоотверженно защищавшие государственные интересы и действовавшие строго в пределах предоставленных им прав, необоснованно привлекались к ответственности будто бы за превышение этих прав, а иногда даже попадали под суд.

Приведу несколько примеров.

По приказу начальника Иркутского управления охотничье-промыслового хозяйства в составе оперативной группы инспектор лесной охраны Медведев был командирован в Эхирит-Булагатский район. Ночью обнаружили автомашину с шестью браконьерами, вооруженными карабинами. При задержании нарушители оказали сопротивление, пригрозили оружием и пытались скрыться на автомашине. Преследуя их, Медведев произвел несколько выстрелов вверх, а затем дважды выстрелил по колесам автомашины, при этом смертельно ранил одного из браконьеров. Медведев был привлечен к уголовной ответственности за превышение служебных полномочий и неосторожное убийство осужден к 5 годам лишения свободы. Это была грубая ошибка следственных и судебных органов, так как Медведев в данном случае действовал в строгом соответствии с инструкцией о борьбе с браконьерами, оказавшими при задержании сопротивление, сопряженное с угрозой для жизни инспекторов. По протесту заместителя Генерального прокурора СССР судебные решения по делу Медведева отменены и дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Вспоминается и такой случай. В запрещенной зоне браконьеры на моторной лодке сетями ловили рыбу. Инспектор рыбоохраны Соколов пытался их задержать. Не подчинялись законным требованиям инспектора, браконьеры лихорадочно начали вынимать снасти, причем один из них запутался в сетях и утонул. Соколов был предан суду за то, что он якобы явился виновником гибели браконьера. Спрашивается, как же он должен был выполнять свой долг? Позволить браконьерам вытащить сети и скрыться? Но в этом случае он просто не выполнил бы служебной обязанности. Заместителем Генерального прокурора СССР был принесен протест, и дело против инспектора Соколова прекращено.

Число подобных примеров можно было бы увеличить, однако и приведенных достаточно, чтобы сделать вывод: не всегда еще труд людей, защищающих государственные интересы, получает правильную оценку.

Непонимание природы труда должностных лиц, которое лежит в основе подобных фактов, нередко используется нарушителями закона: стремясь уйти от ответственности, они пытаются всячески опорочить тех, кто честно исполняет свой служебный долг, а себя представить в роли жертв их неправомерных действий. Характерным в этом отношении является дело участкового госрыбинспектора Литвина, который работал в Донецкой области. Он непримиримо относился к браконьерам, которые по сговору между собой обвинили его в различных злоупотреблениях по службе. Литвин был привлечен к уголовной ответственности и осужден к лишению свободы. После вмешательства Прокуратуры СССР это дело было прекращено за отсутствием в действиях Литвина состава преступления.

Подчас можно слышать голоса, осуждающие работников милиции, которые вынуждены, повторяю, вынуждены, в борьбе с хулиганами и другими правонарушителями, защищая общественный порядок, социалистическую собственность, жизнь, честь и достоинство советских людей, прибегнуть к крайним мерам. Но как же можно их осуждать за это? Ведь они не только действовали в пределах своих прав, но осуществляли свою прямую обязанность. Не осуждения заслуживает тот, кто в сложнейшей ситуации исполнил свой долг, а поощрения, общественного уважения.

Естественно, что и сами должностные лица вправе защищаться от посягательств со стороны тех, кто препятствует их законной деятельности. В этих случаях они, как и любой гражданин, защищающий себя, других или интересы государства, имеют право на необходимую оборону. Осуществление этого права неизбежно сопряжено с причинением того или иного вреда нападающей стороне. Но за причиненный таким образом вред они, разумеется, не несут ответственности, когда действуют правомерно.

Бесспорно, что при превышении власти любое применение оружия всегда влечет за собой ответственность. Вместе с тем правомерное применение оружия в исключительных случаях против преступных посягательств допускается законом, о чем четко говорится в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 года «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью».

Таким образом, в этом вопросе существует полная ясность.

Именно закон ограждает людей от произвола должностных лиц и злоупотребления предоставленной им властью. А такие случаи, к сожалению, встречаются.

Заместитель начальника Управления охотничье-промыслового хозяйства при Совете Министров Бурятской АССР Глыков организовал незаконную охоту на косуль, пригласив на нее 12 своих дружков. Браконьеры убили двух косуль и пытались скрыться. Член общества охотников тов. Санников обратил внимание браконьеров на их незаконные действия и потребовал прекратить охоту на косуль. Глыков не только не подчинился законному требованию представителя общественности, но, посчитав себя оскорбленным, злоупотребляя своим служебным положением, пригрозил Санникову и отобрал у него охотничий билет. Вот уж поистине с больной головы на здоровую! По представлению прокурора Глыков наказан и освобожден от занимаемой должности.

В Казахской ССР егерь Семипалатинской областной охотничьей инспекции Шведов вместе с общественным охотинспектором Титаевым и главным государственным охотинспектором Приведенским, вооружившись карабинами, выехали в близлежащий район охотиться за архарами, охота на которых запрещена. Не найдя архаров, эти браконьеры, чтобы «отвести душу», убили четырех лошадей, принадлежавших совхозу. Виновные привлечены к уголовной ответственности.

В Туркменской ССР старший государственный охотинспектор дри Красноводском горисполкоме Ширмамедов, поддерживая приятельские отношения с браконьерами, не только не взыскал с них штраф за нарушения правил охоты, но и сам занимался браконьерством.

Подобное поведение должностных лиц подрывает авторитет государственных органов, представителями которых они являются, и вызывает справедливое негодование граждан. В Уголовном кодексе РСФСР и кодексах других союзных республик есть специальная статья, предусматривающая уголовную ответственность должностных лиц за злоупотребление властью или служебным положением. Так, согласно ст. 170 Уголовного кодекса РСФСР (аналогичные статьи есть и в уголовных кодексах других союзных республик) виновные в злоупотреблении властью или служебным положением наказываются лишением свободы до 3 лет, а если такие действия повлекли тяжкие последствия, наказание может быть назначено сроком до 8 лет.

Должностные лица, облеченные властью, пользуются большим доверием, авторитетом и поддержкой советской общественности. Этой властью надо пользоваться разумно и дорожить оказанной честью. Лицам, злоупотребляющим своим служебным положением или халатно относящимся к исполнению своего долга, карьеристам, жуликам, стяжателям и другим нарушителям советских законов нет места в органах власти, стоящих на защите чести, достоинства и жизни советских людей, на защите социалистической собственности и природных богатств нашей Родины.

Георгий ЛОЗАНОВ:

НЕ ЛОГИКОЙ ЕДИНОЙ

Автор суггестопедического метода преподавания, директор Софийского института суггестологии отвечает на вопросы корреспондента «ЛГ» В. Латышева

— Георгий Кириллович, в связи с публикацией в нашей газете материалов, посвященных изучению иностранных языков, редакция получила много писем, где так или иначе говорится о разработанном вами суггестопедическом методе преподавания. Есть высказывания такого типа: «Не верю во все эти сенсационные методы (английский за месяц!). Чудес не бывает, сколько бы ни мечтали о них лентяи. Без упорного, тяжелого труда язык выучить невозможно». Вот так: не верю — и все... Другие просят посоветовать, с помощью какого учебника они могли бы самостоятельно через месяц другой заговорить на иностранном языке. Третьи спрашивают об особенностях вашего направления в педагогике. По-видимому, ответ на последний вопрос был бы одновременно ответом всем читателям...

— Как уже неоднократно писалось, суггестология — это наука о внушении, понимаемом нами в психолого-коммуникативном смысле, а суггестопедия — ее применение в педагогике. По сути дела, большинство форм общения людей представляет собой своеобразные акты внушения. Допустим, вы излагаете мне свое мнение о новом фильме. Для чего вы это делаете? Чтобы внушить мне свою точку зрения. Как вы это делаете? Конечно, вы стараетесь привести наиболее веские аргументы, говорить логично. Но если эти логичные слова вы говорите вялым, монотонным голосом, да к тому же я испытываю неудобство от сидения на шатающемся стуле, а по стоящему у вас за спиной телевизору передают международный хоккейный матч, ваша затея обречена на провал. Но, наверное, ваш опыт общения подскажет, что нужно организовать мое внимание, то есть и удобно усадить меня, и исключить отвлекающие раздражители, воздействовать не только логикой, но и эмоциональностью речи. А чтобы я вдруг не отвлекся, не думал о своих делах, приличия ради кивая головой, нужно задавать мне по ходу беседы какие-то вопросы, заставить меня думать вместе с вами.

Я специально привел такой тривиальный пример, чтобы показать, что даже при каждодневном общении любой из нас интуитивно учитывает законы восприятия. Педагогика же — это в известном смысле непрерывное внушение. И организовать его надо так, чтобы исходящая от преподавателя информация усваивалась максимально эффективным образом и с минимальным напряжением. А для этого нужно знать, при каких условиях наш мозг оказывается наиболее восприимчивым к поступающей в него «пище», и эти условия создавать. Именно этим и занимается суггестология. Как конкретно проходит урок иностранного языка по нашей методике, уже описывалось в вашей газете. Подчеркну только отдельные особенности. Например, мы широко используем приемы, свойственные искусству, поскольку оно открывает как бы добавочный, «чувственный» канал поступления информации. Этой цели служит, в частности, специально подобранная музыка. Она расковывает человека, снимает излишнее напряжение, препятствующее усвоению иноязычных слов, служит для них «волной-носителем». Даже такая, казалось бы, мелочь, как расположение учеников в классе... У нас они чаще всего сидят в удобных креслах (ничто не должно отвлекать!) вокруг одного стола, а не в затылок друг другу, как это было испокон века. При этом они воспринимают не только информацию, сообщаемую преподавателем, но еще как бы и «отраженный сигнал» от своих соучеников. Они могут лучше общаться между собой, к чему мы всячески стремимся. Мы создаем такие ситуации, чтобы человек был уверен в прочности полученных знаний, в том, что он может ими пользоваться. А возникающие при этом «положительные» эмоции и впрямь способствуют лучшему усвоению материала. Короче говоря, суггестопедия ищет возможности таких воздействий на психику обучаемого, которые максимально облегчали бы процесс восприятия информации, помогали проникать через имеющиеся на ее пути барьеры. То, что мы уже нашли, позволяет нашим студентам усваивать за один сеанс значение 200—250 лексических единиц (слов, выражений, фраз). Это на обычном занятии, а в экспериментах эта цифра порой достигала 1000—1200 новых слов.

— А не вредна столь большая умственная нагрузка?

— В том-то и дело, что увеличивая объем усваиваемой информации, мы одновременно снижаем нагрузку на мозг за счет того, что учим людей освобождаться от «паразитной активности», не связанной с восприятием подаваемого материала. Мы не перегружаем мозг, а используем его резервы. Самочувствие наших студентов обычно даже улучшается. У большинства появляются бодрость, легкость, желание учиться. Подчеркиваю — желание, а не просто сознание полезности, необходимости.

— И за сколько же времени можно выучить язык по вашей методике?

— Это, как вы понимаете, не в последнюю очередь зависит от того, что вкладывать в слова «выучить язык». У нас разработана программа двух курсов продолжительностью по месяцу, каждый при четырех часах занятий в день — всего 180 часов. По окончании ее учащийся владеет примерно 4000 лексических единиц (из них 60—70 процентов активно) и всей грамматикой. Он может свободно вести разговор, читать литературу, писать.

(Сегодняшний курс иностранного вуза, занимающий минимум 300 часов, предполагает «узнавание» при чтении примерно 2500 лексических единиц и использование в разговоре около 1200. — Прим. ред.)

Но я общем-то создание конкретной программы — не самое главное: имея метод преподавания, можно создать программу, рассчитанную на любой объем информации.

— И, по-видимому, для любого предмета? Однако для многих неспециалистов, а часто и для специалистов тоже суггестопедия связана с обучением именно иностранным языкам. Да и ваши эксперименты в основном идут в этом направлении... Чем объясняется такое предпочтение?

— Во-первых, при изучении языка очень велика роль памяти, а нам в начале нашей работы было важно установить степень запоминаемости при суггестивном обучении. Во-вторых, здесь очень четкие критерии знания. Можно сравнивать успехи учащихся просто по количеству знакомых им слов. Очень нагляден и результат обучения: человек заговорил на чужом языке! И в-третьих, при современной тяге к языкам мы всегда обеспечены участниками экспериментов. Так что причины, как видите, скорее тактического характера. Для нас иностранный язык не более чем удобная модель своего рода полигон, на котором мы отрабатываем отдельные особенности методики, чтобы внедрить ее в преподавание любых дисциплин.

— И как идет это внедрение?

— Если говорить о творческой стороне дела, то вполне хорошо. Еще в 1964 году мы перешли от индивидуальных опытов к групповым, а в 1970/71 учебном году взяли в институт для обучения самый обычный десятый класс софийской школы. Поскольку наши подопечные должны были учиться по стандартной школьной программе, мы не разрабатывали своих учебников (что вообще-то необходимо), а лишь приспособили действующие к условиям суггестопедического обучения. Мы не изменяли в корне и систему оценки знаний (что также стоило бы сделать).

Ученики экспериментального класса начали учебный год на месяц позже своих сверстников, а закончили его уже в начале мая. Занятия шли в среднем по четыре часа в день, домашние задания отнимали примерно по полтора часа. Предметы проходились последовательно, за изучение следующего брались, полностью пройдя программу предыдущего. Таким образом, в каждый момент ученик был «погружен» только в какую-то одну науку. В конце года был экзамен по всем предметам. Успеваемость была выше, чем в контрольном классе. Ребята стали здоровее, крепче, жизнерадостнее. Это не просто наше мнение, а результат медицинского обследования и опроса родителей. Уже три года в двух экспериментальных школах института сотни детей обучаются всем предметам по суггестопедической методике. Результаты? Например, за четыре месяца первоклассники без домашних заданий усваивают материал двух учебных лет.

Мы проводили эксперименты и в университете. Результаты также весьма обнадеживающие, но в регулярную программу обучения студентов суггестопедия еще не вошла. Организационные барьеры пока высоки.

— Вам, по-видимому, не раз приходилось сталкиваться и с непониманием, и с консерватизмом...

— К сожалению. Порой приходится выслушивать основанное на недопонимании мнение, что суггестопедичков обучение, мол, «иссушает мозги». Но мы показали, что суггестопедия не только не вредна организму, но что ее можно использовать в качестве психотерапевтического метода. У нас часто проводятся курсы изучения языка для групп невротиков. И что же? Их успехи в языке, можно сказать, не хуже, чем у здоровых, медицинское же их состояние значительно улучшается. Другие почему-то считают, что суггестопедические курсы дают не глубокое знание, а быстро «натаскивают» в определенной области. Непонятно откуда взявшаяся точка зрения. Суггестопедия — это метод педагогики, всесторонне активизирующий человеческую личность. А каждым методом можно и «натаскивать», и обучать.

— Но часто ваши оппоненты говорят, что суггестопедия не может быть широко применена в системе образования из-за того, что требуются не только специально оборудованные помещения, но и высококвалифицированные, прошедшие длительную подготовку преподаватели. Ведь недостаточно просто изложить вашу методику рядовому учителю...

— Совершенно верно. На данном этапе развития суггестопедической системы обучения личность преподавателя играет исключительно важную роль. Каждый урок — это как бы концерт, даваемый им для своих учеников. От его поведения, манеры держаться во многом зависит, как слушатели усваивают материал. Неподготовленный же человек может скомпрометировать саму идею. Но, во-первых, всему можно научить, что мы и делаем у себя в институте. Во-вторых, ссылки на трудности подготовки кадров не могут бросить тень на эффективность метода. Телегой, например, может управлять любой и сразу, автомобилем — почти все, но после нескольких месяцев обучения, а самолетом — сравнительно немногие, и учиться для этого надо не один год. Но ведь не отказываемся же мы на этом основании от авиации!

— Насколько мне известно, суггестопедическая методика преподавания уже практикуется в ряде стран...

— Многолетние совместные эксперименты и творческая дружба связывают нас с коллегами из многих учебных заведений вашей страны, внесшими свой вклад в развитие суггестологии. После успешных опытов в СССР на основе международных соглашений суггестопедический метод преподавания начал применяться в ГДР, Венгрии, Австрии, Канаде, США.

— Каковы ваши дальнейшие планы?

— Конечно, мы собираемся всячески развивать суггестопедический подход к проблемам обучения. На состоявшихся в Болгарии, СССР, Канаде и США конференциях были обсуждены достижения и намечены перспективы прогресса суггестологии. Мы стараемся сделать легким и естественным удовлетворение одной из естественнейших потребностей человека — потребность в информации.

ИНГЛИШ? ФРАНСЕ? ДОЙЧ?

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР О ТОМ, КАК БЫСТРЕЕ И ЛУЧШЕ УЧИТЬ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

ОНИ НАЧИНАЛИ С НУЛЯ...

Статья Г. Силиной «Инглиш? Франсе? Дойч!» («ЛГ», № 42, 1974) поднимает важную и актуальную проблему: как изучать и как преподавать иностранные языки, чтобы их действительно знали, чтобы государство не несло экономических и моральных потерь, связанных с незнанием языков и неумением извлекать научно-техническую информацию из иностранной литературы? В 1972 году у нас на кафедре начали работать экспериментальные группы ускоренного обучения английской разговорной речи под руководством преподавателей, предварительно прошедших стажировку в Москве. Первая группа была укомплектована почти исключительно инженерно-техническими работниками Волжского автомобильного завода. Четверо из них до начала занятий английский язык вообще никогда не изучали. Два-три человека с грехом пополам умели читать и переводить со словарем техническую литературу. Остальные давно забыли все, чему их когда-то учили.

Мы все с большим интересом следили за ходом занятий, удивляясь и радуясь метаморфозе, происходившей с нашими слушателями. Особенно поразительными были успехи начавших с нуля. Первые 5—6 дней они не верили в то, что смогут чему-то научиться за столь короткое время, не говоря уж о том, чтобы начать разговаривать на английском языке. Однако ко второй половине цикла, то есть на 12—15-й день, они так «разговорились», что остальные члены группы иногда просили их «сделать перерыв» и дать им тоже возможность высказаться.

После первой экспериментальной было еще много групп — у нас обучались работники электротехнического завода, завода цементного машиностроения, научно-исследовательских институтов, врачи, работники радио и телевидения и, конечно, преподаватели, аспиранты и научные сотрудники нашего института.

Итак, два года мы работали со взрослыми людьми, имевшими, как правило, высшее образование. В этом учебном году началась решающая стадия эксперимента. Вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что настала пора обучать ускоренным методом, дающим такие обнадеживающие результаты, именно студентов! Иначе ведь приходится тратить государственные средства и дорогое время дважды: обучать студентов иностранному языку, а потом переучивать или доучивать специалистов.

Но перед внедрением нового метода преподавания в широкую вузовскую практику еще очень много нерешенных проблем. Первая и главная из них — подготовка кадров. И здесь я в корне не согласна с автором статьи «Инглиш! Франсе! Дойч!». Она пишет: «Может быть, стоило бы в опытном пока порядке создать несколько вневузовских центров, где студенты могли бы изучать язык (или языки) в удобное для них время, а в свои институты приносить документы, свидетельствующие об окончании курса!» Но ведь в таком случае знать язык опять-таки будут лишь избранные! А должны знать его все, имеющие высшее образование (вспомним эпиграф статьи «Если вы изучали иностранный язык, вы должны владеть им...»). Нужно создавать центры для подготовки преподавателей, которые в свою очередь будут обучать студентов по новой методике. Этот вопрос уже назрел, и такие возможности, а главное, кадры у нас в стране есть: это «школы» И. Ю. Шехтера, В. Л. Захарова, С. И. Мальник, Г. А. Китайгородской и других педагогов-энтузиастов.

Следующей важной проблемой является статус преподавателей, ведущих занятия в экспериментальных группах. Насыщенность занятий, большие затраты нервной и физической энергии исключают возможность давать им полную нагрузку (800—900 часов в год). Максимум 500 часов! Но в рамках институтского штатного расписания добиться этого очень трудно.

Не менее важным является вопрос о месте иностранных языков в учебных планах. Сейчас существует полнейший разнобой в сроках изучения языка в неязыковых вузах, в проведении зачетов и экзаменов. В одних институтах изучают язык 2 года, в других — 3, в третьих — 4; в одних вузах есть факультативные занятия и экзамен проводится на 4-м курсе, в других — их нет и экзамен проводится на 2-м курсе; в третьих экзамен вообще объявлен добровольным! Не пора ли упорядочить этот вопрос, установить какое-то единообразие? На наш взгляд, оптимальная система существует в Ленинградской лесотехнической академии (где, кстати, широко проводится экспериментальное обучение по ускоренному методу): на 1-м курсе обучение иностранному языку факультативное. 210 часов обязательных занятий распределены равномерно между 2-м, 3-м и 4-м курсами. Таким образом, студенты заканчивают изучение языка, когда они уже знакомы со своей специальностью, и чтение технических текстов, а также устная речь на научные темы не оторваны от их общей подготовки. Если принять такую систему, обучая студентов на 3—4-м курсах по ускоренному методу, то к моменту окончания вуза они приобретут необходимые знания, умение и навыки, действительно овладеют иностранным языком.

Да, проблем, ждущих своего решения, еще очень много. И все же я думаю, что скептики неправы: прошло время «старой обуви», ее пора выбрасывать и приступать к решению назревших проблем эффективного обучения студентов неязыковых вузов иностранному языку.

П. РУСАКОВА,
кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков Тольяттинского политехнического института

Урок иностранного языка в сельской школе (совхоз «Кулундинский» Алтайского края)
Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

На вопросы социологической анкеты отвечают сельские школьники

Демограф комментирует статистические данные о возрасте молодоженов

Динамику читательского спроса анализирует работник библиотеки

«Я БЫ В ЛЕТЧИКИ ПОШЕЛ...»

ИССЛЕДОВАНИЕ, которое провели новосибирские ученые вместе с «Литературной газетой», — о нем было рассказано в статье «Банк грез» и баланс судеб» — очень интересно. Только одно огорчительно: изучение касалось лишь горожан. Ну, а как развивается духовный мир, как складываются судьбы сельской молодежи? В 1967 и 1974 годах среди тысячи семисот учеников четвертых — десятых классов Ржаксинского района Тамбовской области был проведен социологический опрос. Ребята получили те же вопросы, которые задал школьникам Горицкой волости Тверской губернии в 20-х годах известный исследователь советской деревни А. М. Большаков «Кем бы мне хотелось быть? Почему именно им?»

Ответы на эти вопросы характеризуют профессиональные и личные идеалы сельских ребят. Сравнение показывает, какие громадные изменения в сознании, нравственности, взглядах произошли у них за годы Советской власти.

Каждый пятый из 165 опрошенных А. М. Большаковым мальчиков хотел стать сапожником, каждый девятый — учителем, 7,6 процента — агрономом, 7,1 — лавочником. Далее идут портной, охотник, техник (от 5,3 — до 4,1 процента); столяр, кузнец, художник, «культурный крестьянин» (по 2,9 процента); землемер, писарь, барышник, инженер, плотник (от 2,4 до 1,8 процента). А всего мальчики назвали 35 профессий.

Чуть ли не каждая третья девочка хотела в двадцатые годы стать учительницей или портнихой, 6,8 процента — «хорошей крестьянкой», от 3,4 до 2,5 процента — прислугой, башмачницей, заготовщицей, «агрономшей», лавочницей, кассиршей, ученой. Были названы профессии фельдшерицы, художницы, «фабричной», докторши. Некоторые хотели стать барынями, даже спекулянтками. Всего 120 девочек выбрали для себя 18 профессий.

Кем же хотят стать нынешние сельские школьники? Каждый четвертый мальчик — шофером, почти каждый пятый — летчиком. Далее идут военный, инженер, механик, моряк, геолог, радиотехник, врач, строитель, тракторист. Профессия учителя у мальчиков стоит на девятнадцатом, агронома — на двадцать первом, зоотехника — на тридцать шестом месте. Всего 824 мальчика назвали 54 профессии.

Преобладающая часть девочек выразила желание стать врачом — 28,8 процента, учителем — 24,3 процента, воспитателем — 8,2 процента. Затем — артистка, геолог, агроном, продавец, инженер, шофер, летчица, медсестра, библиотекарь, повар и т. д. Всего 885 девочек назвали 44 профессии. Простое сопоставление показывает, сколь широк стал диапазон выбора.

Для понимания духовного мира школьника нужно знать не только, какую специальность он хочет приобрести, но и почему.

Самым важным фактором, влияющим на выбор профессии у школьников 20-х годов (37 процентов), являлось желание побольше зарабатывать. У трети детей встречается такое объяснение: «чтобы есть каждый день». Например, профессия сапожника привлекала тем, что он «всегда с работой. В тепле. Ест каждый день хорошо. Много зарабатывает», учителя — «уменьшение безграмотности. Легкая жизнь. Работа денежная...» Инженер — «мало работает. Дела денежные».

Останавливаясь на той или иной профессии, ребята Горицкой волости исходили в основном из личных интересов. Так проявились частнособственнические интересы, господствовавшие в психологии и сознании крестьянина того времени.

Сейчас все резко изменилось. Основным критерием выбора у мальчиков (59 процентов) и девочек (67 процентов) стала любовь к профессии. Материальная сторона стоит на восьмом и десятом месте и занимает у мальчиков — 0,6, а у девочек — 0,2 процента. Жажда известности и славы явилась мотивом выбора профессии лишь у единиц.

Сравнивая ответы детей, легко убедиться в том, какая переоценка ценностей произошла за несколько десятилетий. Теперь придается большое значение потребностям не материального, а духовного порядка. Вот несколько ответов современных ребят. Хотят стать учителем, чтобы «давать людям знания», военным — «чтобы все жители нашей страны жили в покое чтобы не было войны», врачом — «врач спасает жизнь людям», инженером, химиком — «принести пользу людям в освоении загадок природы», трактористом — «мне нравятся машины. Хочу помогать людям выращивать хлеб» и т. д.

Если у горицких ребят только три процента ответов было связано со стремлением служить другим, то школьники 70-х годов почти все ставят перед собой гуманную задачу служения людям.

Как же идеалы ребят в выборе профессии согласуются с действительностью?

Вот как сложилась судьба выпускников сельских средних школ области, получивших аттестаты зрелости в 1974 году. Из 8408 десятиклассников 5187 продолжают получать образование — высшее или среднее специальное. Это 61,7 процента выпуска. Стали работать в различных отраслях народного хозяйства 2823 выпускника, или 33,6 процента, в том числе 1080 пошли трудиться на промышленные предприятия, 1204 — в колхозы, совхозы и другие организации сельского хозяйства, 82 — в строительные организации, 88 — на предприятия и в организации торговли и общественного питания, 46 — на предприятия жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания.

Конечно, желания учащихся приходится соотносить с возможностями, которые дает реальная действительность. Тем не менее на «баланс судеб» жаловаться, как видим, не приходится.

М. ДРОБЖЕВ,
кандидат философских наук, заведующий отделом Тамбовского обкома КПСС

РАННИЙ БРАК?

А. ВИШНЕВСКИЙ,
кандидат экономических наук

ЕСЛИ у вас, читатель, есть взрослые дети, то не кажется ли вам, что они и их сверстники стали обзаводиться семьями гораздо раньше, чем это было в «ваше время»? А если вы сами молоды, то, может быть, заметили, что браки ваших друзей вызывают некоторое удивление людей старшего возраста: не слишком ли юные пошли молодожены? Не исключено даже, что вы и сами связали себя узами Гименея, не дождавшись своего двадцатого дня рождения.

Увеличение ранних браков? Так ли это? А если так, то надолго ли? Что это — устойчивая тенденция или недолговечная мода? И, наконец (спросит тот, кто во всем любит полную определенность), в каком возрасте «правильно» жениться и выходить замуж, в каком возрасте «надо» это делать?

«...О замужестве пора подумать. В Вероне многие из знатных дам тебя моложе, а детей имеют», — говорила синьора Капулетти своей дочери Джульетте. Через две недели Джульетте должно было исполниться 14 лет. В старину вступали в брак рано. Да и не только в старину. Во многих странах традиции очень ранних браков дожили до наших дней. И сейчас в Индии, например, половина всех женщин выходит замуж к семнадцати годам.

Но в странах Западной Европы со времен Шекспира многое изменилось. В середине прошлого века, например, в таких странах, как Англия, Ирландия, Швеция, Норвегия, Дания, Нидерланды, Швейцария, от 70 до 85 процентов женщин двадцати — двадцати четырех лет еще не были замужем. И даже среди тех, кто постарше (25—29 лет), около половины все еще «ходили в невестах».

Так было в Европе не только в середине прошлого века, но и в начале нынешнего: мало что изменилось и в период между двумя мировыми войнами.

Но на большей части европейской России господствовали иные традиции: здесь были приняты ранние браки — больше половины невест становились женами до двадцати. С тех пор много воды утекло, и наши «молодые» явно постарели: не справив двадцатилетия, играет свадьбу примерно каждая третья, выходящая замуж. Откуда же берутся разговоры о ранних браках, о мальчишках и девчонках, которые женятся («выскакивают замуж»), не успев, что называется, стать людьми? Может быть, это ошибочное впечатление?

Нет. Впечатления правильные. Сейчас у нас действительно увеличивается доля ранних браков. Но по сравнению с чем? Не с дореволюционным временем, а с относительно недавним периодом; нынешнему «омоложению» молодоженов предшествовало их «постарение». Общее представление об изменениях в возрасте вступления в брак дают следующие цифры: доля замужних среди женщин восемнадцати - девятнадцати лет в 1926 году составляла 29 процентов, в 1939 — 25, в 1959 — 17, в 1970 году — 19 процентов. Как видим, до 1959 года ранние браки становились все более редкими, затем начали встречаться почаще. С чем связаны как одна, так и другая тенденции? Каково их будущее?

ЖЕНИХ ИЛИ НЕВЕСТА?

Личная жизнь отдельного человека может сложиться несчастливо, даже трагически. Бывает неразделенная любовь, болезнь, смерть, бывают и другие причины, из-за которых откладываются свадьбы, — это понятно. Но далеко не все отдают себе отчет в том, сколь трудной может быть судьба целого поколения. На первый взгляд, люди, родившиеся немного раньше или немного позже, находятся в таком же положении, как и все прочие, вместе со всеми переносят испытания, выпадающие на долю народа. И все-таки определенные возрастные группы, именно они, принимают на себя главный удар. Так бывает, например, в период войны.

Война оставляет неизгладимый след в жизни народа. Многие нанесенные ею раны можно залечить: восстановить разрушенные города, засеять вытоптанные поля, поставить на ноги детей, оставшихся без родителей, — их жизнь впереди. Но есть раны, не залечивающиеся долгие десятилетия. К ним, в частности, принадлежат те, которые демографы прозаически называют «деформированностью возрастной пирамиды».

Женщины, как известно, выходят замуж не столько за своих сверстников, сколько за мужчин на несколько лет старше себя. Следовательно, чтобы свадьбы игрались своевременно, должно быть достаточно женихов, родившихся на несколько лет раньше своих будущих невест. А войны приводят к тому, что уже в момент рождения девочек ясно: многие из них никогда не станут женами...

По переписи населения 1926 года, в СССР было свыше 11 миллионов девочек, родившихся в 1922—1926 годах. В то время, как они учились ходить и говорить, их потенциальные мужья бегали с рогатками и читали по складам. И никто не задумывался над тем, что «мужей» этих мало, поскольку они родились в трудные годы гражданской войны. На каждые сто девочек 1922—1926 годов рождения приходилось меньше 70 мальчиков, родившихся в 1917—1921 годах. Естественно, что браки у этих девочек, вне зависимости от личных обстоятельств, в среднем должны быть более поздними, чем обычно. Мы никогда не узнаем, как разрешился бы этот конфликт, потому что, когда девушки 1922 года рождения достигли девятнадцати, наступил 1941-й год.

Война унесла миллионы жизней. Невесты так и не дождались своих женихов. Ситуация изменилась лишь в конце 50-х годов, когда, как говорят демографы, в брачный возраст вступили девушки, родившиеся в годы Великой Отечественной войны. Их было мало (шла война), а потенциальных мужей, то есть мальчиков, появившихся на свет в конце 30-х годов, — много. Тут-то и выяснилось, что «повышенным спросом» пользуются уже не женихи, а невесты. В 1959 году на каждые сто женщин пятнадцати—девятнадцати лет приходилось более 120 мужчин от двадцати до двадцати четырех. И подобно тому, как недостаток женихов неизбежно ведет к поздним бракам, так нехватка невест делает их более ранними.

НЕ ПО ПРАВИЛАМ

И все-таки ранние браки и сейчас — явление довольно редкое. Напоминаю: в 1926 году чуть ли не каждая третья 18—19-летняя женщина была замужем, в 1959 году (одном из самых благоприятных с демографической точки зрения) — лишь каждая шестая.

Стало быть, дело не только, а может быть, и не столько в диспропорциях, сколько в обычаях, традициях, взглядах. Коренные сдвиги в образе жизни привели к глубоким и устойчивым изменениям в установках людей относительно брака. СССР перестал быть аграрной страной с тем специфическим сельским бытом, для которого характерны ранние свадьбы. Изменилось положение женщины, теперь она наравне с мужчиной участвует в общественном производстве и общественной жизни. Молодые люди относительно поздно заканчивают образование и приобретают экономическую самостоятельность. Казалось бы, все ясно: женитьба (замужество) откладывается «на потом».

Ясно, да не совсем. Потому что откуда же тогда новое увеличение доли ранних браков? Увеличение, которое, заметим, происходило в условиях, когда соотношение полов снова ухудшилось: в конце 60-х годов на 100 женщин, родившихся в годы подъема рождаемости конца сороковых — начала пятидесятых годов, приходилось около 80 мужчин первых послевоенных лет рождения. Скорее можно было ожидать, что браки будут становиться все более поздними, а они, совсем уже «не по науке», начали вдруг молодеть.

Кстати, и на Западе устойчивая традиция поздних браков начала сдавать позиции. Во многих западноевропейских странах, где еще перед второй мировой войной 70—80 процентов двадцати-, двадцатичетырехлетних женщин были незамужем, к середине шестидесятых годов их стало 50—60 процентов. А США пережили настоящий «бум» ранних свадеб: подавляющее большинство выходило замуж до 25. В то же время и в этих странах увеличивается экономическая самостоятельность женщин, расширяется их участие в производстве, растет уровень образования. В чем же дело?

Присмотримся к цифрам более внимательно. Вот как изменялась доля замужних в общем числе женщин в возрасте 18—19 лет в некоторых союзных республиках по данным трех последних переписей населения (в процентах):

	1939 г.	1959 г.	1970 г.
Украинская ССР	20.0	14.8	18.7
Армянская ССР	71.1	25.3	26.8
Эстонская ССР	6.3	9.3	11.5

Различные республики как бы проходят — хотя и не одновременно — один и тот же путь. Сначала доля ранних браков сильно сокращается, а затем снова увеличивается, хотя и не достигает прежнего уровня. Однако, если не считать прибалтийских республик, где поздно формировать семью было принято еще до революции, то к европейским рекордам замужества чуть ли не в тридцать ни одна наша республика и близко не подошла. Создается впечатление, что факторы, из-за которых в прошлом приходилось откладывать браки, перестают действовать.

Что же это за факторы?

ПО НОВОМУ КАЛЕНДАРЮ

Сейчас много говорят и пишут об акселерации, и велик соблазн объяснить тенденцию к «омоложению» молодых» более ранним их созреванием. Не стану полностью отрицать влияние акселерации, вероятно, оно не исключено. Но сразу хочу сказать, что возраст вступления в брак — объект социально-культурного регулирования. Он совсем не обязательно жестко привязан к возрасту полового созревания. Ни в Индии, где женили девяти-, двенадцатилетних детей, ни в Ирландии, где еще 80 лет назад две трети невест не были замужем и к двадцати пяти годам, брачные обычаи не ориентировались на достижение половой зрелости. Да и сейчас, когда говорят о том, что нынешние «молодые» помолодели, имеют в виду не пятнадцати-, шестнадцатилетних подростков. А женитьба или замужество в 18 лет не требуют никакой акселерации.

Может быть, ранние браки обусловлены общими изменениями в жизни людей? Скажем, повышение уровня жизни могло привести к тому, что молодые вступают в брак, не дожидаясь экономической самостоятельности, в расчете на помощь родителей. Не исключено и такое обстоятельство: более раннее вступление в брак как-то связано с тем, что более легким стал... развод. Очевидно одно: новая тенденция — результат совместного действия многих факторов. И хотя роль каждого изучена пока слабо, на одном из них, несомненно, сыгравшем огромную роль в «омоложении» нынешних женихов и невест, стоит, пожалуй, остановиться более подробно. Речь идет о все более полном переходе супругов к внутрисемейному регулированию рождаемости.

Прежде откладывание свадеб было главным средством откладывания рождений. В дореволюционной России средний возраст женщин при рождении последнего ребенка приближался к сорока годам. Когда выходили замуж рано, период, занятый почти непрерывными беременностями, родами, выкармливанием детей, растягивался чуть ли не на двадцать лет. Теперь, поскольку семья может планировать время появления детей, откладывать свадьбу нет никакой необходимости. Даже наоборот. Есть смысл сыграть ее пораньше: удобнее не позже начать, а раньше кончить выполнение материнских обязанностей. Таков результат всемирного «голосования», в котором, сами того не зная, приняло участие многие сотни миллионов семей в разных странах.

Так как для СССР характерны довольно молодые браки, то и рождаемость у нас никогда не была такой поздней, как в Европе. И все-таки она продолжает быстро молодеть. Если в 1926—1927 годах женщины до двадцати пяти лет рожали 27 процентов детей, то сейчас — 42 процента, то есть чуть ли не каждый второй ребенок рожден совсем молодой. А это значит, что у нее много сил и все возможности развития ее личности, ее духовного роста еще впереди. Эмме Бовари, которую не ждало никакое поприще, кроме семейного, может быть, и не следовало бы спешить с завершением выполнения материнских функций. Но когда женщина принимает всестороннее участие в жизни общества, возможность «уплотнить» свои жизненные планы, рационализировать «календарь» своей жизни очень важна.

ВРЕМЯ ИГРАТЬ СВАДЬБУ

Возраст вступления в брак, а также тот, в котором рождают детей, изменяется по каким-то своим законам; мы их пока знаем плохо. Сейчас я бы не стал брать на себя роль предсказателя тех тенденций, свидетелями которых мы можем стать в ближайшие десять—двадцать лет. Думаю, однако, что пора сверхранних браков — до восемнадцати лет — уже не вернется. Что Джульетта в давней Вероне? У нас в Армении перед войной почти 35 процентов девочек в возрасте 16—17 лет были замужем. Ныне этого нет, и все тенденции к омоложению браков, где бы они ни проявлялись, мало затрагивают столь ранние возрасты.

Браки в 18—19 лет — это уже не сверхранние, а просто ранние, в них, как мы видели, есть объективный смысл, они, возможно, соответствуют жизненному укладу современного человека. Но нельзя пройти и мимо негативных сторон, связанных с ранним вступлением в брак. Например, американский опыт показывает, что семьи очень молодых — наименее прочные. Один исследователь пришел даже к выводу, что доля замужних женщин в возрасте до 20 лет — лучший статистический предсказатель частоты последующих разводов.

Конечно, не всегда молодая семья попадает в идеальные условия, ей часто приходится сталкиваться и с жилищными, и с денежными, и с другими трудностями. Но если эти трудности и заставляют откладывать создание семей, то «помоложение» молодых говорит о том, что их становится все меньше.

Так все-таки: когда же теперь надо жениться или выходить замуж, спросите вы. Ну, если это интересует лично вас, то, думаю, тогда, когда вы встретите человека, с которым захотите и сможете надолго связать свою жизнь. Статистика в таких делах — не указ.

ПЕРВОКУРСНИКИ...

Фото В. ЧЕЙШВИЛИ

КНИГ МНОГО—КНИГ МАЛО

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ обратила внимание на странное, обидное несоответствие: книг выпускается все больше, а желанную книгу раздобыть все труднее — и в книжном магазине, и в библиотеке.

На что только не идут книголюбы! За бешеные деньги покупают желанные книги у спекулянтов. Пытаются найти их по объявлениям через газету «Книжное обозрение». Магазины «Книга—почтой» завалены письмами с просьбами прислать необходимые произведения; сотрудники не успевают даже отвечать на них. В отделы межбиблиотечного абонемента (МБА) крупных библиотек поступают тысячи требований на книги, которых не оказалось на местах.

А между тем полки магазинов не пустуют, а библиотек ломятся от книжной продукции; списки залежавшихся и новых фолиантов печатаются в газетах; молодые голосистые коробейники XX века на станциях метро энергично призывают пассажиров купить литературу, вышедшую два, три, четыре года назад. («Только у нас! Последние экземпляры! Маленький тираж! Один из героев романа — разведчик и шпион! Осталось всего несколько книг!» — так, например, рекламировался недавно роман, выпущенный в 1973 году тиражом 200 000.) Нередко нарушаются правила торговли, и дефицитные книги продаются с нагрузкой... И все же некоторые издания не удается полностью продать не только индивидуальным покупателям, но и библиотекам.

А разве лучше, если ненужная книга будет лежать без движения в библиотеке?

Я говорю сейчас прежде всего о технической и научной литературе. Исследование показало, что тридцати процентов изданий по электротехнике выпуска 1970 и 1971 годов в Центральной городской библиотеке Череповца не касалась рука читателя. Судя по названиям и подзаголовочным данным, это учебники для вузов и монографии для специалистов: «Основы конструирования транспортных электрических машин» (3 экземпляра), «Изоляция электрических машин общепромышленного применения» (3 экземпляра), «Технология и оборудование производства электрических машин» (3 экземпляра), «Обмоточные данные асинхронных двигателей» (2 экземпляра) и многие, многие другие.

Вот третье издание учебника «Сборка масляных трансформаторов». Первое издание — 1964 года — за шесть лет было выдано всего шесть раз. Последнее издание — 1971 года — поступило в библиотеку в трех экземплярах. За год — одна книговыдача... Первое издание «Справочника молодого рабочего по изготовлению сборного железобетона» за десять лет читатели брали три раза. Тем не менее в библиотеку поступило издание 1971 года еще в двух экземплярах. С тех пор его не спрашивал никто. Увесистый фолиант «Математика для втузов. Специальные курсы» пришел в пяти экземплярах. Книгой не воспользовался ни один читатель. Новенькими выглядят и четыре экземпляра издания 1969 года.

Не хочу умалять достоинство названных книг. Но должна ли эта специальная литература находиться в любой библиотеке да еще в таких количествах! Ведь есть же межбиблиотечный абонемент, через который можно заказать любую книгу.

Недавно в Липецке я анализировала использование фондов трех библиотек: центральной городской, филиала № 6 и профсоюзной. Из 714 книг по истории русской советской литературы, находящихся на абонементе этих библиотек, 195 на протяжении последних двенадцати лет никто не раскрывал. Все эти книги, вероятно, хорошие и нужные, но в липецких библиотеках они спросом не пользуются. Возможно, издания эти нужны в другом месте. А возможно... надо было издавать тиражом поменьше!

Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина несколько лет изучала состав и использование книжных фондов научных библиотек областных городов РСФСР. Брались книги по разным отраслям знаний, видам изданий, типам литературы и периодам издания. В большинстве библиотек тридцать — сорок процентов книг ни разу не были запрошены читателями в течение свыше пяти лет.

В массовых библиотеках более двадцати процентов книг не выдается и не может быть выдано читателям. Это издания, которые либо вообще не нужны данным библиотекам, либо ничем не отличаются от предыдущих переизданий, а также книги узкого спроса, рассчитанные на немногих специалистов.

Десятки миллионов рублей тратят каждый год массовые библиотеки страны на книги, которые пылятся на стеллажах без употребления.

Виноваты в этом не только книгоиздатели, но и библиотекари: не возвращают ненужные книги в коллектор — боятся обострять отношения с издательствами. Так создается опасная видимость благополучия: книга разошлась, значит, можно планировать переиздание.

От этого тройной вред: тратятся зря деньги и без того тесные помещения захламляются, библиотекари отвлекаются от работы с читателями и учитывают, обрабатывают и расставляют литературу, чтобы через несколько лет выбирать ее из общей массы, перераспределять по библиотекам или списывать для сдачи в макулатуру.

Еще об одной причине перенасыщенности ненужной литературой киевские библиотекари Т. Волошина, С. Уманец, З. Шустер и другие специалисты писали в профессиональном журнале «Библиотекарь»: устарело распоряжение, устанавливающее зависимость штата библиотек главным образом от величины книжного фонда. Оно побуждает библиотекарей накапливать большое количество литературы, даже неиспользуемой...

Так какими же тиражами надо выпускать ту или иную книгу? На этот трудный вопрос ответить, конечно, непросто. Возможно, точные цифры могли бы помочь найти социологи. Работа эта труднее, большая и крайне необходимая.

Конечно, бумаги надо производить больше, но надо и хозяйственно пользоваться имеющейся — печатать на ней те книги, которые сейчас ждут, которые трудно, подчас невозможно купить.

Л. ПЕРВОУШИНА,
старший научный сотрудник Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина

ПУТЬ К ТРИУМФАЛЬНОЙ АРКЕ

Имя Андре Толле, члена Французской коммунистической партии, героя движения Сопротивления, можно видеть сейчас на обложке изданной во Франции книги «Подземный ход». Это написанная Толле хроника легендарного побега девятнадцати заключенных из концентрационного лагеря в Компьене. Книга начинается с 18 октября 1940 года, дня, когда полиции удалось схватить Андре Толле, [illegible]

[illegible] цев Сопротивления. Из девятнадцати бежавших восемь были снова схвачены. Андре Толле в течение некоторого времени находился в Нормандии, потом вернулся в Париж, где ему было поручено обеспечение связей подпольного Конфедеративного бюро. В 1943 году он создает Парижский комитет освобождения, во главе которого он был до самого конца. Осенью минувшего года одному из снимков, который можно видеть на стенде Парижского Музея Сопротивления, исполнилось тридцать лет. Он был сделан 8 сентября 1944 года под сводами Триумфальной арки, [illegible] генерал [illegible] главнокомандующий [illegible] войск, вручал Андре Толле значок [illegible] штаба экспеди[illegible]. [illegible] В настоящее время Андре Толле возглавляет парижский Музей Сопротивления. Этот музей стремится деятельно участвовать в создании подлинной истории Сопротивления, [illegible]

— Как вы получали информацию о победах Советской Армии в период Сопротивления?

— Способ, каким мы получали эти сведения, был очень простым. Во-первых, вражеской прессе приходилось о них говорить. Кроме того, редки были семьи, которые не слушали бы регулярно лондонское радио. Несмотря на глушение и несовершенство тогдашних приемников, оно неплохо принималось во Франции. Радио Москвы принималось труднее.

Кто-то совсем недавно я услышал от одного товарища фразу, произнесенную однажды, уже после освобождения, Венуа Фрашоном: «Сколько труда доставлял он нам своими пачками неразборчиво исписанных листовок, которые буквально приходилось расшифровывать». Это было сказано о товарище Ма[illegible], который принимал передачи из Москвы, закутав приемник и голову 2—3 одеялами, чтобы заглушить посторонний шум. Он записывал все слышанное изобретенной им своеобразной стенографией и передавал полученные сведения нашему руководству.

Благодаря этим «листовкам» «Юманите» уделяла максимум места из своего скромного формата информации о советских победах.

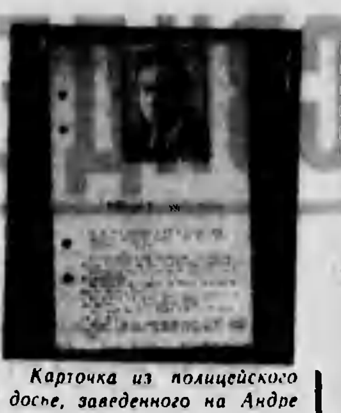
Нужно ли говорить, каким источником энергии и мужества это было для участников Сопротивления, будь то коммунисты или нет.

Я, кстати, писал в своих воспоминаниях, как тюремные охранники во французских тюрьмах реагировали на нападение немцев на СССР. Я, как сейчас, слышу слова одного из них, сказавшего мне 22 июня 1941 года: «Теперь немцам не поздоровится». С этого момента все французы с особенным волнением ожидали новостей с Восточного фронта, а в Музее Сопротивления находится много карт Советского Союза, полученных от людей, прятавших их за дверьми квартир и передвигавших флажки по мере продвижения Советской Армии.

— Какие моменты вам особенно запомнились в ночь вашего побега из лагеря?

— Эта ночь с 21 на 22 июня 1942 года подробно описана в моей книге.

И, я думаю, легко поверить в то, что и для меня, и для всех моих товарищей все эти минуты незабываемы. Но есть и среди них особенно памятные. Когда мы уже все спустились в вырытый нами сорокапятиметровый подземный ход и оставалось только пробить отверстие, которое вывело бы нас наружу, Жорж Коньо вдруг заявил, что он должен вернуться. На вопрос: «Почему?» — последовал совершенно неожиданный ответ: «Я забыл свой галстук». Мы едва не рассмеялись. Но нам стало не до смеха, когда Коньо объяснил, что в галстуке у него спрятан список оставшихся товарищей, которые принадлежали к нашей тайной организации в лагере. Нельзя было терять ни минуты, и мы понадеялись на то, что оставшиеся от нас вещи, как всегда в таких случаях, попадут в надежные руки друзей. Вздох облегчения, однако, вырвался у нас всех через несколько минут, когда Коньо обнаружил галстук в своем кармане! Не забуду, конечно, и того мгновения, когда, пробив отверстие, я первый выглянул наружу: ночь, пшеничное поле и... метрах в двух-трех будка часового.



Карточка из полицейского досье, заведенного на Андре Толле после его побега из концлагеря в Компьене.

— Когда писалась книга, руководило ли вами простое желание рассказать о событиях или вам хотелось в первую очередь обратиться со своим рассказом к новому поколению, для которого эта борьба — лишь воспоминания отцов, ну и, конечно, матерей.

— Я уверен: несомненно, нужно увековечить память об антифашистской борьбе нашего народа, о деятельности патриотов, проводимой даже в тюрьмах и концлагерях, но это не было моей основной заботой.

Своей книгой мне хотелось дать отпор иногда еще существующим взглядам, которые являются результатом или простого незнания действительности, или следствием намеренно искаженной информации о минувшем.

Мне хотелось громко заявить: «Да, мы, коммунисты, боролись за родину, за Францию, за то, чтобы она внесла свой достойный вклад в великую победу, которую одержали народы в борьбе с фашизмом».

30 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Профессор Д. ПРОЭКТОР

ПЬЕСА С КОЛЬЦЕВЫМ СЮЖЕТОМ

О ТОМ, КАК БИ-БИ-СИ ПЫТАЕТСЯ ПЕРЕСМОТРЕТЬ ИТОГИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

КОГДА 9 мая этого года миллионы людей в различных странах мира отметят 30-летие Победы над фашизмом, они не смогут мысленно не охватить и той эпохи, которая началась с последними выстрелами второй мировой войны.

В весенний день 1945 года люди горячо верили: теперь наступит длительный мир. Но прошло совсем немного времени, и развернулась «холодная война».

История сложилась так, что 30-летие Победы совпадает с периодом постепенного поворота от «холодной войны» к разрядке международной напряженности. И вполне понятно, что мысли о Победе ассоциируются ныне с раздумьями о последовавших за ней исторических процессах. В странах Запада усиливается стремление общественности понять: в чем причины возникновения «холодной войны»? Кто повинен в колоссальной растрате национальных богатств, навязав миру это изнурительное противоборство?

Те западные круги, которые хотели бы оправдать прошлое, пытаются ныне сконструировать пеленаправленные исторические модели. Расчет состоит в том, чтобы убедить людей: «холодная война» развернулась не по вине капиталистических стран и не от них зависит, закончится она полностью или нет.

Именно такую попытку в связи с приближающейся исторической датой — 30-летием Победы — предприняли недавно британское телевидение и журнал «Лиснер», орган Би-би-си.

Это была необычная многосерийная политико-мемуарная телепостановка под названием «Нерешенный мир». В качестве действующих лиц выступали видные государственные, политические, военные деятели Запада, находившиеся в послевоенные годы в центре мировых событий, а также известные дипломаты, журналисты. Среди них — Энтони Иден (ныне лорд Эвон), бывший канцлер ФРГ Людвиг Эрхард, видные политические деятели США Аверелл Гарриман, Джордж Кеннан, бывший глава военной администрации в Германии генерал Люшиус Клей, его политический советник Роберт Мэрфи, бывший госсекретарь США Дин Раск, генералы Л. Лимнитцер, Э. Дж. Гудпейстер и другие. Текст постановки тоже за серией публиковался в выпусках журнала «Лиснер».

Участники передачи отвечали на заранее подготовленные вопросы. Аналитическую часть взял на себя комментатор британского телевидения Джон Туза.

Демонстрируя изощренную технику политической пропаганды, он лепил при помощи нацеленных вопросов, обширных комментариев заведомо тенденциозную идеологическую конструкцию. Участники этого необычного интервью, очевидно, не возражали ни против политического обрамления Тузой своих воспоминаний, ни против их публикации в «Лиснере». И поэтому есть все основания считать, что перед нами — наиболее полный вариант современной буржуазной пропагандистской концепции «холодной войны».

Обратимся к тексту передачи. Итак...

ПОЧЕМУ ВОЗНИКЛА «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»?

На этот, пожалуй, самый трудный вопрос участники дискуссии дают следующие ответы:

Джордж КЕННАН. «Я полагал, что русские хотят либо наводнить Европу своей мощью, либо просто включить страны, оккупированные нашими войсками в Восточной и Центральной Европе, в Советский Союз...»

Лорд ЭВОН. По его мнению дело было в том, что англичане и американцы не [illegible] цы называли «объединением англичан и американцев против русских».

В ходе дальнейшего обсуждения обнаруживаются все новые контуры «модели» происхождения «холодной войны». Кеннан рассказывает о «вероятных планах оккупации Европы», которые, как ему казалось, могли быть у Советского Союза. Генерал Клей и Мэрфи повествуют об эпизодах, приведших, по их мнению, к расколу между союзниками по войне. И виновником раскола был, как они утверждают, конечно, СССР. В чем только не обвиняют участники теледиспута Советский Союз! В стремлении оставить Европу разоренной, поглотить ее, уничтожить германскую экономику...

Эти искусственные обвинения по своему замыслу недалеко ушли от реакционной пропаганды 50-х годов. Три десятилетия, отделяющие нас от минувшего, настоятельно требуют иных, глубоких и объективных оценок.

«Холодная война» возникла в конечном счете не из-за разногласий по частным вопросам мирного урегулирования, какими бы острыми они ни были. Она зародилась в связи с провалом политической стратегии тех кругов на Западе, которые рассчитывали, что в результате второй мировой войны Советский Союз будет до крайности ослаблен. Что война закончится таким миром, который обеспечит глобальную гегемонию наиболее развитых капиталистических стран во главе с США.

Но действительность опровергла эти расчеты.

Победа над фашизмом вызвала небывалую по своим масштабам перегруппировку классовых, политических, социальных сил в пользу социализма и демократии. Создание мировой социалистической системы, широкая активизация революционных процессов во всем мире, падение старых колониальных империй, начало глубоких революционных преобразований в странах, становящихся на некапиталистический путь развития, — и все это в условиях развертывания научно-технической революции в начинающийся ядерный век, когда пока только США располагают атомной бомбой. Такова историческая ситуация, в которой протекала «холодная война».

Если мы хотим сегодня лучше понять причины, ее породившие, то должны ясно видеть: наиболее глубокие корни «холодной войны» заложены в интересах реакционных и весьма могущественных кругов империализма. Именно они сразу же после победы начали наступление против политических и социальных итогов второй мировой войны.

СУДЬБЫ «ВЕЛИКОГО ПЛАНА РУЗВЕЛЬТА»

История никогда не идет по одной линии. Ее затейливые узоры не ткутся из единственной нити. Это хотелось бы напомнить тем, кто столь однозначно комментирует историю. Но послушаем дальше.

Роберт МЭРФИ утверждает, что еще в 1946 году «великий план Рузвельта» о сотрудничестве с Советским Союзом — провалился. Рузвельт говорил мне лично о необходимости [illegible] чтобы продемонстрировать наше стремление к совместным действиям с Советским Союзом в германском вопросе... Мы приложили все усилия, но не добились сотрудничества, которое было сутью Потсдамского соглашения. Все это закончилось неудачей».

Советский Союз, утверждает Мэрфи, только и ожидал отвода американских войск из Европы, чтобы установить над ней свое господство. А когда стало ясно, что войска остаются, это якобы оказалось для СССР «тяжким ударом». Комментатор ТУЗА добавляет: «германский и польский вопросы», «коммунистическая угроза» Греции и Турции, американский план «восстановления Европы» вызвали реакцию Советского Союза, превратившего отдельные разногласия по поводу отношения к Германии «в глобальное расхождение во взглядах».

В действительности долговременная цель СССР состояла в мирном и взаимовыгодном сотрудничестве с США и другими державами Запада на основе решений, принятых на Ялтинской и Потсдамской конференциях, которые исходили из учета интересов всех сторон. Они опирались на принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем и открывали мирное будущее. «Великому плану Рузвельта» не было суждено стать реальностью, потому что после смерти президента у руля правления США оказались политические деятели, давно и смертельно ненавидевшие Советский Союз, стремившиеся к мировой гегемонии с помощью атомной угрозы. Усилиями этой небольшой, но могущественной группы политиков, опиравшихся на поддержку крупных монополий и наиболее агрессивных кругов военщины, на первый план выдвигается «атомная дипломатия».

Вот несколько исторических эпизодов 1945 года.

...25 АПРЕЛЯ, в день, когда открывается конференция в Сан-Франциско, призванная создать новую всемирную организацию — ООН, в день, когда советские и американские войска встретились на Эльбе, в кабинете нового президента США Г. Трумэна сидит военный министр Стимсон. Он подробно информирует о программе ядерных исследований: «Через 4 месяца мы, по всей вероятности, завершим работы над оружием, ужаснее которого не знало человечество». Он заявляет президенту: бомба наверняка окажет решающее влияние на отношения с другими странами.

...Позднее Трумэн говорит одному из своих советников: «Если атомная бомба взорвется, а я думаю, что так и случится, у меня будет дубина для этих парней» (то есть для СССР. — Д. П.).

16 ИЮЛЯ. 5.30 утра. Взрыв атомной бомбы в пустыне у Аламогордо.

21 ИЮЛЯ. Сообщение о взрыве доставлено Трумэну в Потсдам. Президент в восторге. Он занимает особо жесткую позицию по отношению к СССР. Лорд Аланбрук записывает 22 июля в дневнике: «Теперь у нас новые ценности, усиливающие нашу позицию. Мы можем говорить задрав подбородок и оскалив зубы». «Атомная дипломатия» началась.

6 АВГУСТА. США сбрасывают бомбу на Хиросиму...

Глубочайший просчет вдохновителей «холодной войны» состоял в том, что они вновь пытались использовать политику силы как средство изменения мира. Человечество только что воочию убедилось на опыте, стоившем 55 миллионов жизней, что исторический прогресс силой нельзя повернуть вспять. Теперь навязывалось нечто подобное же, но в еще более угрожающих масштабах. Упоение атомной мощью не свидетельствовало о политической прозорливости творцов «холодной войны». Новый уровень военной силы не отменил объективных потребностей эпохи. История продолжала идти своим путем. Но вызов породил ответ.

Страны социализма вынуждены были сделать необходимые шаги — создать могущественный военный потенциал, который в конечном счете изменил стратегическую ситуацию в мире.

ЕВРОПА И «ГЕРМАНСКАЯ ПРОБЛЕМА»

Провозглашенная Черчиллем в марте 1946 года в Фултоне с ведома и согласия Трумэна, а также Эттли и Бевина «холодная война» прежде всего затрагивала Европу. А в Европе центром противоборства избиралась Германия. Западные союзники сознательно создали «германскую проблему», поразительно быстро отойдя от согласованных в Ялте и Потсдаме решений. Уже с лета 1947 года США под предлогом озабоченности судьбой немецкого населения развертывают политику возрождения потенциала Западной Германии.

Генерал КЛЕЙ. «Это было необходимо, ибо Германия не производила достаточного количества продуктов питания, чтобы прокормить себя...»

Из дальнейшего хода выступлений проясняется, однако, что дело состояло отнюдь не в гуманизме. Туза в своем комментарии признает, что западная политика была нацелена против русских: «Период, который начался для многих людей представлением, что Германия будет долгие годы в состоянии развала, завершился американской и британской активностью в деле экономического и политического восстановления Западной Германии». Ей отводилась ключевая роль в планах превращения Западной Европы в главный американский плацдарм против социализма. Для этого требовалось много средств. В США исполнительная власть с трудом улаживала финансовые вопросы с конгрессом. И тут пускается в ход, по откровенному выражению Тузы, «идеологическое прикрытие». Развертывается особо широкая политическая и пропагандистская кампания за отпор «русской экспансии в Европу», за необходимость «защиты свободных наций» и т. п. Американцам, по свидетельству К. Джонса, бывшего чиновника госдепартамента, предлагается «принять идею сдерживания русской мощи». Один из главных вдохновителей «холодной войны» — Джон Фостер Даллес провозглашает: «У советской Коммунистической партии существуют фанатические планы завоевания мира».

Это было тогда еще невиданное по своим масштабам идеологическое наступление на американскую общественность, на конгресс, на европейских союзников. Сейчас Туза скромно называет его «прикрытием». Независимо от термина, оно сыграло свою роль.

Реализуется «доктрина Трумэна». Начинается осуществление «плана Маршалла». В нем воплощаются главные стратегические цели США: стабилизировать европейский капитализм, обеспечить широкое внедрение американского капитала в Западную Европу, превратить ее в важнейший элемент будущей глобальной военной системы империализма, противопоставить ее социалистической части Европы, постепенно принудить европейские народно-демократические страны к реставрации капитализма.

В ходе теледиспута Д. КЕННАН пытался так оправдать этот план: «Он был задуман не только как восстановление Западной Европы. Мы были бы рады включить в него и восстановление всей Восточной Европы». Не «план» расколол Европу, утверждает Кеннан, а «сверхподозрительность русских». Наивное объяснение! Ведь «план Маршалла» был неразрывно связан с «доктриной Трумэна», тогда же объявившей беспощадную войну социализму и коммунизму. Кто мог бы верить в таких условиях даже в тень искренности насчет «благотворительных» намерений США по отношению к восточноевропейским странам?

«План Маршалла» оказался решающим шагом к послевоенному расколу Европы, к широкой конфронтации. Программа экономического, военного объединения Западной Европы активизируется на растущей волне антикоммунизма. Эттли заявляет: «Европа (Западная. — Д. П.) должна объединиться или погибнуть». Президент Франции Ориоль говорит: «Европа должна объединиться, если она хочет возродиться и жить». Де Гаспери, Аденауэр, Спаак согласно кивают головами...

Раздаются дружные голоса против «устаревших понятий национального суверенитета». Слово «независимость» стали заключать в кавычки. Все было подготовлено к созданию всеохватывающей военно-политической организации империализма. В апреле 1949 года в Вашингтоне торжественно провозглашается Североатлантический договор. Раскол Европы завершен и в военно-политическом плане.

Теперь его творцы считают возможным раскрыть карты и рассказать, как своей стратегией «идеологического прикрытия» они вводили в заблуждение общественность Запада.

Тот же Джордж Кеннан, которого в США считают одним из немногих людей, действительно хорошо знающих Советский Союз, значительно позже, в августе 1956 года, писал в журнале «Харперс», что рассматривает как «безмерное упрощение» распространенное в США «представление о России, которая якобы стремится напасть на Запад, но сдерживается только потому, что мы обладаем атомным оружием. Такое представление в значительной степени создано западным воображением». Аденауэр, прочтя «меморандум Кеннана», написал возмущенно: «В памятной записке выдвинуты весьма опасные для нас тезисы».

Еще более откровенное признание сделал Д. Ф. Даллес: «Я не знаю ни одного высокопоставленного военного или гражданского лица в Советском правительстве, никого в правительствах других стран, которые бы верили тому, что Советское правительство планирует [illegible] Советским Союзом, [illegible] которых тот же Даллес говорил несколькими годами раньше?

Так в Европе и во всем мире усилиями международной реакции складывается новая система отношений. США и НАТО провозглашают «дипломатию силы». Проводится «политика освобождения», направленная против социалистических стран. Империалистическая пропаганда, не уставая, твердит о приближении третьей мировой войны. Вспыхивают опасные, затяжные конфликты. Правящие круги ФРГ призывают к ревизии итогов второй мировой войны. Штраус заявляет: цель Запада — «иметь возможность зачеркнуть на географической карте Советский Союз». Западный Берлин превращается в центр подрывной деятельности против ГДР и других стран социализма.

Это был трудный этап в отношениях государств с разными социальными системами в Европе, в ходе которого чередовались рост напряженности и ее ослабление. Но в общем итоге борьба за урегулирование «германских дел» и решение вопроса о Западном Берлине привели к закату политики «отбрасывания коммунизма» и курса на «поглощение ГДР».

ПОЛИТИКА В ИЗМЕНИВШЕМСЯ МИРЕ

Опыт минувшего тридцатилетия ясно показывает глубокий просчет тех, кто пытался после 1945 года «переиграть историю».

В конце 60-х годов «холодная война» начинает выдыхаться. Ни одна из целей ее инициаторов не достигнута. Ни один более или менее значительный прогноз не оправдался. Колесо истории повернуть вспять не удалось. В США при президенте Кеннеди серьезный анализ перспектив глобального развития приводит к выводу об ограниченности американских возможностей диктата, о нереальности доктрины «отбрасывания коммунизма».

В Западной Европе признание новых реальностей особенно четко прозвучало во Франции. Потом, после мучительных переоценок и борьбы, — в ФРГ. Канцлер В. Брандт выдвигает новую для Западной Германии философию европейского мира. Его преемник Г. Шмидт продолжает этот курс. Создаются условия для дальнейшего развития сотрудничества между народами нашей страны и ФРГ.

Начинаются поиски иных альтернатив конфронтации и «холодной войне». По мере усиления мирных тенденций увеличиваются противоречия в лагере западных союзников. Американская и натовская теории «сдерживания», «превентивных атомных ударов», «массированного возмездия» оказываются несостоятельными под влиянием колоссальных научно-технических достижений Советского Союза. Они сменяются признанием Запада равенства сил США и СССР и вытекающим отсюда выводом о необходимости разрядки.

Уолт РОСТОУ заявляет британскому телевидению, что это «самое важное событие со времени признания Советского правительства Соединенными Штатами в 1933 году». Сбываются предупреждения известного марксистского исследователя Р. Палм Датта, который еще в сентябре 1945 года писал: «Реакционеры с чересчур богатым воображением уже не раз обжигались на том, что в своих расчетах исходили из предполагаемой отсталости советской науки и техники».

Проблема войны и мира сдвинута в иную плоскость. Складывается равновесие военных сил двух систем. Даже для фанатиков антикоммунизма становится очевидной самоубийственность любой попытки начать войну против СССР. Еще в свое время Даллес вынужден был резюмировать: «Сдерживание, по существу, сдерживало не советский коммунизм, а распространение по всему континенту морального влияния американской нации». В мире продолжаются глубокие социальные сдвиги. Идеи социализма распространяются все дальше, способствуя включению в активную историческую деятельность новых миллионов людей. Возникновение десятков новых суверенных государств расширяет зоны мира, продолжает уменьшать политические плацдармы агрессивных сил. Научно-техническая революция открывает перед человечеством все новые мирные горизонты.

Эти великие перемены 50—70-х годов XX века еще больше меняют облик мира. Именно под их влиянием ведущие капиталистические страны постепенно подходят к признанию происходящих исторических сдвигов, необходимости и неизбежности мирного сосуществования с социализмом. Важнейшим историческим этапом стала Программа мира, принятая XXIV съездом КПСС. Ее последовательное, активное и динамичное претворение в жизнь Советским Союзом послужило мощным стимулом перестройки системы международных отношений в соответствии с принципами мирного сосуществования. Договоры между СССР и США, нормализация взаимоотношений ряда социалистических стран с ФРГ, развитие сотрудничества с Францией и другими государствами Запада стали важными шагами на пути формирования новой структуры международной безопасности и сотрудничества. Движется к успешному завершению Общеевропейское совещание по безопасности и сотрудничеству.

Конечно, обо всем этом прямо не говорят ни Д. Туза, ни участники диспута. Но с неизбежностью смысл новых исторических сдвигов звучит в подтексте их заключительных выступлений. Завершающая часть дискуссии отражает сложность и противоречивость современной политики Запада. Дин Раск и Уолт Ростоу, признавая реальность разрядки, делают конструктивные заявления. Раск: «Тысячи мегатонн, находящиеся в руках двух человек, могут когда-нибудь взорваться». У Раска нет сомнений в необходимости политического согласия с Советским Союзом.

Другие, вопреки здравому смыслу, пытаются поставить под сомнение возможность разрядки.

«Некоторые из нас обеспокоены тем, что перед лицом нарастающих советских приготовлений Запад, убаюканный ожиданием разрядки, к которой мы стремимся, но которая еще не наступила, будет меньше затрачивать на оборону», — говорит ответственный сотрудник НАТО Колин ХЭМФРИ. Генерал ГУДПЕЙСТЕР и генеральный секретарь НАТО ЛУНС в своих кратких интервью, конечно же, настаивают на необходимости дальнейших военных усилий Запада. Звучат старые песни о «сговоре сверхдержав за счет Европы».

Однако точку ставит сам «Лиснер». Для финала постановки избирается все та же легенда о «советской угрозе Западной Европе». Завершается круг, исходным пунктом которого служила западная пропаганда начала «холодной войны». Все, казалось бы, готово возвратиться к своему истоку, как в пьесах с кольцевым сюжетом. Именно эта заключительная сцена телепостановки наводит на мысль о том, сколь опасно однообразны в своих идеологических построениях те, кто сейчас хотел бы сделать болезнь «холодной войны» хронической.

И все же тридцать лет многому научили. Несмотря на трудности и препоны, на зигзаги и торможения, дело международной разрядки идет вперед. Все больше реальных надежд получает человечество на то, что она станет необратимой. И это отражает финал дискуссии. Джон Туза с его консервативно-скептическими комментариями заканчивает дискуссию таким прогнозом: «Разногласия между социальными и политическими системами сохраняются. Но они уже не будут поводом для возникновения войн».

***

Нет, мир, установившийся в 1945 году, не был «нерешенным». Облик мира определили исторические закономерности эпохи. Он был «решенным». Его основы заложили всемирно-исторические итоги Победы над фашизмом. Ялта и Потсдам очертили его политические контуры. «Нерешенным» этот мир хотели бы представить те, кто не мог смириться с решениями истории. Это и привело к противоборству, столь дорого обошедшемуся человечеству. Телепостановка в Англии, проведенная на «высшем историческом уровне», ярко отразила сложный этап современных переоценок, активное противоборство сил реализма и консервативных тенденций в западной политической и исторической мысли.

Основной замысел организаторов диспута, как и следовало ожидать, осуществить не удалось. Они не смогли, несмотря на все усилия, взвалить на Советский Союз ответственность за возникновение «холодной войны». Сказанное многими участниками дискуссии противоречило задуманному. Опытные политики прошлого часто и вполне определенно говорили о неизбежности и необходимости разрядки, сотрудничества со странами иной общественной системы, как ни старался комментатор усилить тональность скептицизма. Объективные закономерности эпохи пробивают себе путь и в сфере политики, и в ее идеологическом отображении.

В конечном счете исторические проблемы решаются волей и потребностями большинства человечества. 9 мая, отмечая 30-летие Победы, люди вместе с тем выразят свою волю к тому, чтобы никогда не было войн. Не только «горячих», но и «холодных».

СВИДЕТЕЛЬНИЦЫ ОБВИНЕНИЯ

1975 — Международный год женщины

В сегодняшнем номере мы продолжаем публиковать материалы о положении женщин в капиталистическом мире.

В редакцию поступило много взволнованных откликов на статью американки Молли Глейзер «Подайте десять центов доктору наук», опубликованную в «Литературной газете» 5 марта. Авторы этих писем выражают глубокое возмущение порядками, при которых в Соединенных Штатах квалифицированные люди, ученые, труд которых был бы полезен и важен для общества, заняты безуспешными поисками работы. Как отклик на статью Молли Глейзер мы публикуем сегодня письмо Ирины Ивановны Трусовой, кандидата технических наук.

Кроме того, на этой странице перепечатываются выдержки из статей, опубликованных в западной прессе, о тяжелой участи женщин в мире капитала.

РЕКОРД РАВНОДУШИЯ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Уважаемый товарищ редактор!

Я прочла в вашей газете исповедь американки Молли Глейзер, озаглавленную «Подайте десять центов доктору наук» (№ 10, 1975). В сущности, совсем еще не старая женщина — ей всего-то 48 лет, из которых 20 отданы науке, — а она уже три года как никому не нужна, предоставлена самой себе, без места, без заработка, без надежды... Вами опубликован потрясающий человеческий документ. И сказать, что он берет за душу, мало. Делается очень больно за судьбу талантливого человека. А в том, что Молли Глейзер определенно талантлива, сомневаться не приходится. Четыре монографии, двухтомный справочник, добрый десяток статей по физико-химическим свойствам металлов — да такой багаж сделает честь любому научному работнику-мужчине! А в придачу чувствуются еще и воля, и характер, и желание во что бы то ни стало преодолеть тяжелые обстоятельства на своем жизненном пути. Увы, будто о глухую кирпичную стену разбиваются все ее усилия.

Чем же она занимается? Переводит школьников через дорогу. Мастерит побрякушки на продажу. Пробавляется репортерской мелочишкой. Просит милостыню. Это доктор-то наук, специалист по физической химии! Ну и ну. Какая нелепая растрата человеческой энергии, способностей, ума, нервов.

Трудно поверить, что исследования, которыми Молли Глейзер занималась, были прекращены всего лишь «из-за недостатка средств». Тогда почему одна за другой перед ней закрывались все те двери, в которые она стучалась? Почему почтенные люди либо малодушествовали и отворачивались от нее, либо отступали перед какой-то грозной силой? Может, ей припоминают старое? Ведь университет в Беркли был одним из центров массовых студенческих протестов против вьетнамской войны. Кто знает, не поплатилась ли она за высказанное в полный голос слово сочувствия молодым или осуждения тех, кто эту молодежь преследовал, — слово, взятое на картотеку Пентагона или ФБР?

Я склонна предположить и такое: месть реакционных кругов за демократические взгляды и убеждения — вещь вполне реальная. Но в чем можно быть уверенным абсолютно до конца, так это в страшной силе предрассудков, унижающих женщину, и в эфемерности тех «прав», которыми кичливая американская демократия наделяет своих граждан. Годы вот идут, а двадцать седьмая поправка к конституции США, насколько мне известно, так еще и не вступила в силу. Это означает, что американские женщины не пользуются даже и формальным равноправием, — о равноправии фактическом не приходится говорить. В дни серьезных социальных потрясений, например, как сейчас, когда в Америке экономический спад, первыми кандидатами на увольнение, первыми жертвами становятся женщины. Когда цену человеку устанавливает капитал, он тем самым уже принижает, деформирует и уродует личность. А талант он может даже и растоптать, как видно на примере Молли Глейзер.

Научно-техническая революция прочно закрепила за Соединенными Штатами положение лидера западного мира. А рядом с этим общепризнанным фактом — семь миллионов безработных. Тоже рекорд! Но одновременно американское общество бьет и рекорды лицемерия, черствости, глухоты, равнодушия к людям. Иначе бы Молли Глейзер не стояла с протянутой рукой...

И. И. ТРУСОВА,
кандидат технических наук, заместитель главного металлурга 1 ГПЗ

МОСКВА

Итальянские женщины протестуют против повышения стоимости жизни в стране
Фото из журнала «Кваты»

В ЗАСТЕНКАХ ПИНОЧЕТА

Французская газета «Либерасьон» опубликовала интервью с женщиной из Чили, которая была дважды арестована пиночетовской охранкой.

Мы приводим выдержки из ее рассказа.

...ПРИШЛИ за мной двое в штатском. Они посадили меня в машину и сразу же завязали мне глаза. Потом привезли в ДИНА [*], где я провела восемнадцать суток. За нами надзирали совсем молодые парни, но уже законченные садисты. В течение дня охранники то и дело открывали дверь, чтобы убедиться, что мы не сняли повязки с глаз. Они панически боялись, что мы запомним их лица.

Бывало, кое-кто из тюремщиков тайком от начальства разрешал нам помыться. В два часа ночи они наливали ванну, в которой по очереди мылись двадцать узниц (обязательно с завязанными глазами). Но за этим следовали пытки. «Теперь, когда вы чистенькие, — говорили они, — нам будет приятнее трогать вас, пропускать через вас ток. А то вы и в самом деле очень скверно пахнете: просто невозможно входить в камеру».

Им казалось, будто они умеют играть на женских слабостях. После пыток они утешали нас: «Какая ты все-таки глупенькая... Видишь, что ты заставляешь нас делать... Если бы ты не молчала и быстренько рассказала все, то вернулась бы домой... А ведь твой муж не теряет времени даром, сама понимаешь...»

Их главная забота — «совершить крупную акцию», которая дала бы им возможность пограбить вволю. Они мечтают выловить кого-нибудь из особо разыскиваемых активистов и сулят «быть добрыми», если ты им поможешь. Им ничего не стоит подвергнуть пыткам двадцать семь человек, чтобы обнаружить среди них одного-единственного активиста (именно это и произошло недавно).

В их головы втемяшили один простейший «принцип»: «Всех марксистов надо убить, покуда они не убили нас». Но когда они узнают нас поближе, их буквально ошеломляет дух братства, господствующий в нашей группе. Им невдомек, почему мы так заботливо подаем старшим воду или помогаем самым несчастным среди нас. Часто они удивляются: «Господи, до чего же вы, марксисты, держитесь друг за друга!»

Некоторые женщины пробыли в ДИНА около полутора месяцев. Это очень тяжело, и не только из-за суровых условий заключения (дважды в сутки вам дают попить воды и только один раз приносят похлебку, явно приготовленную из объедков). Главное — это нервное напряжение. Непрерывно слышались чьи-то вопли, лязг цепей, крики избиваемых во дворе. Когда после долгих просьб тебя, наконец, ведут с завязанными глазами через двор в уборную, надо быть очень осторожной, чтобы не поскользнуться в луже крови... Всякий раз, когда распахивается дверь, в камере воцаряется гробовая тишина. Никто не знает, за кем пришли. И поскольку мы сидим с повязками на глазах, а они не называют имя той, кого уводят, приходится выждать добрых десять минут, чтобы спросить, кого же все-таки забрали. Проходит еще немного времени, и до нас доносятся крики.

Ни на минуту тебя не покидает чувство острой тревоги и сильнейшего напряжения. Порой я доходила до того, что уже не могла двигаться. Несколько женщин сошли с ума.

В ДИНА были две юные девушки, которых мы видели через замочную скважину. Они казались нам полоумными: мы слышали, как они хохотали, пели и разговаривали с надзирателями голосами пятилетних детей. Их глаза не были завязаны, и мы никогда не сталкивались с ними во дворе. Им не разрешали посещать уборную одновременно с нами. Их использовали для опознания арестованных. Иногда раздавался громкий голос коменданта: «Приведите мне такую-то — пусть посмотрит на заключенных, которых я вызвал...» Все мы не сомневались, что, когда обе эти девушки не будут больше нужны, их убьют.

Если ты стала сотрудничать с тюремщиками — считай, что ты погибла. Всегда найдется начальник, который так или иначе выведает, что ты что-то знаешь. Они пытают тебя, пока не выудят все известные тебе имена и адреса. Когда они посадили меня под ток, я предупредила их, что страдаю пороком сердца. «Вот пакость-то, — сказал кто-то из них. — Еще загнется, как эта чертова Луми». Они часто вспоминали Луми: во время электропытки эта женщина скончалась от сердечного приступа.

После трех суток мучений меня оставили в покое. Но каждый раз, когда уводили одну из нас, меня охватывал ужас: «Стоит назвать одно-единственное имя, и уже невозможно остановиться. Выдержу ли я дальнейшие испытания? Смогу ли молчать?» А ведь иной раз молчание совершенно бесполезно. Но этого никогда не знаешь заранее. Я видела девушку, которую тиранили пять ночей подряд, после чего она узнала, что человек, которого она пыталась спасти, уже взят.

Когда ты уже не нужен, тебя, как правило, переводят в «Трес аламос». Но есть люди, которые исчезают бесследно. Убиты они или переведены в какие-то неизвестные мне места заключения? Или, может, их хотят сохранить до ареста Икса или Игрека, чтобы затем использовать как свидетелей обвинения?

Все женщины, которых я встретила в «Трес аламос», безусловно, окрепли духом, пройдя через пытки.

Латиноамериканской женщине присуща одна важная, чисто материнская черта: мужчину, подвергаемого пыткам, она жалеет куда больше, чем себя самое. Женщины умоляли надзирателей не трогать их мужей. «У него больные почки, — говорила одна, — он больше не может, он не выдержит этой муки». Они просили надзирателей передать их мужьям крохотный кусочек хлеба, который им удалось сберечь. Сколько бы им ни было лет, все они защищают своих спутников жизни с бо́льшим ожесточением, чем себя самих.

* «Национальная дирекция по антикоммунистическому расследованию» — карательный орган, созданный Пиночетом по образцу и подобию ФБР.

Кристина КЛЕРК

ИХ — 350 ТЫСЯЧ

...Слегка усталым движением она включила транзистор. Передавали дискуссию о положении женщин. Затем, надев плащ, проверила, все ли в порядке на столе, где приготовлен ужин для сына, поцеловала Лидию (три с половиной года), Лионель (одиннадцать лет), Фабьенну (пятнадцать лет). И через минуту ее мопед скрылся во тьме.

В этот понедельник вечером, как и всегда по понедельникам, средам и пятницам каждой недели, Женина Самбаррэй, 46 лет, разведенная мать семерых детей, трое из которых все еще на ее иждивении, отправилась охранять фабрику, на которой она работала.

Кондитерская фабрика «Гренгуар» расположена в десяти километрах от дома Женины. Всю ночь она будет сторожить это закрывшееся предприятие. В половине шестого утра ее сменит другая.

Для 240 уволенных женщин это способ защиты их работы. Все началось весной прошлого года, когда хозяин — директор фабрики «Гренгуар» объявил рабочим, что предприятие стало нерентабельным. Оборудование будет продано, а здание снесено.

Но работницы единодушно решили бороться. Это было в мае. Они стали охранять фабрику, чтобы помешать перевозке товаров со склада и демонтажу оборудования.

Наступила осень. Последняя зарплата выплачена в октябре. Только несколько женщин нашли новую работу. «46-летних на заводы не принимают», — говорит Женина усталым голосом. Ведь по всей Франции 350 000 женщин также ищут работу.

Наступает февраль. По-прежнему нет места.

В понедельник вечером Женина Самбаррэй еще не знала, что наступила последняя ночь ее дежурства: через несколько часов женщин прогнали с фабрики «Гренгуар». Теперь у Женины нет никакой надежды. У нее осталось лишь одно — человеческое достоинство.

Из французского журнала «Пуэн»

Клаус РОЗЕ

И СНОВА НИКАКИХ НАДЕЖД

...Девушкам особенно трудно найти работу. В целом по Федеративной Республике число безработных среди девушек на 27 процентов выше, чем среди юношей. В Гельзенкирхене это превышение достигает 75 процентов.

Мы имели возможность дважды, в разные дни недели, побывать на гельзенкирхенской бирже труда. Положение вырисовывается довольно мрачное.

Вот 15-летняя Марион Резоннак. Она хотела бы стать продавщицей в небольшом магазине. Однако с июня 1974 года не смогла ни устроиться ученицей, ни получить работу.

17-летняя Габриэла Херден — профессиональная швея. Но с безработицей она уже, так сказать, на короткой ноге.

Среди безработных в возрасте от 15 до 19 лет группа 18-летних наиболее многочисленна — 25,7 процента.

У Марион Першке шесть братьев и сестер в возрасте от 11 до 25 лет. Она сама, отец и старшие братья — безработные.

Фирмы делают все, чтобы извлечь выгоду из нынешнего положения. Так, 17-летней Марион Пшигоде пообещали дать профессиональную подготовку. На самом же деле ее использовали просто как чернорабочую. «Выучка» ровно ничего не стоила, и как только Марион ушла с этого места, ее никуда больше не взяли. С февраля 1974 года у нее нет работы.

Стремление молодежи получить образование наталкивается на различные препятствия. В Гельзенкирхене мы встретились с 17-летней Ангеликой Клеен. В мае 1973 года она оставила гимназию и нигде не могла найти место ученицы. На какое-то время ей удалось устроиться в конторе, но вскоре она опять оказалась без работы. Биржа труда больше не могла предложить ей ни одного места. Через 120 дней окончился срок выплаты скудного пособия по безработице. Она хотела бы поступить в вечернюю школу и получить аттестат зрелости. Для этого у нее есть все возможности, кроме одной: она не может ответить на вопрос «Ваше место работы?».

Из западногерманской газеты «Унзере цайт»

Дж. МАЛХОЛЛАНД

«ЖЕНЩИНА ДОЛЖНА ЗНАТЬ СВОЕ МЕСТО»

Женщины составляют в Ирландии более 50 проц. избирателей, однако среди 144 депутатов только 4 женщины. Никогда ни одна женщина не была министром. И в других секторах роль женщин сводится почти к нулю. Все места в Ирландском конгрессе тред-юнионов заняты в настоящее время мужчинами. Директора предприятий, как правило, мужчины. По переписи 1966 года, среди 2803 инженеров, имевшихся в стране, было всего 5 женщин. Согласно конституции главная роль женщины — рожать детей и заботиться о семье.

В этом преимущественно сельском и католическом обществе место матери или жены — семейный очаг. Даже когда последствия инфляции заставляют замужнюю женщину искать дополнение к заработку мужа, желание получить работу сдерживается несправедливой и устарелой системой налогообложения, по которой доходы жены принадлежат мужу.

Восемьдесят процентов женской рабочей силы составляют незамужние женщины, большинству которых менее 20 лет, и их заработная плата намного ниже заработной платы мужчин. Вообще женщины получают на 30—40 процентов меньше, чем их коллеги — мужчины той же квалификации.

Из французской газеты «Монд»

КИТАЙ СЕГОДНЯ

Г. САЛТЫКОВ

«НАМ ВСЕ РАВНО...»

Пекинское руководство пытается проводить свою старую линию — низвести человека до положения послушного, нерассуждающего робота, «винтика» в маоистской машине. Особенно это проявляется в отношении рабочего класса. Маоизм ведет широкое наступление на классовую идеологию пролетариата, изолирует рабочих от марксистско-ленинского мировоззрения. В результате сегодня в Китае на каждом шагу сталкиваешься со смещением и искажением политических, экономических, социальных и морально-этических представлений о социализме и капитализме, революции и контрреволюции, патриотизме и предательстве, добре и зле и т. д. и т. п. Все это привело к ухудшению морального, нравственного климата среди трудящихся.

ГЛАВНОЕ, чем характеризуется обстановка в сегодняшнем Китае, — это равнодушие, подавленность, недовольство. Усталость масс от различного рода идеологических кампаний, их апатия и пассивность часто способствуют возникновению настроений покорности, обреченности. Сюда же примыкают неуверенность населения в завтрашнем дне, ощущение неустойчивости положения.

Неуверенность и страх проявляются, по свидетельству китайской прессы, не только «в боязни совершить ошибку», но и «в боязни всего на свете» [*]. «Жэньминь жибао» и другие газеты возмущаются: на Шэньянском стекольном заводе рабочие пассивно наблюдают за введением хозрасчета, на Даляньском станкостроительном заводе они «боятся браться за качество», на Чанчуньском инструментальном «боятся устанавливать рациональные правила и порядки». Слова «страх», «боязнь» — одни из самых распространенных сегодня в стране. Люди страшатся получать какие-либо поощрения, ходить в гости, петь традиционные песни, вспоминать пословицы и поговорки...

Калейдоскоп взаимоисключающих установок и противоречивых предписаний вызвал растерянность не только у рабочих, но и у руководства предприятий и инженерно-технического персонала. Как пишут газеты, в Китае «все боятся, что, надев новые туфли, пойдут по старому пути», и поэтому «вообще не двигаются с места».

«ВСЕ РАВНО» — другое постоянное словосочетание в сообщениях китайской печати и радио. Вот что вынуждена признать маоистская пропаганда. На Шанхайском заводе тяжелого машиностроения «молодые рабочие не хотят изучать технику, она говорят: «Учись не учись — все равно». В Тяньцзине рабочие заявили: «Не все ли равно, какое качество продукции, каков ее ассортимент». «Имеются товарищи, считающие, что все равно — критиковать ревизионизм или нет». Иностранные наблюдатели отмечают, что стандартная реакция на «критику Линь Бяо и Конфуция» выражается в таких высказываниях, как «критикуем мы Конфуция или нет — не имеет значения».

Одно из наиболее популярных «житейских правил» сформулировано в виде образного выражения — «сидеть в повозке». Его расшифровывают так: впереди повозку тянут руководящие работники, а сзади подталкивают военные. При возникновении «неприятностей» ответственность несут первые или последние. А пока «можно сидеть в повозке и дремать», как со злобой пишут маоисты.

ПАССИВНОСТЬ в Китае — это своеобразный, подчас подсознательный протест масс против маоистской политики.

Но в то же время пассивность вызвала и ряд явлений, которые мешают формированию и развитию специфических черт психологии рабочего класса Китая как передовой части общества. Безразличие, индифферентность, равнодушие разъедают боевые качества пролетариата. Неуверенность в себе, боязнь нередко приводят к определенным моральным деформациям.

Характеризуя психологию рабочего класса, основоположники марксизма-ленинизма отмечали его решительность, смелость, честность, высокоразвитое чувство товарищества и коллективизм. Неоднократно они указывали и на опасность влияния мелкобуржуазной психологии на рабочий класс. Одним из проявлений такого влияния является псевдорадикальный догматизм, увлечение «ультрареволюционными» лозунгами. «Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию... — все это общеизвестно», — писал В. И. Ленин.

Спекуляция «ультрареволюционных» маоистов на социалистических идеалах, их всеобволакивающая демагогия, трескучие фразы, с одной стороны, и прямой отход пекинских руководителей от марксизма-ленинизма — с другой, неизбежно порождают условия для процветания двуличия, приспособленчества.

Среди китайских трудящихся в итоге такой политики разрушаются отношения сотрудничества, взаимного уважения и доверия. И это неудивительно. Ведь дружба, товарищество объявлены «реакционными феодальными пережитками», якобы укоренившимися под влиянием конфуцианства.

Атмосферу недоверия, взаимной подозрительности порождают искусственно созданные противоречия между старыми и молодыми рабочими, разжигаемая маоистами вражда между поколениями. Однако эта политика — палка о двух концах. Если раскол среди рабочих на руку маоистам, то для производства он только вреден. Пытаясь хоть как-то «сбалансировать» положение, руководство, например, 1-го сталепрокатного завода Тайюаньского металлургического комбината вынуждено объявлять кампанию «уважать мастеров, любить учеников» — лишь бы не загубить план.

ИССТАРИ китайский народ был не только искусным, умелым, но и необычайно трудолюбивым. Свержение старого строя, казалось бы, должно было умножить, укрепить эти качества: естественно было бы полагать, что китайский рабочий будет трудиться с огромной любовью к делу, к своему делу. Однако становятся все более частыми — и не по вине самих рабочих — факты халатного отношения к труду. Особенно это заметно на предприятиях с непрерывным и поточным производством. На заводе синтетического аммиака, филиале Сючжоуского химического завода, рабочие, например, нередко покидают место работы. «Из-за их отлучки раз чуть не произошла авария». Это было объявлено происками «классового врага». В коксовом цехе Бэньсийского комбината произошло «несколько аварий». Группы рабочих стали выдвигать свои причины неполадок. Некоторые говорили, что на заводе плохо соблюдаются правила и распорядки, ругали «анархизм». Другие, наоборот, критиковали «бюрократический стиль управления» и повторяли лозунги «культурной революции», вроде того, что правила и распорядки есть «диктат специалистов», что «соблюдение дисциплины — это идеология рабов». Победила, однако, третья точка зрения: на заводе ведут подрывную деятельность «классовые враги».

Излюбленная маоистская формулировка! Что бы ни случилось, где бы ни обнаружился прорыв, узкое место — все это «черная деятельность классовых врагов». Слова эти употребляются столь часто, что читатель может подумать, будто весь Китай кишит «классовыми врагами». Больше того, за последнее время появилось немало статей, из которых можно сделать вывод, будто промышленный пролетариат... наиболее подвержен «буржуазной коррозии», представляет собой потенциальную опасность — в том смысле, что именно он может содействовать «реставрации капитализма»...

События последних лет подорвали уважение некоторых групп рабочих к честному и добросовестному труду. И это вполне закономерно: ведь сколько лет идет борьба с «вредным поветрием экономизма» (под которым понимают оплату по труду, поощрение передовиков, материальное стимулирование), сколько лет рабочим внушали, что политика должна быть на первом месте, а производство — на втором! На заводах Китая теперь говорят примерно те же слова, которые распространены в китайской деревне: «наша цель не заключается в том, чтобы получить высокий урожай, наша цель — построить коммунизм». И вот идет «строительство коммунизма» путем «критики Линь Бяо и Конфуция», путем зазубривания «идей Мао Цзэ-дуна» и борьбы с «ревизионистами».

ОБЩАЯ атмосфера недоверия, лжи, вероломства, которую создает грызня за власть в Пекине, беспринципные методы в политике, авантюризм в экономике пагубно влияют на формирование личности в китайском обществе.

Буржуазные журналисты, которые после начала «пинг-понговой дипломатии» посещали Китай, восхищались «моральной чистотой», якобы достигнутой под руководством Мао: «никакой коррупции, никакой проституции, никаких болезней». Но вот недавно японский журнал «Сюкан синтё» писал: «Изумляешься, узнав, сколь часты сейчас в этой чистой стране половые преступления... Среди проституток немало студенток, направленных ранее в деревни. Их изнасиловали руководящие работники или бывшие хунвэйбины».

В городах Китая, как отмечает зарубежная пресса, нередки ночные грабежи, массовые хищения и кражи, воровство и наркомания, убийства и другие преступления. Это вынуждена признавать и маоистская пропаганда. Так, радио провинции Цзянсу в июле 1974 года призывало: «Нужно осуществлять диктатуру в отношении тех, кто совершает кражи или грабежи, мошенничает, прибегает к убийству или поджогу, и в отношении банд хулиганов».

Все это мало-помалу оказывает воздействие и на рабочий класс. И в то же время все растет и крепнет сознание, что политика маоистов не соответствует интересам народа, противоречит исторической роли пролетариата.

Нет сомнения, что сознательные китайские рабочие рано или поздно поймут, что с маоизмом им не по пути.

* Все фразы, обороты и выражения, заключенные в кавычки, взяты из центральной пекинской прессы.

29 МАРТА — 75 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИРЖИ ВОЛЬКЕРА

ПОЭТ НОВОГО ВИДЕНИЯ

«СЕГОДНЯ эпоха чудес. Сегодня люди обретают новые глаза... То, что мы видели уже вчера, нас вдохновляет, — и открывается много такого, что недавно было еще невидимым. Наступает эпоха нового видения... У нас еще революции не было. В России она уже совершилась, и с такой силой, что мы все слышим ее. Мы знаем, что она придет, потому что мы ждем ее». Эти слова были написаны весной 1920 года чешским поэтом Иржи Волькером. Он был одним из тех, кто создавал в Чехословакии литературу «нового видения», рожденную вспышкой социалистической революции.

29 марта этого года исполняется 75 лет со дня рождения Волькера. Он прожил всего двадцать четыре года и только несколько лет участвовал в литературной жизни. Но в эти годы вместился такой крутой и стремительный взлет таланта, такое средоточие творческой энергии, что поэт стал классиком отвлеченной литературы, стихи его со школьных лет знает наизусть каждый чех и словак.

Новизне и свежесть поэзии Волькера неотделимы от новизны и молодости революционной эпохи, переломившейся, словно озаряющий свет, через неповторимый мир его личности.

Он позневал жизнь в тяжелые годы первой мировой войны, когда дети быстро взрослели и шестнадцатилетние имели уже опыт двадцатилетних, как об этом сказал когда-то сверстник Волькера Юлиус Фучик (Волькер был его любимым поэтом). Подростком Волькер собственными глазами видел расстрел голодной демонстрации женщин и детей в его родном городе Простейове.

К коммунистическим убеждениям Волькера привели жажда человечных, гармонических отношений между людьми, большая этическая чистота. И не случайно, едва его сознания коснулись первые вести об Октябрьской революции и идеи социализма, в его поэзии зазвучала тема возрождения человечности. Жизнелюбивые стихи Волькера дышат счастьем преодоления одиночества, счастьем слияния с миром, с людьми:

Солнце гениальный поэт,
Оно написало
прекрасную поэму
золотым пером
на нашей земле.
. . . . . .
И я чувствую:
я колос в ряду,
буква,
восклицательный знак!

Всем своим существом поэт был устремлен в будущее, в наше социалистическое сегодня. Само искусство он определял как «предвосхищение завтрашнего дня», видя неразрывную связь подлинного творчества с социальным прогрессом. Социалистическое завтра было для него синонимом жизни, «построенной по велению сердца».

«Сегодня мы хотим бороться и в художественной форме выражать идеи и жизненную мудрость рабочего класса — единственного класса, который имеет перспективу развития. Мы действуем так во имя коммунизма, будучи умом и сердцем убеждены, что коммунизм сегодня — единственно правильное, жизнеспособное и способное к практическим действиям направление человеческих усилий», — формулировал Волькер одним из первых в Чехословакии программу нового искусства.

От поэзии Волькера веет радостью бытия, счастьем юношеского открытия мира. И тем сильнее звучат его стихи и баллады о трагических судьбах рабочих:

Здесь вот дворцы,
а вот здесь — подвалы.
Здесь вот голодные,
там — объедалы.
Эти — рабы,
а властелины — другие,
и все больные.
Мир ведь, как сердце,
круглый,
и если его разрубишь,
погубишь!

Но баллады Волькера — оптимистические трагедии, в которых просвечивает перспектива преобразования жизни на новых, гуманистических началах, просвечивает грядущее «утро, золотое и сияющее».

Одной из жемчужин чешской литературы и мировой социалистической поэзии стала волькеровская «Баллада о глазах кочегара». В ней создан трагедийный образ рабочего, теряющего зрение у слепящей топки электростанции. И в то же время мысль о подвиге рабочего поднимается до большого поэтического обобщения о свете, который рабочие несут всему миру. Не случайно эту балладу Волькера так любил другой чешский поэт-коммунист — Витезслав Незвал, создавший несколько позднее в чем-то близкую волькеровскому стихотворению лирическую сонату «Эдисон», в которой также воспето творческое дерзание человеке, несущего свет людям.

Промстеевская тема чешской поэзии была разбужена эпохой Октября. Красота мира раскрылась и Волькеру, и Незвалу в созидательно-творческих идеалах социалистической революции. «Вечными наследниками сотворения мира» назвал Волькер рабочих.

Отличительной чертой личности Волькера была гармоническая цельность в богатстве проявлений. Первым среди поэтов Чехословакии он сделал достоянием социалистической поэзии самые разнообразные сферы человеческой жизни, чувств и переживаний. Но за каждым самым интимным его стихотворением стоит человек нового мироощущения, новой, социалистической нравственности, нового духовного облика.

Художественное наследие Волькера овеяно духом исторического творчества великой революционной эпохи. И само оно стало частью этого творчества.

Не только поэзия Волькера продолжает жить, волнуя новые и новые поколения читателей, но и традиции, заложенные им вместе с С. К. Нейманом, В. Незвалом и другими поэтами и писателями, получают продолжение и развитие в создании тех новых идейно-художественных ценностей, которые рождаются в современной литературе социалистической Чехословакии.

Стихи Волькера изданы на многих языках. Неоднократно его произведения выходили в Советском Союзе. В переводах его произведений участвовали такие поэты, как А. Ахматова, М. Светлов, С. Кирсанов, Л. Мартынов, Д. Самойлов и др. Время все полнее раскрывает силу и красоту поэзии Волькера для читателей разных стран.

С. НИКОЛЬСКИЙ,
доктор филологических наук

КТО, ГДЕ, КОГДА

Съезд польских писателей

В конце февраля в Познани прошел XIX съезд польских писателей, на котором собрались 120 делегатов со всей страны. Его участников приветствовал член Политбюро ПОРП, заместитель Председателя Совета Министров ПНР, министр культуры и искусства Юзеф Тейхма. Съезд открыл председатель президиума главного правления СП Польши Ярослав Ивашкевич.

Писатели обсудили различные литературные проблемы. Выступления, прошедшие на высоком идейном уровне, продемонстрировали единство взглядов польских писателей по важнейшим вопросам современности и закончились принятием резолюции.

На заседании нового состава правления Союза польских писателей избран президиум главного правления. Его вновь возглавил крупнейший художник слова современной Польши, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Ярослав Ивашкевич. Заместители председателя — прозаик Галина Аудерская, критик и литературовед Павел Херц, прозаик и публицист Ежи Путрамент. Секретарем правления избран критик и переводчик Ян Котровский.

Рисунки Генриха Манна

К 25-летию со дня смерти Генриха Манна в ГДР изданы его на публиковавшиеся ранее рисунки. Альбом «Первые двадцать лет» содержит 33 карандашных рисунков писателя, посвященных в основном жизни его родного города Любека в последней четверти прошлого века.

Точную дату выполнения рисунков установить невозможно, однако по ряду признаков предполагается, что сделаны они в 1943—1944 гг., когда Генрих Манн работал над своей мемуарно-публицистической книгой «Обзор века». Так, на одном из рисунков (см. фото) изображена

сцена, воспроизводящая описанный им в книге эпизод. Рассказывая о своем посещении Ленинграда, Г. Манн вспоминает, как еще мальчиком безуспешно пытался обхватить руками колонну Исаакиевского собора.

«Два трупа в сейфе Агаты Кристи»

Как сообщает парижский еженедельник «Пари-матч», в сейфе у Агаты Кристи хранятся... два трупа. Это сообщение, однако, не вызовет беспокойства у полиции, так как речь идет о трупах Эркюля Пуаро и мисс Марпл — двух излюбленных героев писательницы, которых она, наконец, прикончила, но отдала распоряжение, чтобы роман с описанием их смерти был извлечен из сейфа и опубликован только после ее собственной кончины.

По признанию Агаты Кристи, перу которой принадлежит более шестидесяти детективных произведений, сочинение таких книг представляется ей занятием «ужасно скучным». «У меня такое впечатление, будто я рассказываю всегда одну и ту же историю», — сказала она журналистам.

Может быть, именно это и хотел выразить в своем сатирическом рисунке известный английский карикатурист Сёрл, изобразивший Агату Кристи восседающей на груде рук и ног ее «жертв» около мини-мышеловки? Как известно, устройство этого хитрого прибора не меняется с тех пор, как он был изобретен.

Эдна О'Брэйн пишет рассказы

Новая работа известной английской писательницы Эдны О'Брэйн — сборник рассказов «Женщина сомнительной репутации». Какой бы смелой ни была программа участниц движения женщин за освобождение, как бы далеко ни зашло оно в своих реформах — всегда будут брошенные жены, обманутые девушки, женщины, о которых обыватели с легкостью могут сказать — «она сомнительной репутации». Так считает Эдна О'Брэйн, и об этом ее горькие рассказы.

КТО, ГДЕ, КОГДА

Де ФЮНЕС:

«НЕ ЛЮБЛЮ НАСМЕХАТЬСЯ НАД ЛЮДЬМИ»

Луи де Фюнес — один из самых популярных французских комедийных актеров — хорошо известен советским зрителям. О встрече с ним рассказывает корреспондент «Гердиана».

Актеру сейчас 60 лет; он начал сниматься в кино сравнительно поздно: ему было уже тридцать, и слава пришла к нему лишь десять лет спустя. До кино он играл в театре второстепенные роли. В первых фильмах он появлялся

не экране всего не несколько минут, а иногда — и секунд. «Но с каждой съемкой, — говорит де Фюнес, — я продвигался вперед на один шаг, и через десять лет почувствовал себя уверенно. Я пережил немало разочарований, но полюбил свою работу сразу. И когда молодые спрашивают меня, с чего начинать, я говорю им, что надо начинать с маленьких ролей, понемногу. Я стал комедийным актером, а это значит, что моя цель—заставить людей смеяться. Как все комедианты, я видел призвание, несмотря на свою мрачную внешность, именно в этом. Я не люблю слов, хотя, конечно, в театре они необходимы, но в кинематографе все по-другому. Особенно в комедийных ролях. У Чаплина и Бастера Китона — юмор без слов. Можно использовать музыку, но не слова. Все должно происходить здесь, — де Фюнес постучал по лбу. — Надо придумывать смешное. Перенимчивость, то, что видишь в жизни, ставить как бы вверх ногами окружающее».

На вопрос, кого из своих французских коллег он ценит больше других, де Фюнес ответил, что приятнее всего ему было работать с Бурвилем, которого он считает одним из самых талантливых актеров. Бурвиль умер рано, в пятьдесят лет.

«Я многим обязан и Фернанделю—он помог мне в очень важный момент моей творческой жизни. Именно он поручил мне первые роли».

В нынешнем году де Фюнес будет играть главную роль в фильме Жерара Ури «Крокодил». Это фильм о современном диктаторе. Де Фюнесу нравится, как Ури работает с актерами. «Сценарий служит лишь как бы основой ленты. С момента съемок мы начинаем импровизировать, ибо хотим найти лучший способ смешить людей. Иногда некоторые кадры приходится снимать по 20—30 раз, пока не найдешь верного решения...»

Де Фюнес считает, что, помимо природного таланта, нужны и большая работа, постоянная учеба, талант надо развивать. «Конечно, у меня были природные данные. Еще в школе меня часто наказывали за то, что я смешил учеников. Мне трудно объяснить, как это у меня получалось. У Чаплина, к примеру, была своя манера. И у Тати тоже. Не у них всегда свой определенный рисунок внешности, свой силуэт. А я не люблю подчеркивать внешность каким-либо определенным, постоянным костюмом. Обыденную вещь можно сделать смешной. Но надо уметь создавать комедийные ситуации, не высмеивая людей, не обижая их. Я не люблю насмехаться над людьми...»

Дзюмпэй ГОМИКАВА:

«МОИ КНИГИ РАЗОБЛАЧАЮТ ВОЙНУ»

ИЗВЕСТНЫЙ ЯПОНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ, АВТОР ЭПОПЕИ «ВОЙНА И ЛЮДИ», РАССКАЗЫВАЕТ О СВОЕМ ТВОРЧЕСКОМ И ЖИЗНЕННОМ ПУТИ

«ЧЕМ ПОНАПРАСНУ проклинать темноту, лучше зажечь хотя бы одну свечу». Этой старинной пословицей начал свой разговор со мной Дзюмпэй Гомикава, один из известнейших современных японских писателей.

— В Японии до сих пор многие проклинают минувшую войну, — сказал он. — Однако этого мало. Нужно вскрыть причины ее возникновения, разоблачить ее виновников, чтобы все могли извлечь урок из недавней истории и не допустили повторения страшной трагедии...

Именно этому посвятил свое творчество Дзюмпэй Гомикава. Именно война сделала его писателем, активным сторонником мира и противником агрессии.

Юность писателя совпала с годами войны. Японские милитаристы в 1928 году убийством Чжан Цзо-лина, диктатора Маньчжурии, начали агрессию на азиатском материке. В то время будущему писателю шел 12-й год, а когда Япония потерпела поражение, ему исполнилось 29.

— 17 лет в жизни человека в пору юности, когда происходит становление личности, значат много, — говорит писатель. — Вот почему я не могу предать забвению этот период моей жизни. Несколько лет после окончания учебы я работал в Маньчжурии клерком компании, служившей интересам японской военщины. Затем почти три года пришлось пробыть в японской армии и участвовать в боях против Советской Армии.

В 1971 году с трибуны съезда советских писателей, обращаясь к делегатам и гостям, Дзюмпэй Гомикава сказал:

— Я рассматриваю приглашение на этот съезд как великую честь для себя, но в то же время, поверьте, от меня требуется немало мужества, чтобы обращаться к вам сегодня с этой трибуны, потому что 26 лет назад, в августе 1945 года, я воевал против вашей армии на бывшей советско-маньчжурской границе. В тех сражениях моя рота потеряла убитыми 158 человек; уцелели лишь четверо, в том числе я. Поражение Японии было закономерным — ведь вся ее политика состояла в непрерывной вооруженной агрессии, унесшей миллионы жизней. Эта мысль не давала мне покоя несколько послевоенных лет, когда я после возвращения на родину занимался торговлей, чтобы добыть средства на жизнь. И вот я взялся за перо и написал роман «Условия человеческого существования». Я решил посвятить свое творчество разоблачению войны.

Роман «Условия человеческого существования», вышедший в свет в 1958 году, принес славу автору. За шесть лет книга выдержала шесть изданий общим тиражом полтора миллиона. Вскоре роман был издан в ряде зарубежных стран. Вышел он и в Советском Союзе в прекрасном переводе Ирины Львовой и др.

Эта первая книга Гомикавы, откровенная исповедь человека, познавшего всю жестокость милитаризма и несправедливости буржуазного общества, поразила читателя правдой жизни, показом гнусной роли японской военщины и японских монополий в подготовке и развязывании агрессии. Главный герой романа Кадзи — это сам Дзюмпэй Гомикава. Он прошел путь лишений, страданий и мучительных угрызений совести — ему не хватило мужества, чтобы отказаться участвовать в войне. В конце романа Кадзи умирает, так и не поняв многих причин трагедии своего поколения.

— Тогда мне казалось, — вспоминает Д. Гомикава, — что, написав эту книгу, я смогу раз и навсегда п кончить с прошлым. Но вскоре я убедился, что мне почти не удалось вскрыть связь между войной и людьми. Ведь и тридцать с лишним лет назад далеко не все японцы сочувствовали войне. Уже тогда люди хотели жить спокойно. Хотели любить своих любимых. Как же случилось, что весь японский народ оказался вовлеченным в войну? Как, почему, в силу каких причин люди утратили критическое отношение к этой несправедливой войне, почему они отказались осудить ее? Что лишило их сознания и воли? В какой момент, в страхе перед чем умолкла их совесть?

Без анализа этих связей невозможно избавиться от чувства вины, которое живет в наших сердцах. А кроме того, нам необходимо мужество, чтобы противостоять все более сложным связям, которые существуют в современном японском обществе между политической структурой и человеком.

Вот почему проблема войны по-прежнему продолжает волновать Д. Гомикаву и является главной темой его произведений. За первым романом последовал второй, такого же примерно объема, — «Сделка со свободой», в котором рассказывалось о жизни японцев в Маньчжурии после военного поражения Японии. Затем вышел в свет роман «Исторический опыт». В нем речь шла о японской молодежи, которая в тяжелые годы послевоенной разрухи и духовной опустошенности японцев пыталась разобраться в том, что же такое социализм, социалистический строй и Советская Армия.

Лишь после этого Д. Гомикава приступил к своей эпопее «Война и люди». Вышло в свет уже 15 томов этого романа. Впереди еще 3 завершающих тома, то есть еще около трех лет напряженной работы. Автор вновь обратился к далекому 1928 году, когда японская военщина фактически начала агрессию в Азии. Свое повествование он хочет довести до 1948 года, когда Международный трибунал в Токио осудил военных преступников.

В центре эпопеи «Война и люди» — семья крупного японского промышленника Годая, разделившаяся на два противоборствующих лагеря. Сам фабрикант Годай, верный слуга японской военщины, делает все, чтобы помочь империи в затянувшейся агрессии против Китая. Он переводит на военные рельсы предприятия, отправляет брата в Маньчжурию возглавлять филиал своей компании. Таким образом, вместе с братом они активно участвуют в превращении Маньчжурии в плацдарм Японии для расширения захватнической войны на материке, для нападения на Советский Союз и Монгольскую Народную Республику.

Однако этот поставщик пушек и снарядов оказывается бессильным застраховать своего сына Сюнсукэ и свою дочь Дзюнко служить интересам войны. Под влиянием своего друга, рабочего паренька, токаря Кохэя Симати Сюнсукэ занимает место в рядах антивоенно настроенной японской молодежи. Разгневанный этим, отец отправляет Сюнсукэ в Маньчжурию к дяде «на перевоспитание». Но и там Сюнсукэ находит себе единомышленника — редактора крупного журнала. Сын японского военного промышленника публикует антивоенные статьи, разоблачая в них агрессивную политику милитаристов и монополистов Японии. Жандармы бросают за решетку автора этих статей и редактора журнала. От казни Сюнсукэ Годай спасает только имя отца. Смертный приговор ему заменяют отправкой в действующую армию, где он вскоре поворачивает винтовку против своего командира.

Много места в романе «Война и люди» отведено разгрому японской армии советскими и монгольскими войсками на реке Халхин-Гол в 1939 году.

— Я лично, — говорит Д. Гомикава, — придаю этому событию особое значение, поскольку в боях на Халхин-Голе наиболее ярко и наглядно проявился авантюризм верхушки японской военщины. Ради своих корыстных интересов милитаристская клика Японии превратила солдат японской армии в пушечное мясо, бросив их в штыковой бой против советских танков и пушек. Потерпев сокрушительное поражение, японское военное командование скрыло правду от народа Японии. В своем романе я хочу сказать читателям о том, что если бы Япония извлекла правильный урок из поражения на Халхин-Голе, то она, видимо, не стала бы развязывать в 1941 году «великую войну на Тихом океане», которая закончилась для нее так позорно.

Да, действительно, это событие глубоко волнует писателя. Уже после того, как он подробно описал его в вышедших в свет томах романа «Война и люди», Дзюмпэй Гомикава в 48 номерах еженедельного литературного журнала «Сюкан бунсю» за 1974 год опубликовал новое произведение — «Халхин-Гол», которое писал параллельно со своей многотомной эпопеей и в котором еще более детально проанализировал причины, ход и итоги событий далекого 1939 года.

По словам писателя, самое трудное в его работе — это поиск истины, истинных исторических фактов. Дело в том, что политические и военные деятели, очевидцы и непосредственные участники тех событий, сейчас уже в преклонном возрасте. Когда с ними в настоящее время беседуешь, правды добиться от них нелегко. Сложно также найти исторические документы и старые книги того периода. Одним словом, правду приходится собирать по крупицам. Этому Д. Гомикава уделяет ежедневно по нескольку часов — с 12 часов дня до вечера. А каждую ночь, с 10 до 5, — пишет. Сну отводит всего 5—6 часов.

За плечами 58-летнего Дзюмпэя Гомикавы огромный труд. Еще не завершена эпопея «Война и люди», а писатель уже полон новых творческих замыслов.

Михаил ДЕМЧЕНКО,
корреспондент ТАСС — специально для «Литературной газеты»
ТОКИО

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

Лукино ВИСКОНТИ:

«ЗАЧЕМ НУЖНО ПРОШЛОЕ?..»

Мы уже сообщали, что итальянский кинорежиссер Лукино Висконти закончил, несмотря на болезнь, новый фильм, рассказывающий о распаде буржуазных семейных связей. Западная пресса сегодня много пишет об этом фильме, называя его еще одним шедевром Висконти и ставя в один ряд с такими его знаменитыми картинами, как «Земля дрожит», «Ронко и его братья», «Гибель богов», и другими. Недавно Лукино Висконти дал обширное интервью корреспонденту журнала «Зуропео», изложив в нем свои взгляды на собственное творчество и на состояние дел в итальянском кино. Мы предлагаем вниманию читателей сокращенный перевод этого интервью.

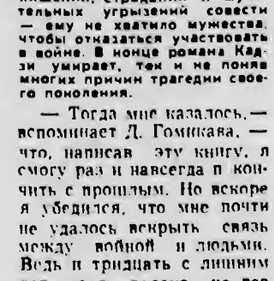
Лина НОЛЕТТИ. От вашего последнего фильма, Лукино Висконти, сейчас все очень многого ждут. Говорят, что фильм «Семейная группа»... — автобиографическое произведение, глубоко личное...

Лукино ВИСКОНТИ. Нет, нет. Имейте в виду — это неправда. Ничего автобиографического в фильме нет. Разве что общее настроение, какие-то глубинные чувства... Ведь понятно, когда что-то создаешь, ты же не можешь раздвоиться: какая-то часть тебя самого как бы переливается в твою работу, и только. Кто «герой» моего фильма? Профессор. Человек, собирающий картины, живущий этой своей страстью. Мой профессор — человек одинокий, отгородившийся от мира. Он сам говорит: «Если бы я интересовался не произведениями искусства, а людьми, их проблемы стали бы моими проблемами, и в конце концов я бы в них захлебнулся». А я не таков: у меня есть мое работа, меня окружают люди, я люблю людей, для меня главное — люди, а не произведения.

— Не потому ли и в новом фильме тема осталась для вас неизменной? Это люди, семья, вернее распад семьи, ее саморазрушение.

— Да, мои истории действительно таковы. Это истории распадающихся семейных групп. «Леопард», «Гибель богов»... Негативные истории, вы правы. Исключение составляет, пожалуй, «Земля дрожит»... Вы спрашиваете, почему так, почему они звучат у меня, как реквием. Потому что рассказывать о хороших, добрых чувствах легче, а о плохих — труднее. Да, моя излюбленная форма — трагедия. Я предпочитаю рассказывать о моментах, когда отношения между людьми обостряются до такой степени, что не могут дать начало ничему позитивному. И все же личные воспоминания здесь ни при чем, влияние моего прежнего опыта — ни при чем.

— Я не понимаю одной вещи. Если во времена фашизма вы дали зрителям «Одержимость» и осмелились появиться на экране подлинную, народную Италию, в 1948 году создали фильм «Земля дрожит», а спустя еще несколько лет — реалистический фильм «Ронко и его братья», то почему же потом вы обратились и совсем иным сюжетам? Почему стали интересоваться делами давно минувших дней, гибелью богов, всеми этими Людовиками, смертями в Венеции? Сегодня мир полон трагическими событиями, а вы предлагаете нам историю об одиночестве человека...



— Ваша наивность меня умиляет. Вы спрашиваете, почему я больше не снимаю чисто политических фильмов. А я вам отвечу, что все очень просто: для того чтобы снять фильм, нужны деньги; деньги вкладывают в фильм продюсеры; а продюсеры — это не те люди, которых волнует проблема социальной несправедливости. Продюсеры — дельцы, и иногда — очень скаредные. Их вечно терзают всякие страхи, да к тому же они по рукам и ногам связаны зависимостью от иностранного капитала.

Уж вы-то должны знать, что сейчас наше отечественное кино волочит за спиной груз американского доллара. А Соединенные Штаты, препятствующие установлению у нас в стране левого правительства, настроены решительно и непреклонно, и в этой области они требуют, чтобы кино не пробуждало сознание, никуда не звало.

— Но ведь... ведь есть люди, которые...

— Кто? Я оглядываюсь по сторонам — и никого и ничего не вижу. А если и вижу, то один лишь провалы и неудачи.

— А Рози*, например?

— Рози был моим ассистентом, он вырос на моих глазах, я его очень люблю. Однако нельзя отрицать того, что и он изменил свой курс. Послушайте, продюсеры требуют другого: им подавай голое тело, подавай эротику. «Ладно, — говорят они, — если тебе уж обязательно нужно выступать с разоблачениями, то хоть сдобри эти разоблачения пикантными любовными сценами...» А поскольку от таких вещей я действительно отказываюсь, поскольку я сохраняю верность своему кино и хочу с ним остаться, я предпочитаю какие-то вещи вовсе не делать. Раз уж выбор у меня один: либо компромисс, либо диктат продюсера. И все же вы не можете упрекнуть меня в том, что я безнаказанно убегаю в прошлое и — аминь. В конце концов, дорогая синьора, календарь не так уж важен: важны темы, идеи... Зачем нужно прошлое? Оно помогает объяснить настоящее. Потому что из каждого моего фильма, из каждого рассказа выпирает одна мысль: история повторяется. Диктаторский строй и в политической, и в культурной жизни всегда ненавистен, всегда ужасен. Да, я рассказываю о предательстве, об изменах, о больных клетках общества, о «племенных» войнах. Но рассказываю, надеясь, что это больше никогда не повторится. Что символ семьи будет пересмотрен, переоценен. Я уж не говорю о том, что мой последний фильм несет и политическую нагрузку; в нем говорится о «черных заговорах», о переворотах. И одного этого уже много для такой кинематографии, как наша. Подумать только, что ставка делалась на всяких там сампиери, а сампиери** перекинулись на показ хорошеньких актрис... Это ведь нетрудно, сами понимаете: если актриса привлекательна, «секси», то достаточно немного ее раздеть — и вот вам уже готовый жанр. Нет, нет, скажу прямо: моим молодым коллегам не хватает дыхания, они все рабы конформизма.

— Итак, ваш взгляд на мир кино остался неизменным. Еще двадцать лет назад в своем фильме «Самая красивая» вы показали некоторые его теневые стороны...

— Я сделал этот фильм потому, что хотел работать с Анной Маньяни. Это была такая поразительная актриса, такая необыкновенная женщина! После смерти все стали ее превозносить, а при жизни игнорировали, предпочитая ей всяких дурочек. Как, впрочем, и сейчас, многим наплевать на игру: была бы красивая фигура. Нет, нет, понимаете, если бы мне заново пришлось снимать этот фильм, сегодня я был бы еще пессимистичнее и еще суровее. Общая картина итальянского кино, как я уже сказал, не вдохновляет. Куда ни посмотришь, всюду одна самонадеянность, идеи постепенно порастерялись, и многие пытаются заполнить абсолютную пустоту порнографией и самым мерзким насилием.

— Вы, кажется, собираетесь экранизировать «Волшебную гору» Томаса Манна?

— Да. Вот это действительно будет автобиографический фильм.

* Франческо Рози — прогрессивный художник, фильмы которого — «Руки над городом», «Сальваторе Джулиано», «Люди против» — известны нашим зрителям.

** Сальваторе Сампиери — молодой режиссер левоэкстремистской ориентации.

ЧУДАКИ

А. КРИВЫХ

А. ПОДДУБНЫЙ, Н. КРЕТОВИЧ

ФРАЗЫ

● Дожил до седых волос, а нажил только ум.

● Думаю, не ошибусь, если ничего не скажу.

Эрнест ВЕСТИН

● Как бы хорошо о тебе ни отзывались друзья, будь о себе лучшего мнения.

● Есть математическая логика и диалектическая, все остальное — женская.

● Берегите деревья! На них жили наши предки.

● Мизантроп — самое любимое блюдо людоеда.

● Как удивительна жизнь когда она прекрасна!

М. ГЕНИН

КЛУБ СТУЛЬЕВ

Администрация «Клуба ДС» поздравляет всех заинтересованных лиц с наступающим через некоторое время Днем смеха, днем сатиры и юмора и уведомляет, что он состоится, как обычно, 1 апреля, то есть сразу после понедельника.

Поступающие с мест сообщения говорят о том, что у многих граждан в этот день спина будет белая.

В каждом таком конкретном случае администрация рекомендует обращаться либо в химчистку, либо в «Клуб ДС».

Увеличим количество и качество чувства юмора на душу населения!

Ироническая поэзия

Лев ЩЕГЛОВ

Гостеприимство

Ко мне приходит гость,
Мой лучший из гостей.
Он вешает на гвоздь
Фуражку у дверей,
Потом
Проходит в дом,
Садится на диван
И говорит о том,
Что на дворе туман,
Что тонут
Корабли,
Что стонут
Поезда,
Что от Земли
Вдали
Рождается звезда,
Что слезы муравьих
Опасны, как иприт,
Но о делах своих
Мой гость не говорит.
И про мои дела
Не рассуждаем с ним,
Однако у стола
До полночи сидим.
О том, о сем вдвоем
Болтаем так и сяк,
Покуда весь объем
Познаний не иссяк.
Я ничего о нем
Не знаю до сих пор.
Быть может, астроном,
Быть может, прокурор,
Быть может, детский врач,
А может быть, кассир,
А может,
Так, трепач,
А может,
Просто псих.
А может,
Я к нему
Под вечер прихожу
И у него в дому
До полночи
Сижу.

ЧУДАКИ

Г. СМОЛЯНОВ

СОВРЕМЕННИКИ — О Евг. САЗОНОВЕ

Накануне первого апреля — Дня смеха администрация «Клуба 12 стульев» обратилась к известным мастерам веселого цеха, которым посчастливилось непосредственно общаться с Евг. Сазоновым. Мы попросили их поделиться своими воспоминаниями об авторе романа века. Публикуя эти юморные материалы, администрация стремилась раскрыть новые, еще не стертые грани облика маститого романиста, душелюба и ассенизатора.

Аркадий РАЙКИН: МОЙ ШКОЛЬНЫЙ ТОВАРИЩ ЖЕНЯ

Это что тут в приемной — опять народ просочился? Ах, по случаю встречи Дня смеха... Ну да, я понимаю... что это на столах — бутыльброды с маслом? И эта, родимая... то есть проклятая... Чача? Какая чача? Ну, тада еще ничаво еще... Нет, конечно, я понимаю, — в такой день, когда все человечество празднует... По-научному — это вам не понять — банкет называется.

Так что вы от меня хотели, товарищ? Ну, не дают! Не дают работать! Ах, вспомнить о Сазонове? Это какой еще Сазонов? Рек-бус! Кроксворд! Матусовский — помню. Долматовский, Колмановский, Богословский, Курский, Казанский... Ах, школьный товарищ? Нет, не припомню. Сидишь тут, как мальчишка, с пятью телефонами... Я же вас просил чай с лимоном, а вы что принесли? Я сам знаю, что День смеха. Пить надо меньше, но чаще. А что, горит? Уже смешно!

Так что он там написал, этот, как его фамилие... Роман-то какой, говорю? Ах, «Бурный поток»... Ну, разве это поток? Настоящих-то потоков да-авно нет! Вот раньше потоки были — это да... В тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году, как сейчас помню... Весна... Все залило! Все-о! Земли не видно. Это поток! А у Сазонова что? Нет, вообще-то, конечно, есть кое-что. Но — не то!

Что? Ах, меня уже сняли с работы?

Ну еще бы, Женя Сазонов, как не помнить! Вместе в греческом зале... Мы же с ним из одного тамбура вышли. Как вспомню — так вздрогну, как вздрогну — мороз по коже. Бу сделано! Как говорят древние греки — айн унд цванциг, фир унд зибцик, что означает — с первым апреля!

Ну, а этим вопросом все. Это я сказал, это я предупредил. Таким путем, в таком разрезе. Семья есть? Привет семье. С Днем, сами понимаете, смеха!

Леонид УТЕСОВ: ТЫ Ж ОДЕССИТ, ЖЕНЬКА!

Вы меня спрашиваете — или я не помню Женьку Сазонова? Да это ж наш коренной одессит, он же за [illegible]

[illegible]

Воспоминания подслушал и записал Владимир ВОЛИН

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА «РОГА И КОПЫТА»

● ОБЪЯВЛЕНИЕ

Театру одного актера требуются осветители, плотники, суфлеры, монтеры, грузчики, кассиры, билетеры, уполномоченные по распро[illegible]

● ПОБЕДА

В Нижних Ералашах состоялся районный конкурс настройщиков роялей. Победил Алексей Колотун, который настроил инструмент всего за 3 рубля 62 копейки.

● У МУЗ

Невзыскательно относится к своему творчеству художник В. Бурдейный. Он выходит с мольбертом на лоно природы и сразу делает копию.

● ЗАМЕТКИ ФЕНОЛОГА

Не плачь, девчонка, пройдут дожди [illegible]

Андрей КУЧАЕВ

ЛЕГКО ЛИ РАССМЕШИТЬ ЖЕНЩИНУ?

— У ВАС есть чувство юмора? — спросила она меня.

— Разумеется!

— Тогда расскажите мне что-нибудь смешное.

— Смешное? Сколько угодно! Знаете, у нас на работе не соскучишься! Вот вам пожалуйста! Курков пришел вчера в отдел в пижаме и шлепанцах.

— Ой! Бедный! Мне его жалко, какой смех! Ведь все кругом стали смеяться над ним, да?

— Нет. Никто не заметил. Один я смеялся. М-да... Что же вам еще рассказать? Ага, вот смешная история: наш зам Шапов засмотрелся на девушку по дороге на службу и угодил под велосипед...

— Да что вы?! Повредил что-нибудь?

— Велосипед... Ммм. Как же вас рассмешить все-таки? Вот. Не далее как вчера наш Петухов полез в сейф из любопытства и нечаянно там захлопнулся вместе с ключами.

— Вы это серьезно? Какой кошмар! И что же? Долго он там, несчастный, сидел?

— Нет. Не очень. Автогеном вырезали. Немножко поседел. На висках... Ну что вам рассказать по-настоящему смешное? Наш плановик Галошин поскользнулся в столовой на манной каше и грохнулся прямиком в аквариум с рыбами в нашей столовой.

— Неужели? Вы меня просто расстроили! Как же можно? Что же это за порядок в вашей столовой? Куда, интересно, смотрел местком?

— Куда и все. В аквариум. Он там минут пятнадцать циклопом питался. Обедал то есть... Н-да... Как же все-таки мне вас рассмешить? Наш Сушкин бутылку пальцем открывал давеча, пробку протолкнуть протолкнул, а назад палец никак.

— Ужас! Он хоть сообразил поскорее разбить бутылку?

— Сообразил: что если ее разбить, содержимое выльется.

— Так, бедолага, и ходит?

— Так и бегает. Чтобы похудеть вместе с пальцем, чтоб его потом вытащить... Н-да... Как же все-таки вас рассмешить? Неужели не удастся? Ну вот: наша уборщица Валя уже похудела. Причем до такой степени, что ее за ручкой швабры не видать.

— И вы смотрите? Она же, вероятно, опасно больна!

— Цит. Влюбилась. А это не опасно.

— В кого же ее угораздило?

— В меня.

— Что-что? Повторите!

— В меня.

— В вас? Ой, не могу!

— А что тут смешного, не понимаю?

Все таки я ее рассмешил. Хотя в последнем случае я первый раз сказал правду.

Владлен БАХНОВ

ПАРИ

РАССКАЗ

ПОСЛЕ обеденного перерыва ко мне подошел Фактуров. Поглядев по сторонам и убедившись, что рядом никого нет, Семен тихо, едва шевеля губами, сказал:

— Пойди и попроси Заскоцкого, чтоб он тебя вставил в списки.

— В какие списки? — не понял я.

— Пойди и запишись! — многозначительно повторил Семен и проследовал дальше.

Заинтригованный, я отправился искать Заскоцкого. Петя служил в плановом отделе и был из тех людей, которых можно застать где угодно, только не на рабочем месте. Поэтому я сразу пошел по всем другим комнатам, но обнаружил Петю лишь в конце поисков, когда, отчаявшись, заглянул на всякий случай и в плановый. Петр сидел за столом и мечтательно глядел в окно.

— Слушай, старик, — негромко сказал я, облокотившись на стол, — вставь меня в эти списки.

— Ну, пошел звон!.. — стараясь казаться недовольным, проворчал Заскоцкий.— А тебе что, действительно нужно? Только честно.

— Во как! — я провел ребром ладони по горлу. Петя с сомнением посмотрел на меня, но, вынув из ящика разграфленный листок, вписал мою фамилию и сразу же спрятал листок обратно. — Запомни, твой номер одиннадцатый. При распределении это может иметь решающее значение.

Я понимающе кивнул и спросил:

— При распределении чего?

— Ладно, ладно, сам знаешь! — отмахнулся Петя.

Я отправился к себе, но по дороге встретил Васю Зайченко из отдела сбыта и по секрету велел ему тоже записаться. Пока не поздно.

— На что записаться? — заинтересовался Василий.

— А черт его знает. Отказаться в конце концов всегда можно, — рассудительно сказал я.

— И многие уже записались? — с какой-то странной интонацией спросил Зайченко.

— Я одиннадцатый.

И вдруг Василий прислонился к стене и стал трястись. Я не сразу понял, что это он так смеется.

— Да что с тобой? В чем дело? — Я встряхнул Васю, но он продолжал беззвучно смеяться. — Ну, перестань валять дурака!

Зайченко едва успокоился:

— Дай слово, что будешь молчать.

Я дал. Василий еще немного потрясся, а потом потащил меня на лестницу. И тогда выяснилось следующее. Зайченко с кем-то в своем отделе поспорил на дюжину пива, что в нашей конторе поверят любым слухам... Чтобы доказать это, он по секрету сообщил, что для нас почему-то выделили несколько списанных троллейбусов и желающие могут их приобрести за небольшую сумму.

Сначала эту новость встретили без особого интереса. Но когда добровольный активист Заскоцкий по собственной инициативе стал составлять списки, кое-кто поспешил записаться. И теперь пиво, можно считать, было у Васи в кармане.

— Ты только пока что молчи, — еще раз попросил Вася. — Это будет розыгрыш века!

— Так я ведь не знал, на что записываюсь, — попытался оправдаться я. — Зачем мне нужен списанный троллейбус?

— Ты не знал, а другие же знали... Вот посмотрим, что будет через три дня.

Назавтра в нашем отделе говорили только о списанных троллейбусах.

— Да что с ними можно делать? — удивлялась Вера Павловна.

— Все что угодно! — отвечал Фактуров. — Хотя бы по городу ездить.

— А кто вам позволит разъезжать на персональном троллейбусе и нарушать график движения?

— Почему обязательно нарушать? Можно кататься ночью, когда другие троллейбусы не ходят.

— И вы думаете, горсовет разрешит вам бесплатно пользоваться электроэнергией?

— Почему бесплатно? Можно счетчик поставить, — не сдавался троллейбусный энтузиаст.

— А вы представляете, какая сумма нагорит у вас за месяц? И где вы будете держать вашу машину вообще?

— Возле дома, где все машины стоят...

Я сидел, не вмешиваясь в спор, и с трудом сдерживал смех. Это надо же — всерьез обсуждать такую бредовую идею! А Вера Павловна выдвинула еще полдюжины неразрешимых, казалось бы, проблем и, получив на все вопросы исчерпывающие ответы, пошла записываться к Заскоцкому.

Однако выяснилось, что желающих набралось слишком много и запись уже прекращена.

Мы с Васей Зайченко сходились каждый час и, обсуждая происходящее, хохотали до упаду.

А к концу рабочего дня неистощимый Фактуров выдвинул еще одну грандиозную идею, как использовать те самые троллейбусы. Дело в том, что совсем недавно мы получили за городом садовые участки. Они были небольшими, чуть больше кабинета нашего директора. И теперь Фактуров решил поставить у себя на участке вместо домика троллейбус. Если салон перегородить, говорил он, из него вполне получится двухкомнатная дачка. А в кабине водителя разместится детская кроватка.

Услыхав об этом, все учреждение переполошилось. Одни помчались на улицу, желая безотлагательно измерить салон какого-нибудь троллейбуса. А не успевшие записаться начали интриговать. Причем интригующие сразу же разделились на несколько категорий. Одни скандалили, требуя какой-то справедливости, другие сколачивали недовольных, мечтая сместить самозванца Заскоцкого. А третьи пошли самым верным путем и стали Заскоцкого ублажать. Они заискивали, предлагали дефицитные товары и даже приглашали на день рождения. Заскоцкий внезапно стал важной фигурой. К кому-то он благоволил и намекал, что постарается сделать все возможное. Кому-то резко отвечал, что, мол, раньше надо было думать. А с третьими он вообще не разговаривал. Каким-то образом он уже сидел в отдельной комнате с сейфом и выглядел так же неприступно и загадочно, как умеющий хранить тайны сейф. Если же у него спрашивали, когда выяснится троллейбусный вопрос, он прямо говорил, что сам не имеет понятия. Но говорил так, что каждому было ясно: знать-то он знает, а разглашать пока не может!..

Мы с Зайченко прямо-таки заходились от смеха.

Недовольные потребовали чтобы местком срочно созвал открытое собрание и распределил троллейбусы голосованием. Местком согласился.

Но тут выяснилось, что Заскоцкий исчез. Не появился он и на следующий день. Разумеется, никто ничего в точности не знал, и по учреждению поползли самые причудливые слухи.

В понедельник секретарше директора по секрету сообщила, что Заскоцкий вылетел в Москву.

В среду из того же источника стало известно, что от активиста пришла телеграмма: «Записался прием». Куда на прием, зачем — опять-таки тайна, покрытая мраком...

И только в пятницу усталый, осунувшийся Заскоцкий грустно возник в учрежденческом коридоре. Он объявил, что, имея на руках все нужные бумаги, действительно побывал в Москве, к кому-то нашел ход, у кого-то получил резолюцию, где-то выбил наряд...

— Эх, если бы я туда хоть на три дня раньше приехал! — удрученно разводил руками Заскоцкий. — Прямо из-под носа забрали у меня последние списанные троллейбусы. Я их сам видел, щупал, как новенькие...

Вася Зайченко перестал смеяться, потому что никак не мог решить: выиграл он дюжину пива или проиграл! С одной стороны, все вроде бы поверили слуху, а с другой стороны, слух вроде бы оказался правдой. Хотя и не совсем...

— Ничего не понимаю... — пожимал плечами Зайченко.

Но когда в начале следующего года пронесся слух, что записывают на подержанные трамваи, Зайченко на всякий случай записался первым. Отказаться ведь никогда не поздно...

ПЕРЕВОДЫ

Януш ОСЕНКА

СВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

СУПРУГИ Зет известны как неповторимые снобы. Попасть в круг исключительных особ, бывающих в их доме,—штука весьма затруднительная. Чтобы иметь право переступить порог квартиры супругов Зет, недостаточно быть инженером, адвокатом, профессором университета, здесь нужно быть кем-то!

Трудно поверить, но это факт: на приемах у супругов Зет в дверях салона стоит специально для этого нанимаемый швейцар из ресторана высшей категории. Он возвещает о прибывших гостях, сообщая о них все подробности: фамилию и титул, то есть место работы и должность.

— Пан Дуслиак из комиссионного магазина! — восклицает швейцар, троекратно ударяя палкой об пол.

Раздается восторженный шепот. Дуслиак входит, кланяется еле заметным движением головы, рассыпает улыбки, а близстоящим шепчет тихо, конфиденциально:

— Сегодня мы приняли несколько пар импортных туфель на платформе...

Аплодисменты постепенно стихают, остаются только тихие звуки музыки, шелест платьев, нежный запах духов.

— Панна Квятковская из «Гастронома»! — сообщает швейцар.

Мужчины толкаются, поправляют галстуки, шаркают лакированными туфлями. Хозяин расплывается в улыбке и сердечным, хотя и полным почтения жестом приглашает:

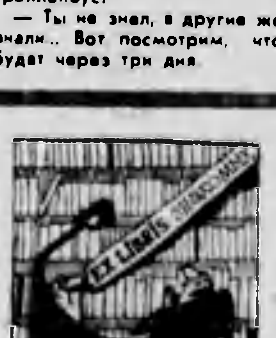
— Прошу, прошу... Я так рад вас видеть...

Но швейцар с каменным лицом уже уведомляет о прибытии следующего гостя:

— Пан Стжемпевич, инспектор райжилотдела!

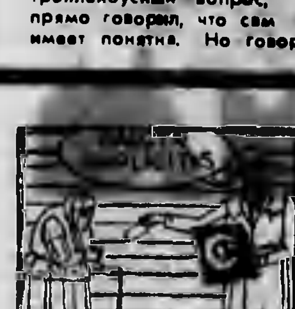
[illegible]

ГРЕКО-ЛАТИНСКАЯ АКАДЕМИЯ «КЛУБА ДС»

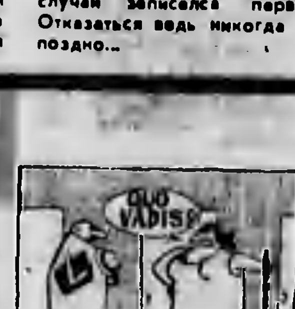


Экслибрис (лат.) — из книг.

Сапиенти сат (лат.) — для умного достаточно.



Санкта симплицитас (лат.) — святая простота.



Кво вадис? (лат.) — куда идешь?

Рисунки В. ЩЕРБАНА (АЛМА-АТА)

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар 30. Телефон для справок 295-00-00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор). Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, Б. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Е. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—01022 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30. Зак. 251

ИНДЕКС 50067